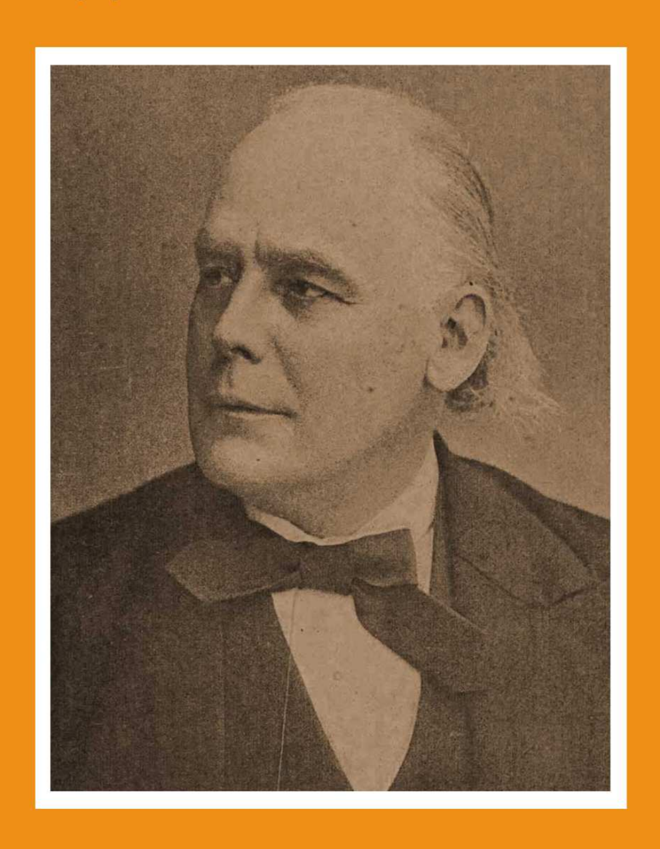
Д. С. Никитин

«Индийский чемпион»

Индия и Англия Чарльза Брэдло

Д. С. Никитин

«Индийский чемпион»

Индия и Англия Чарльза Брэдло

Новосибирск

2022

УДК 94(410+540)
ББК 63.3(0)5
Н62

Автор – Д. С. Никитин, кандидат исторических наук,
Томский государственный университет

Рецензенты:
Владимир Петрович Румянцев, доктор исторических наук, профессор;
Наталья Витальевна Палишева, кандидат исторических наук

Никитин, Дмитрий Сергеевич.

Н62 «Индийский чемпион» : Индия и Англия Чарльза Брэдло : научное издание / Д. С. Никитин. – Новосибирск : Агентство «Сибпринт», 2022. – 172 с.

ISBN 978-5-94301-913-5.

Книга рассказывает о жизни и деятельности Чарльза Брэдло – английского политического и общественного деятеля, его времени, полном борьбы и свершений, Англии, в которой он жил, и индийском национальном движении 1880-х гг., в котором он принимал участие.

Книга предназначена как для специалистов по новой истории Индии, так и для широкого круга читателей.

УДК 94(410+540)
ББК 63.3(0)5

ISBN 978-5-94301-913-5

Введение

Когда Женни Маркс возвращалась с воскресных лекций общества лондонских «свободомыслящих», где блистал молодой атеист Чарльз Брэдло (1833–1891)[1], ее супруг лишь посмеивался и говорил, что талантливый оратор, выступавший против церкви, эксплуатации и угнетения, «рано или поздно продастся буржуазии»[2].

Судьбы этих властителей дум действительно сложились очень поразному. За Марксом шли и идут миллионы; Брэдло же, сорок лет нарушавший спокойствие викторианской Англии, оказался практически забытым. Однако в том многогранном вкладе, который Брэдло внес в самые разные сферы общественной и политической жизни, тех многочисленных «ниточках», которыми он был связан с радикализмом, секуляризмом, борьбой в парламенте против консерваторов и на дебатных площадках против социалистов (сбылось пророчество Маркса!), отражаются достижения, потери и противоречия Британской империи XIX века – империи, где сошлись англиканство и атеизм, лендлорды и чартисты, империалисты и борцы за освобождение колоний. Едва ли можно найти в мировой истории страну, где девятнадцатое столетие прошло бы незамеченным, без провалов и прорывов, и для Великобритании это время также стало эпохой перемен, в которых герой этой книги играл свою, уникальную роль – атеиста, радикала, республиканца.

В числе этих перемен было и превращение Великобритании в «империю, над которой никогда не заходит солнце». Колониальные захваты, продолжавшиеся в течение нескольких столетий, в XIX в. достигли особенно большого размаха – по всему миру империя обретала новые территории; знаковым событием в этом ряду было окончательное завоевание Индии. Усилиями Ост-Индской компании в середине XVIII в. была завоевана Бенгалия, позже стало вассальным княжество Майсур, а войны первой половины XIX в. сокрушили некогда могущественную маратхскую державу. Великое восстание 1857–1859 гг. поставило под угрозу британское владычество на индийском субконтиненте, однако Радж не только устоял, но и преобразился. Ост-Индская компания ликвидировалась, страна перешла под власть короны. Индия стала колонией, но в тяжелых поражениях и утрате независимости зарождалось национальное движение, которому было суждено вернуть стране самостоятельность. С этим дви-

---

[1] Фамилия «Bradlaugh» имеет в русском языке несколько вариантов транслитерации – Бредло, Брадло, Брэдлаф, Бредлоу; в настоящем издании используется вариант, наиболее часто встречающийся в советских и дореволюционных российских изданиях.

[2] Лесснер Ф. До и после 1848 года // Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956. С. 159.

жением связана короткая, но полная событий «восточная» страница жизни Чарльза Брэдло – в конце жизни он стал «индийским чемпионом»[3], отстаивавшим интересы колонии в британском парламенте, где та не имела своих представителей. Эта страница, часто упускаемая из вида английскими биографами Брэдло, была, несмотря на свою мимолетность, исключительно важной для молодого национального движения, искавшего эффективные пути и способы развития. Потому целью этой книги является не столько жизнеописание яркого, но все же только одного из многих английских политиков, сколько попытка дополнить наши знания о национально-освободительном движении в Индии и его сложных и противоречивых отношениях с метрополией, связующим звеном в которых на определенном этапе был Брэдло. Именно они – Англия и Индия Чарльза Брэдло – и станут главными действующими лицами этой истории.

***

Чрезвычайно деятельная и скандальная фигура Брэдло еще при его жизни обратила на себя внимание биографов – часто лично с ним знакомых. Например, Адольф С. Хедингли[4] сообщал, что получил от Брэдло большую часть материала книги. Ее выход был обусловлен избранием «Иконоборца»[5] в палату общин, и автор расценивал этот факт как результат долгой самоотверженной борьбы, позволившей герою завоевать доверие избирателей. Хедингли воздерживался от оценки взглядов Брэдло, но с его метким замечанием о том, что «в религиозных вопросах Брэдло является атеистом, в социальных – мальтузианцем, а в политических – республиканцем, и защита этих взглядов лежала в основе всякого его действия»[6], приходится считаться и современным исследователям. Книга Хедингли оказалась ценным источником для последующих биографов[7], и в том числе – для дочери политика Гипатии Брэдло-Боннер, выпустившей в 1894 г. двухтомную биографию отца, наполненную воспоминаниями, малоизвестными анекдотами, и содержащую, помимо прочего, очерк взглядов Брэдло, написанный его соратником Дж. М. Робертсоном[8]. Интересно, что

[3] Здесь следует заметить, что английское слово «champion» означает не только победителя в спортивном состязании, но также защитника или сторонника.
[4] Headingly A. The Biography of Charles Bradlaugh. London, 1880. 332 p.
[5] Под этим псевдонимом Брэдло часто публиковал свои труды по религиозным вопросам.
[6] Ibid. P. 3.
[7] J. F. R. [J. F. Rayner]. Charles Bradlaugh, M. P., his portrait and biography. Southampton, 1881. 31 p.
[8] Bradlaugh Bonner H. Charles Bradlaugh : a record of his life and work. London, 1894. Vol. 1–2.

в 1880-х гг. было распространено мнение, что «Адольф Хедингли» – это псевдоним самого Брэдло[9], однако историк фотографии викторианской эпохи Дж. Ханнави приводит краткую биографию Хедингли[10] в «Энциклопедии фотографии XIX века», где прослеживает его творческий путь до 1905 г., тогда как Брэдло умер в январе 1891 г.

1880 – год избрания Брэдло в парламент – положил начало и отечественным исследованиям его жизни и деятельности. «Первопроходцем» стал ординарный профессор Московского университета И. И. Янжул, опубликовавший в журнале «Слово» статью «Новый тип английского радикализма» (позже переизданную в сборнике работ Янжула[11]). В своем очерке он опирался на автобиографию Брэдло[12] и вышедшие в 1880 г. работы Хедингли и Дж. М. Дэвидсона[13], и, помимо краткой биографии, давал характеристику влияния Брэдло на современный ему английский радикализм. Янжул сравнивал антирелигиозные выступления Брэдло со взглядами Вольтера, однако считал, что первый имел лишь «местное, национальное значение, обусловливаемое особенностями английской общественной жизни»[14]. По мнению Янжула, «воловье упрямство» Брэдло способствовало его успеху, а борьба против духовенства имела огромное нравственное и политическое значение для страны, завоевывая «поле для индивидуальной свободы и свободы мысли, находящихся до сих пор… под гнетом общественного мнения, в руках господствующих классов»[15]. «Новизна» радикализма Брэдло состояла в том, что, в отличие от Р. Кобдена, Дж. Брайта и У. Гладстона («которых прежде в Англии называли радикалами»[16]), он в большей степени опирался на рабочий класс, что вело к укреплению и росту «новой партии». Однако мальтузианские взгляды, коих придерживался Брэдло, Янжул (в очерке 1882 г.[17]) характеризовал как «весьма странное течение человеческой мысли»[18], полагая, что мальтузи-

---

[9] Mackay Ch. R. Life of Charles Bradlaugh, M.P. London, 1888. P. 335.
[10] Encyclopedia of Nineteenth-Century Photography / ed. J. Hannavy. New York ; London, 2008. Vol. 1. P. 644.
[11] Янжул И. И. Новый тип английского радикализма // Очерки и исследования. М., 1884. Т. 1. С. 1–38.
[12] National Reformer. 1873. 31st Aug.; переиздана в 1891 г. как «The autobiography of C. Bradlaugh : a page of his life written in 1873 for the „National Reformer“».
[13] Davidson J. M. Eminent radicals out of Parliament. London, 1880. 119 p.
[14] Янжул И. И. Новый тип английского радикализма. С. 3.
[15] Там же. С. 34.
[16] Там же. С. 35.
[17] Янжул И. И. Возрождение мальтузианства в современной Европе // Очерки и исследования. М., 1884. Т. 1. С. 39–167.
[18] Там же. С. 45.

анство не сможет оказать серьезного воздействия на общественную жизнь[19].

Среди биографических работ конца 1880-х гг. следует упомянуть книгу Ч. Маккея[20] (особо подчеркивавшего, что он «никогда не встречался с г-ном Брэдло»[21]), написанную в «крайне враждебном духе»[22] и вызвавшую обвинения в клевете против Брэдло[23], а также очерк Дж. Стендринга[24], напротив, выдержанный в благосклонном тоне. Полярность мнений, безусловно, является свидетельством неоднозначной репутации Брэдло в обществе, однако следует заметить, что биографии Брэдло отвечали требованиям момента и не претендовали на глубокий анализ его философских и политических взглядов.

После смерти Брэдло появились многочисленные жизнеописания на основе воспоминаний близких ему людей и соратников – Дж. Холиока[25], Дж. Фута[26], А. Безант[27], а также уже упоминавшейся Г. Брэдло-Боннер. Все они добавляют интересные штрихи к портрету бунтаря-парламентария, но характерной в целом чертой английских и американских[28] изданий 1880-х – 1920-х гг. является почти полное отсутствие «индийской стороны» деятельности Брэдло. Г. Брэдло-Боннер коротко описывала его визит в Индию в 1889 г.[29], а Дж. Робертсон[30] упоминал также и о парламентской борьбе Брэдло против отстранения от власти махараджи Кашмира, ставшей весьма заметным, хотя и противоречивым, эпизодом его последних лет в парламенте. Однако в индийской брошюре начала XX в. из серии, посвященной британским «друзьям Индии», анонимный автор описывал (не вдаваясь, впрочем, в подробности), работу Брэдло в качестве «члена парламента от Индии» по подготовке закона об индийских советах и его выступления в защиту кашмирского правителя – службу, благодаря которой его имя заняло место «в сердцах образованных классов в Индии»[31].

---

[19] Там же. С. 167.
[20] Mackay Ch. R. Life of Charles Bradlaugh, M.P. London, 1888. 476 p.
[21] Ibid. P. VI.
[22] Leeds Mercury. 1888. 19th Oct.
[23] Northampton Mercury. 1889. 29th June.
[24] Standring G. Biography of C. Bradlaugh, M. P. London, 1888. 16 p.
[25] Holyoake G. Y. Life and career of Charles Bradlaugh, M.P. [S. l., 1891]. 16 p.
[26] Foote G. W. Reminiscences of Charles Bradlaugh. London, 1891. 46 p.
[27] Besant A. Charles Bradlaugh, a sketch of his life and work. San Francisco, 1891. 39 p.
[28] Hubbard E. Bradlaugh. New York, 1907. 54 P. («Little journeys to the homes of great reformers» series).
[29] Bradlaugh Bonner H. Charles Bradlaugh... Vol. 2. P. 106–108.
[30] Robertson J. M. Charles Bradlaugh. London, 1920. 122 p.
[31] Charles Bradlaugh; a sketch of his life and his services to India. Madras, [s. a.]. 61 p.

В 1933 г. вышло в свет юбилейное издание, посвященное 100-летию со дня рождения Чарльза Брэдло[32], завершившее полувековую «эпоху» жизнеописаний. Это издание, подготовленное специальным комитетом из его друзей, родственников и почитателей, представляет собой своего рода компендиум воззрений Брэдло, составленный из отрывков его работ, дополненный краткой биографией, воспоминаниями о его жизни и деятельности и библиографией основных трудов. Только в 1971 г. вышла следующая (и последняя на сегодняшний день) биография Брэдло, написанная Д. Трайбом[33]. Трайб рассматривал политические взгляды и действия Брэдло сквозь призму столкновения двух «революций» в Англии середины XIX в. – «революции» среднего класса и «революции» класса рабочего, которые в условиях несовершенства избирательного права боролись за расширение своего представительства в системе управления. Избрав «традиционную» форму повествования, Трайб тем не менее затронул идейные основания политической практики Брэдло и пришел к выводу, что многие из его требований не утратили своей актуальности, а сам он стал первым британским политиком, приобщавшим широкие народные массы к борьбе за расширение политических прав и укрепление светских основ общественной жизни[34]. Менее заметным, быть может, но не менее значимым представляется вклад Трайба в систематизацию опубликованных отдельными изданиями трудов Брэдло[35].

Со второй половины прошлого века деятельность «Иконоборца» начала изучаться в контексте исследований, посвященных различным сторонам общественно-политической жизни викторианской Англии. Главной научной проблемой в этих работах является идейное наполнение английского свободомыслия, его влияние на народные массы[36], его отношение к ламаркизму, учению Дарвина и расовым вопросам[37]. Своего рода ответвлением от этого направления являются исследования «процесса Брэдло» 1880 г., когда тот отказался давать традиционную присягу при вступлении

---

[32] Champion of liberty: Charles Bradlaugh (Centenary volume). London, 1933. 346 p.
[33] Tribe D. President Charles Bradlaugh, M.P. London, 1971. 391 P.
[34] Ibid. P. 298–299. Следует, впрочем, указать и на точку зрения, согласно которой критика религии секуляристами не находила большой поддержки вне малых групп энтузиастов: McCord N., Purdue B. British history 1815–1914. Oxford, 2007. P. 382.
[35] Tribe D. President Charles Bradlaugh, M.P. P. 371–375.
[36] The British : Their Religious Beliefs and Practices 1800–1986 / ed. T. Thomas. London ; New York, 1988. 254 P.
[37] Stephens M. Imagine there's no heaven : how atheism helped create the modern world. New York, 2014. 328 p.; Alexander N. Race in a Godless World : Atheism, Race, and Civilization, 1850–1914. Manchester, 2019. 301 p.; The Infidel tradition from Paine to Bradlaugh / ed. E. Royle. London, 1976. 228 p.

в парламент из-за содержавшейся в ней формулы «Да поможет мне Бог» и был помещен под стражу. Большой вклад в исследование процесса, его воздействия на парламентскую процедуру и прямого или опосредованного участия в нем ведущих политических лидеров страны внесли работы У. Арнстайна[38]. Значение процесса для утверждения свободы совести в Великобритании подчеркивается и в работах последних лет – так, М. С. Стецкевич рассматривает его как одну из вех третьего, текущего этапа расширения религиозных свобод в стране[39].

Участие Брэдло в политических баталиях второй половины XIX в. нашло отражение в ряде работ, посвященных развитию республиканских идей в королевстве и борьбе радикалов и социалистов за влияние на народные массы[40]. Несмотря на то, что республиканизм Брэдло не был в полной мере последовательным[41], это не снижало остроты дискуссий с социалистами, рассмотренных в очерке Д. Лавин[42].

Наконец, индийский эпизод политической карьеры Брэдло стал предметом изучения историков национального движения в Индии. Главной темой здесь выступают попытки Брэдло провести в парламенте предложенный Индийским национальным конгрессом (ИНК) вариант законопроекта об индийских советах. Так, Х. Л. Сингх[43] отмечал, что в последние годы жизни Брэдло был подлинным представителем Конгресса в палате общин. Активность парламентария на «индийском фронте» стимулирова-

---

[38] Arnstein W. L. Gladstone and the Bradlaugh Case // Victorian Studies. 1962. Vol. 5, № 4. P. 303–330 ; его же: W. L. Parnell and the Bradlaugh Case // Irish Historical Studies. 1963. Vol. 13, № 51. P. 212–235 ; его же: The Bradlaugh Case: A Reappraisal // Journal of the History of Ideas. 1957. Vol. 18, № 2. P. 254–269 ; его же: The Bradlaugh case : atheism, sex, and politics among the late Victorians. Columbia, 1983. 387 p.

[39] Стецкевич М. С. Свобода совести в Англии: пути утверждения // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 1 (11). С. 8–13.

[40] Clayes G. Imperial Sceptics: British Critics of Empire, 1850–1920. Cambridge, 2010. 333 P. ; D'Arcy F. A. Charles Bradlaugh and the English Republican Movement, 1868–1878 // The Historical Journal. 1982. Vol. 25, № 2. P. 367–383 ; Shipley S. Club life and socialism in mid-Victorian London. [Oxford], 1971. 85 P. ; Wolfe W. From radicalism to socialism : men and ideas in the formation of Fabian Socialist doctrines, 1881–1889. New Haven ; London, 1975. 333 P. ; Royle E. Radicals, secularists and republicans : popular freethought in Britain, 1866–1915. Manchester, 1980. 392 p.

[41] Craig D. M. The Crowned Republic? Monarchy and Anti-Monarchy in Britain, 1760–1901 // The Historical Journal. 2003. Vol. 46, № 1. P. 167–185.

[42] Lavin D. Bradlaugh contra Marx : radicalism versus socialism in the First International. London, 2011. 83 P.

[43] Singh H. L. Problems and politics of the British in India (1885–1898). London, 1963. 284 p.

ла процесс подготовки реформ Министерством по делам Индии (рассмотренный в работах Б. Мартина[44]), и, хотя закон был принят уже после смерти Брэдло на основе предложенного правительством билля, его работа, по мнению Н. Н. Сингха[45], привела к попыткам Конгресса усилить давление на правительство с целью удовлетворения прочих требований ИНК. Дж. Маклейн[46] и Х. Каушик[47] полагали, что деятельность Брэдло возродила в рядах индийских националистов интерес к попыткам добиться уступок от Англии. К проблеме принятия закона об индийских советах обращались также К. А. Саджунлал[48], Ш. Р. Мехротра[49] и Э. Моултон[50].

Создание в 1887 г. Индийского политического агентства (ИПА) в Лондоне и привлечение к его работе Брэдло, поддержка агентством кашмирского махараджи, которая неоднозначно воспринималась руководством Конгресса и стала одной из причин размежевания Британского комитета ИНК (БК ИНК) и ИПА, нашли отражение в ряде работ[51], посвященных агитации Конгресса в Лондоне. В целом, исследователей национального движения объединяет мнение о том, что ранняя смерть Брэдло стала большой потерей для Конгресса, поскольку его кипучая деятельность в парламенте, в том числе затрагивающая индийский вопрос, привлекала внимание общественности и могла способствовать удовлетворению требований ИНК в дальнейшем.

---

[44] Martin B. Lord Dufferin and the Indian National Congress, 1885–1888 // Journal of British Studies. 1967. Vol. 7, № 1. P. 68–96 ; его же: New India, 1885 : A study of British official policy and the emergence of the Indian National Congress : diss. Univ. of Pennsylvania, 1964. 715 p.

[45] Singh N. N. British Parliament on the Indian Councils Act of 1892 // Proceedings of the Indian History Congress. 1968. Vol. 30. P. 280–284.

[46] McLane J. R. Indian nationalism and the early Congress. Princeton, 1978. 418 p.

[47] Kaushik H. P. The Indian National Congress in England (1885–1920). Delhi, 1972. 204 p.

[48] Sajunlal K. A. Mr. Charles Bradlaugh, M.P. and the Indian National Congress // Proceedings of the Indian History Congress. 1958. Vol. 21. P. 523–535.

[49] Mehrotra S. R. A History of the Indian National Congress. Vol. 1: 1885–1918. New Delhi, 1995. 465 p.

[50] Moulton E. C. The Early Congress and British Radical Connection // Indian National Congress: Centenary Hindsights. Delhi ; New York, 1988. P. 22–53.

[51] Matikkala M. William Digby and the British Radical debate on India from the 1880s to the 1890s : diss. Univ. of Cambridge, 2004. 117 P. ; ее же: William Digby and the Indian question // Journal of Liberal History. 2008. № 58. P. 12–21 ; Morrow M. D. The origin and early years of the British Committee of the Indian National Congress, 1885–1907 : diss. University of London, 1977. 413 P. ; Owen N. British Left and India: metropolitan anti–imperialism, 1885–1947. Oxford ; New York, 2007. 352 p.

В рамках краткого историографического обзора, безусловно, невозможно охватить все работы, в которых Брэдло выступает главным предметом исследования или же фигурирует как необходимый элемент изучаемых процессов; однако он, надеемся, показывает то многообразие сфер общественной жизни, где Брэдло играл заметную – в той или иной степени – роль. Вместе с тем, его участие в качестве «индийского чемпиона» в национальном движении еще требует систематизации, которая едва ли будет возможна без понимания того, какие факторы и условия политической реальности викторианской Англии подтолкнули Брэдло к сотрудничеству с Национальным конгрессом.

***

Означенные выше задачи потребовали обращения к разнообразным источникам. Часть архива Брэдло, хранящаяся в созданном им Национальном светском обществе (НСО), в 2014 г. была оформлена в виде электронной коллекции, доступной исследователям[52]. Эта коллекция включает в себя послания Брэдло от различных индийских ассоциаций по случаю посещения им сессии ИНК в декабре 1889 г.[53], которые отражают надежды, связываемые с его парламентской работой в «индийском направлении»; документы, затрагивающие его сотрудничество с ИПА и подготовку законопроекта об индийских советах[54]; соболезнования от индийских и английских политических организаций по случаю кончины Брэдло[55]. Немаловажную для исследования часть[56] архива составляют письма к Брэдло Эдуарда Эвелинга – вице-президента НСО, социалиста и гражданского мужа Элеоноры Маркс.

Документы секретариата кабинета министров Великобритании[57] за 1889–1891 гг. включают в себя предназначенные для внутреннего использования меморандумы, записки, письма вице-королей Индии Дафферина и Лэнсдауна, губернатора Мадраса лорда Коннемара, губернатора Бомбея лорда Рея, членов совета при вице-короле Индии по различным аспектам подготовки реформы законодательных советов. Эти источники показыва-

[52] Atheism and Anti-War Sentiments in the Bradlaugh Family, 1833–1948 // British Online Archives. [S. l., s. a.]. URL: https://microform.digital/boa/collections/48/atheism-and-anti-war-sentiments-in-the-bradlaugh-family-1833-1948 (access date: 11.02.2022). Access mode: for registered users.
[53] Ibid. 72979-A07.
[54] Ibid. 72979-A18, 72979-C08.
[55] Ibid. 72979-C09.
[56] Ibid. 72979-A12.
[57] The National Archives of United Kingdom (TNA). CAB 37.

ют противоречия во мнениях, опасения по поводу расширения национального движения в Индии в высших кругах колониальной бюрократии.

Делопроизводственная документация департамента иностранных дел правительства Британской Индии[58] 1880-х – начала 1890-х гг. служит для выявления особенностей британской политики в отношении Кашмира, против которой в палате общин выступал Брэдло, а за ее пределами – секретарь ИПА Уильям Дигби[59]. Корпус состоит из отчетов о политическом и экономическом положении княжества, донесения британского резидента в Кашмире, его переписку с премьер-министром княжества, выдержек из стенограмм парламентских выступлений по данному вопросу. Географическое положение Кашмира, находившегося на стыке сфер влияния Британской и Российской империй, обусловило и интерес к этому региону российских военных специалистов, примером чего может служить военно-политический очерк Б. Л. Громбчевского[60], представляющий отличный от британского взгляд на ситуацию в Кашмире и тем самым служащий ценным дополнением к указанным документам.

Парламентские архивы[61] содержат стенограммы заседаний палаты общин, речей, произнесенных Брэдло в парламенте, а также петиции по индийским вопросам, поданные им и другими членами палаты от имени различных ассоциаций и частных лиц. Главным образом, петиции затрагивают реформу законодательных советов. При этом нужно заметить, что часть из них, поданная парламентариями-консерваторами, представляет оппозиционную Конгрессу точку зрения, являясь иллюстрацией борьбы между ИНК и его противниками в конце 1880-х гг.

Большим информационным потенциалом для исследования обладают многочисленные произведения самого Брэдло[62], стенограммы его дебатов

---

[58] National Archives of India (NAI). Foreign department. Secret E.

[59] Digby W. Condemned unheard: The Government of India and His Highness the Maharaja of Kashmir. London, 1890. 226 p.

[60] Громбчевский Б. Л. Современное политическое положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром : воен.-полит. очерк. Новый Маргелан, 1891. [2], 58 с.

[61] UK Parliamentary Papers // ProQuest. [S. l., s. a.]. URL: https://parlipapers.proquest.com (access date: 12.02.2022). Access mode: for registered users.

[62] Автор счел излишним перечисление их в подстрочной сноске; желающие могут ознакомиться с подробной библиографией Брэдло в книге Д. Трайба (Tribe D. President Charles Bradlaugh, M.P. P. 371–375), куда, однако не включены статьи Брэдло для «National Reformer» и других периодических изданий; те же из книг и статей Брэдло, что сыграли заметную роль в создании этой книги, приведены в перечне источников.

с противниками из числа клерикалов[63], секуляристов[64] и социалистов[65], материалы судебных процессов, где он выступал в качестве обвиняемого[66]. Вкупе с политическими памфлетами, как благосклонными по отношению к Брэдло, так и направленными против него[67], эти источники позволяют восстановить атмосферу общественной жизни Англии второй половины XIX в., в которой проходило становление Брэдло как политика и развитие его карьеры. Той же цели служат и воспоминания современников – «свободомыслящих» Дж. Холиока[68] и А. Безант[69], социалистов Ф. Лесснера[70] и Г. Гайндмана[71], бенгальского лидера ИНК С. Банерджи[72].

Многолетняя борьба с социалистами оставила отпечаток и в произведениях классиков марксизма[73], где с противоположной стороны раскрывается противостояние «Иконоборца» с Первым Интернационалом и отношения с перешедшим в лагерь социалистов Э. Эвелингом.

---

[63] God, man and the Bible : three night's discussion between the Rev. Joseph Baylee and Mr. C. Bradlaugh. London, [1860]. 39 p. ; Secularism : report of a public discussion between the Rev. Alexander J. Harrison and Mr. Charles Bradlaugh, held in the New Town Hall, Newcastle-upon-Tyne, on the evenings of Sept. 13 & 14, 1870. London, 1870. 79 p. ; Secularism : unphilosophical, immoral, and anti-social : verbatim report of a three nights' debate between the Rev. Dr. McCann and Charles Bradlaugh, in the Hall of Science, London, on December 7th, 14th, and 21st, 1881. London, 1881. 100 p.

[64] Secularism, scepticism, and atheism : verbatim report of the proceedings of a two nights' public debate between Messrs. G.J. Holyoake & C. Bradlaugh. London, 1870. 85 p.

[65] Eight hours' movement : verbatim report of a debate between Mr. H. M. Hyndman and Mr. C. Bradlaugh. London, [1890]. 48 p. ; Will socialism benefit the English people? : verbatim report of a debate between H. M. Hyndman and Charles Bradlaugh, held at St. James' Hall on April 17th, 1884. London, 1884. 40 p.

[66] The Queen v. Charles Bradlaugh and Annie Besant : (Specially reported). London, [1877]. 324 p.

[67] Gordon F. H. Letters on the Bradlaugh Question. Accrington, 1882. 15 p. ; Hillier W. Should Christians Support Mr. Bradlaugh, the Avowed Atheist, in His Attempt to Get into Parliament? Exeter, 1883. 24 p. ; Mr. Bradlaugh and the House of Commons: From a Hindoo Point of View. London, 1884. 56 p. ; Varley H. Mr. Bradlaugh proved utterly unfit to represent any English constituency : an appeal to the men of England. London, 1884. 24 p.

[68] Holyoake G. J. Sixty years of an agitator's life. London, 1892. Vol. 2. 320 p.

[69] Besant A. An Autobiography. London, 1893. 368 p.

[70] Лесснер Ф. До и после 1848 года // Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956. С. 147–164.

[71] Hyndman H. M. Further Reminiscences. London, 1912. 545 p.

[72] Banerjea S. A nation in making. Bombay, 1963. 389 p.

[73] Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М., 1960–1965. Т. 17, 31, 33, 35–38.

Пласт источников по истории национального движения в Индии, освещающих вклад Брэдло в его развитие в конце 1880-х – начале 1890-х гг., включает в себя отчеты ИНК[74] о ежегодных сессиях, протоколы митингов[75], политическую публицистику (в частности, памфлеты генерального секретаря ИНК А. О. Юма)[76], переписку индийских членов БК ИНК[77].

Кроме того, в исследовании использовались материалы английской консервативной и либеральной прессы, индийских и англо-индийских газет.

Поставленные в ходе исследования задачи обусловили двухчастную структуру этой книги: в первой части рассматривается политическая и общественная деятельность Брэдло в Англии, во второй – его работа в качестве «индийского чемпиона» и связанные с ней аспекты истории Индии и национального движения.

---

[74] Report of the Fourth Indian National Congress. [S. l.], 1889. 268 p. ; Report of the Fifth Indian National Congress. Bombay, [s. a.]. 236 p. ; Report of the Sixth Indian National Congress. London, 1891. 136 p.

[75] Speeches delivered at luncheon given in honour of sir W. Wedderburn, Bart. (President-elect of the Congress session to be held in Bombay, December 26–28, 1889), at the National Liberal Club, London, on Friday, December 6, 1889. London, 1889. 45 p.

[76] Юм А. О. Избранные произведения об индийском национальном движении (1886–1894). Новосибирск, 2019. 375 с. ; India in England. Lucknow, 1889. Vol. 2. 200 p.

[77] Dadabhai Naoroji Correspondence. Bombay, 1977. Vol. 2, part 1: Correspondence with D. E. Wacha, 4.11.1884 to 23.3.1895. 296 p.

Часть I. Англия

Глава 1. Атеизм, Мальтус и женщина из Кольчестера

Чарльз Брэдло родился 26 сентября 1833 г. в семье клерка адвокатской конторы в Ист-энде, рабочем районе Лондона.

Эта фраза, столь характерная для биографий, едва ли способна отразить дух времени и места рождения нашего героя. Начало 30-х гг. XIX в. в Англии выдалось бурным и щедрым на события. Промышленная революция стремительно меняла облик страны, превращая ее из аграрной, феодальной в промышленно-капиталистическую. Росло число фабрик и заводов, где уже крепко, «на века» укоренились так и не побежденные луддитами начала века машины; в 1829 г. локомотив Стефенсона разогнался до 22 км/ч, и всего год спустя была открыта железнодорожная линия Ливерпуль-Манчестер, где больше не использовалась конная тяга, а поезда ходили по установленному расписанию; совсем скоро, в 1838 г., колесный пароход «Сириус» впервые пересечет Атлантический океан без паруса, а чуть позже его воинственный собрат «Немесис» отправится «открывать» Цинский Китай для торговли опиумом. Машинное производство разорило мелких ремесленников, которые пополняли ряды промышленного пролетариата. Это вело к росту городов и появлению промышленных районов, рабочий люд которых, недовольный тяжелыми условиями труда, получал первый опыт стачечной борьбы и самоорганизации – в середине 1820-х был снят запрет на деятельность профессиональных союзов; в 1830 г. возникла, пусть и на недолгий срок, Национальная ассоциация для защиты труда.

В борьбу несколько иного рода вступала и буржуазия, требовавшая расширения своего представительства во властных структурах, и в первую очередь – в парламенте. Политическая система менялась медленно, и парламент долгое время существовал в соответствии с установленными в средневековье порядками – палата лордов, состоявшая из представителей наследственной, феодальной по существу, аристократии, была главной политической силой. Большая же часть палаты общин избиралась от «гнилых местечек», давно потерявших почти все население, но отнюдь не лишившихся права отправлять представителей в парламент. Их существование позволяло лендлордам распоряжаться голосами избирателей по своему усмотрению, тогда как быстро растущие промышленные центры (например, Манчестер) не имели голоса в законодательном органе. На рубеже 1820-х – 1830-х гг. буржуазия начала все активнее требовать пар-

ламентской реформы, организовывая политические союзы[78] и усиливая агитацию среди рабочих. Борьба вигов (партии торгово-промышленной буржуазии) увенчалась принятием закона 1832 г., предоставившего места в палате общин крупным городам и увеличившего число избирателей. Однако временный союз буржуазии с рабочими не принес никаких выгод последним. Страна не получила всеобщего избирательного права, и для пролетариата это означало продолжение борьбы, выразившейся в 1830-х – 1840-х гг. в чартистском движении. Буржуазия, в свою очередь, стремилась к ограничению привилегий аристократии и расширению возможностей для торговли. Одним из следствий этого стало создание Лиги против хлебных законов и возникновение нового широкого буржуазного движения.

В этом противостоянии аристократии, буржуазии и пролетариата выковывались самые разные направления общественной мысли и формы политической практики: на смену чартистам шли тред-юнионисты и Международное Товарищество Рабочих, из среды консерваторов выделились пилиты, выступавшие с антипротекционистских позиций, ширились ряды сторонников превращения Великобритании в республику. С другой стороны, рост численности населения и урбанизация стимулировали переосмысление учения Мальтуса о народонаселении, которое трансформировалось в неомальтузианство.

Время меняло и духовные основы общества. В 1829 г. состоялась «эмансипация католиков», получивших политические права, и в том числе – право быть избранными в парламент, а с 1836 г. отменялась обязательная регистрация крещений, браков и смертей в официальной Церкви Англии[79]. В начале 1840-х Чарльз Саутвелл стал редактором первого английского атеистического издания – «Оракула разума»; следующим на этом посту был Джордж Холиок, создатель термина «секуляризм». Саутвелл и Холиок были в числе последних попавших в тюрьму за богохульство. Церковь, таким образом, боролась за сохранение традиционных привилегий, но свобода совести отвоевывала все новые и новые рубежи.

На этом полном противоречий историческом фоне происходило становление Чарльза Брэдло, и в те же противоречия он вносил свою – где-то значительную, где-то меньшую – лепту.

Выходец из «низов», Брэдло рано столкнулся с тяготами ист-эндской жизни. Его формальное образование ограничилось несколькими классами; одиннадцатилетним он поступил на службу в контору, где работал его

---

[78] Примером такого рода может служить Столичный политический союз (1830), одним из основателей которого был Джозеф Юм – отец будущего «отца Индийского национального конгресса» Аллана Октавиана Юма.

[79] Стецкевич М. С. Свобода совести в Англии: пути утверждения. С. 12.

отец. Будучи крещенным в лоне Церкви Англии, он трудился и учителем в воскресной школе, в будние дни посещая частые тогда собрания рабочих, где обсуждались не только социальные и политические, но также и богословские вопросы. Постепенно он начал принимать участие в дискуссиях, и этому, как вспоминал сам Брэдло, способствовал случай. В преддверии конфирмации (обряда приема подростков в церковную общину) настоятель церкви поручил юному Чарльзу подготовиться, и тот сел за изучение Евангелий и «39 статей англиканского вероисповедания» – символа веры Церкви Англии. Однако вскоре он обнаружил, что они противоречат друг другу; дабы разрешить сомнения, он написал настоятелю «почтительное письмо с просьбой о помощи и объяснениях»[80], но тот назвал послание «атеистическим», и Брэдло был отстранен от занятий в воскресной школе. Отныне он был свободен по воскресеньям и посвятил их дискуссиям. Привычка дебатировать сохранится у Брэдло до конца жизни – с той лишь разницей, что с течением времени его оппонентами станут не только ревностные христиане, но и социалисты. Но сейчас, в сороковые годы, он только лишь начинает – постепенно – переходить на позиции «свободомыслящих», уже известных лондонским рабочим. Многие из них были прежде вовлечены в движение Роберта Оуэна – еще одного знакового деятеля эпохи, социалиста-утописта, оказавшего огромное влияние на распространение идей о социальном равенстве, – но разошлись с ним в вопросе об антирелигиозной пропаганде.

К концу десятилетия Брэдло, которому не исполнилось еще и восемнадцати лет, уже выступал с лекциями по религиозным вопросам и знакомился с единомышленниками. Его старший товарищ, Джордж Холиок, вспоминал, как, будучи «первым знакомым общественности другом» Чарльза, был приглашен председательствовать на лекции, посвященной прошлому, настоящему и будущему теологии: «Тема Брэдло была довольно обширной для юноши семнадцати лет, больше походившего на четырнадцатилетнего, … но он говорил с готовностью, уверенно и многообещающе»[81]. По мнению Д. Трайба, эта лекция, прочитанная в октябре 1850 г., «сделала ему репутацию»[82] и способствовала сближению с радикалами и республиканцами, заметно оживившимися после революции 1848 г. во Франции. В 1850 г. вышел в свет и первый памфлет Брэдло, «Несколько слов о христианской вере»[83], посвященный настоятелю церкви святого Петра, первому обвинившему его в атеизме. В нем он призывал католиков,

[80] The autobiography of C. Bradlaugh… P. 7.
[81] Holyoake G. Y. Life and career of Charles Bradlaugh, M.P. P. 3–4.
[82] Tribe D. President Charles Bradlaugh, M.P. P. 24.
[83] Bradlaugh C. A few words on the Christian creed. London, [s. a.]. 15 p.

англикан и уэслианцев[84] «оглянуться вокруг и увидеть нынешнюю теологическую панику»[85], обратить внимание на непоследовательность в вероучении и разброд внутри различных христианских течений.

Адепты Церкви Англии, конечно, были настроены решительно против подобных выступлений, и лекция была раскритикована[86]. Распространение свободомыслия вызывало требования о необходимости укрепления Церкви. Так, газета с говорящим названием «Джон Буль» в декабре того же года опубликовала письмо некоего «Истинного сына Церкви» с призывом предоставить общине свободу заполнять главные должности «своими лучшими людьми» и управлять ее деятельностью самостоятельно, дабы не допустить к руководящим должностям «тех, чьи принципы враждебны Церкви Англии – папистов, пресвитериан, диссентеров всех сортов[87], свободомыслящих, и … даже евреев»[88]. Однако молодому лектору критика едва ли казалась более страшной, чем хроническое и почти непреодолимое безденежье, результатом которого были долги[89] и неожиданное (в особенности – для будущего члена парламента) решение о поступлении на службу в армии.

В конце декабря 1850 г. на Чаринг-Кросс – в самом центре Лондона – он увидел плакат, зазывавший добровольцев поступить на службу Ост-Индской компании с жалованием в 6 фунтов 10 шиллингов, которых было бы достаточно, чтобы расплатиться с долгами. Решение было принято. Однако первая встреча Брэдло с Индией не состоялась. Из-за бюрократической ошибки он был зачислен в полк, расквартированный в Англии, но, возмутившись, добился отправки в Ирландию – с которой не потерял связи до конца жизни.

Период службы Брэдло в армии описывается биографами как серия небезынтересных анекдотов[90], но ее итоги были, очевидно, весьма полезными. Дж. Холиок полагал, что «искусство защиты», которому Брэдло обучился в солдатах, помогало ему на ниве полемических споров и поли-

---

84 Последователи одного из методистских направлений в протестантизме.
85 Ibid. P. 15.
86 The autobiography of C. Bradlaugh… P. 9.
87 «Диссентерами» в Англии с XVI в. называли сторонников протестантских учений, так или иначе отклонявшихся от англиканства. В такой формулировке «сортов» диссентеров, действительно, было довольно много.
88 John Bull. London, 1850. 28th Dec. (№ 1568). P. 825.
89 Интересно, что многие биографы (например, Трайб и Брэдло-Боннер) особо подчеркивают, что на тот момент они составляли четыре фунта и пятнадцать шиллингов.
90 Bradlaugh Bonner H. Charles Bradlaugh... Vol. 1. P. 24–35 ; Tribe D. President Charles Bradlaugh, M.P. P. 28–35.

тических дискуссий[91]. Гипатия Брэдло-Боннер смотрела на этот этап жизни отца более прагматично:

«Эти три года армейской жизни имели для моего отца огромную ценность. Прежде всего, физически: незадолго до того, как он был завербован, отец вел полуголодное существование, и его здоровье было подорвано постоянными лишениями как раз тогда, когда его могучее и растущее тело больше всего нуждалось в питании. В армии у него была еда, которая, хоть и могла быть такой, что ей пренебрег бы эпикуреец, была все же достаточно обильной и поступала через равные промежутки времени. Отвратительная муштра, через которую ему пришлось пройти, должно быть, помогла расширить грудную клетку <…> и укрепить мышцы, и таким образом даровала силу, хорошо служившую ему в последние годы его жизни. Он научился фехтовать и ездить верхом, и оба эти достижения были полезны в его последние дни»[92].

Как бы то ни было, спустя три года службы Брэдло, благодаря наследству родственницы, «выкупился» из армии и вернулся в Лондон. Физическая сила, которой наградила его служба, отнюдь не сопровождалась материальным достатком, и Брэдло пришлось возобновить «карьеру» клерка. Столичная жизнь сильно изменилась за это время. Всплеск республиканских настроений конца 1840-х гг. теперь практически иссяк, чартизм также сошел на нет, а многие из «свободомыслящих» эмигрировали в Америку. Тем не менее в Лондоне оставался Холиок и другие единомышленники, и Брэдло вернулся к чтению лекций, которые постепенно делали его все более известным.

В июне-июле 1855 г. Брэдло принял участие в масштабных митингах в Гайд-парке. Их причиной была попытка лорда Роберта Гровенора провести законопроект, запрещавший мелкую воскресную торговлю, которая приносила небогатым жителям Лондона существенную часть доходов. Эти события Брэдло впоследствии называл «первым заметным приключением с властями»[93]. На митинге 1-го июля протестующие столкнулись с полицией; были раненные, и едва не пострадал сам Брэдло, угрожавший применить силу, если полицейские схватят его[94]. Ему позже пришлось давать показания перед королевской комиссией, назначенной для расследования инцидента. Брэдло показал, что был свидетелем избиения полицейскими митингующих, но вскоре покинул место действия, поскольку не

[91] Holyoake G. Y. Life and career of Charles Bradlaugh, M.P. P. 5.
[92] Bradlaugh Bonner H. Charles Bradlaugh... Vol. 1. P. 39.
[93] The autobiography of C. Bradlaugh… P. 11.
[94] Tribe D. President Charles Bradlaugh, M.P. P. 45.

хотел, «чтобы его сделали лидером»[95]. В итоге законопроект не был принят.

Но все же в это время достижения на атеистическом поприще были более заметны. Договоренность с работодателем (который не был против его выступлений, однако требовал, чтобы она не вредила его делу) породила псевдоним «Иконоборец»; в 1858 г. Брэдло возглавил Лондонское светское общество, сменив на посту председателя Дж. Холиока, и впервые принял участие в публичных богословских дебатах против преподобного Б. Гранта; наконец, в 1860 г. был основан «Нэшнл реформер», на долгие годы ставший органом пропаганды секулярных воззрений.

На посту президента Светского общества Брэдло развернул активную пропагандистскую деятельность, которая вырвалась далеко за пределы столицы. «Свободомыслящие» прежних времен путешествовали с лекциями по другим городам, да и сам Брэдло участвовал в подобных поездках. Например, Нортгемптон, сыгравший ключевую роль в парламентской истории «Иконоборца», он посетил осенью 1857 г. Но с конца 1850-х гг. начали «осваиваться» те области страны, куда редко заглядывали последователи Оуэна и Холиока – в города и шахтерские деревни Восточной Англии, которые, по словам Трайба, «никогда в своей истории не видели свободомыслящего лектора, и редко – радикального политика»[96]. Брэдло не часто встречали с распростертыми объятьями. Ему препятствовала полиция и добропорядочные христиане, лекции различными способами пытались срывать. В 1861 г. на острове Гернси – коронном владении близ берегов Франции – местные власти, как вспоминал Брэдло, «пообещали выпивку и отпуск» солдатам, если те сорвут лекцию, «и в дом, в котором я читал лекции, ворвалась пьяная дерзкая толпа, кричащая „Убейте неверного“»[97]. Брэдло удалось утихомирить толпу, но схожие инциденты происходили и в других местах. Например, в августе того же года газеты писали о «полицейском деспотизме» в отношении лектора-атеиста, которого в Эксетере заключили под стражу, не позволив прочесть лекцию[98]. Однако Брэдло упорно возвращался в эти города и постепенно ситуация менялась. Росту популярности способствовали также скандальные отчеты прессы и дебаты, в которых Брэдло участвовал регулярно.

Дебаты в руках «Иконоборца» были серьезным оружием. Он был выдающимся оратором. Много позже Бернард Шоу рассказывал о легендарном, но довольно показательном случае:

---

[95] Daily News. London, 1855. 21st July.
[96] Tribe D. President Charles Bradlaugh, M.P. P. 59.
[97] The autobiography of C. Bradlaugh… P. 19.
[98] Coventry Times. 1861. 7th Aug.

«Говорят, что в семидесятых годах XIX столетия одна старая дама, будучи очень набожной методисткой, переехала из Кольчестера в один дом, находившийся по соседству с улицей Сити в Лондоне. Выйдя на улицу, она приняла Академию Наук за церковь. Войдя внутрь академии, она уселась у ног Чарльза Брэдло и с увлечением слушала его красноречие, не справляясь о его религиозных убеждениях и ни на волос не изменив своей веры. И это продолжалось в течение многих лет»[99].

Дебаты, вместе с тем, были мероприятием, проходившим по определенным правилам. Приведем в качестве примера письменные условия одной из таких встреч, состоявшейся 27–29 июня 1860 г. в Ливерпуле. Сторона оппонента (коим был преподобный Джозеф Бейли из Биркенхеда) соглашалась с тем, что комитет «свободомыслящих» берет на себя расходы, обязательства по поиску зала, продаже билетов и назначении председателя; Бейли разрешалось перед каждой встречей (дебаты продолжались три дня) и после нее проводить молитву с единоверцами. По регламенту каждую встречу начинал Брэдло, в течение часа задававший Бейли любые вопросы, связанные с Библией; затем вопросы задавал Бейли. Обе стороны записывали вопросы и ответы. Председатель просил собравшихся воздержаться от «манифестации своих чувств»[100]. Стороны договаривались предоставить друг другу свои протоколы.

Часто дебаты затрагивали сугубо доктринальные вопросы. Например, Брэдло спрашивал оппонента: «Вечен ли человек?», «Был ли я грешен прежде своего рождения?», «Верите ли вы в то, что Бог дал человеку способность понять откровение, содержащееся в Библии?», и т. д.[101] Далее он, хорошо знавший Библию, спрашивал священника о смысле отдельных библейских стихов и их «звучании» в современности. Оппонент, в свою очередь, спрашивал Брэдло о том, что есть разум, является ли образованный человек разумным существом, и т. д.[102]

Но иногда дебаты проходили в форме докладов, где каждая из сторон доказывала свои тезисы с использованием софистических приемов и ораторского мастерства. В частности, тезисы священника-методиста А. Харрисона (1870 г.) заключались в том, что «секуляризм… не является системой истины и, следовательно, не может оправдать свое существование

---

[99] Шоу Б. Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 2: Человек и сверхчеловек. Комедия и философия. С. LVI.

[100] God, man and the Bible : three night's discussion between the Rev. Joseph Baylee and Mr. C. Bradlaugh… P. 2.

[101] Ibid. P. 3.

[102] Ibid. P. 19–20.

разумом»[103], и в том, что он «не является системой морали и, следовательно, недостоин доверия в качестве руководства»[104]. Доктор Маккенн (1881 г.) объявлял всякий секуляризм атеизмом[105] и несесситаризмом[106] и, таким образом, «нефилософским и, следовательно, неверным» учением[107]. Брэдло приходилось защищаться; в его ответах секуляризм приобретал не только абстрактно-философский характер, находя и прикладное выражение. Он постулировал:

«Секуляристы не могут не заметить, что до недавнего времени огромная масса людей во всем мире оставалась почти абсолютно без образования. Секуляризм не может не заметить, как основная масса тех, кто настаивает на том, что мы безнравственны и порочны, все это время тратит тысячи миллионов фунтов стерлингов на убийство друг друга, и до недавнего времени тратила, относительно, всего несколько фунтов на образование… Политически, секулярист как таковой не является ни империалистом, ни монархистом, ни республиканцем. Так случилось, что я республиканец, но секуляристы претендуют на право обсуждать и изучать любую форму правления. Теологически, секулярист претендует на одинаковую свободу обсуждения всех вероучений, так что, если политическая власть случайно попадет в руки секуляриста, он не будет налагать никаких ограничений на какую-либо секту или веру… Так случилось, что я атеист и считаю, что свободный и нормальный опыт понимания так называемых религиозных проблем должен приводить к атеизму. Есть много секуляристов, которые не согласны со мной. В принципах этого Общества [секуляристов – Д. Н.] нет атеистического обязательства»[108].

В этих бесконечных битвах, которые приносили не только критику, но и новых сторонников, росло и крепло Лондонское светское общество. В 1866 г. общество стало Национальным, и его президентом был избран Чарльз Брэдло.

***

Система взглядов Брэдло на секуляризм и атеизм требует, безусловно, небольшого очерка.

---

[103] Secularism : report of a public discussion between the Rev. Alexander J. Harrison and Mr. Charles Bradlaugh… P. 1.

[104] Ibid. P. 41.

[105] Secularism : unphilosophical, immoral, and anti-social : verbatim report of a three nights' debate between the Rev. Dr. McCann and Charles Bradlaugh… P. 4.

[106] Убеждение в необходимости всего существующего; согласно принципу несесситаризма, свободной воли не существует.

[107] Secularism : unphilosophical, immoral, and anti-social : verbatim report of a three nights' debate between the Rev. Dr. McCann and Charles Bradlaugh… P. 9.

[108] Ibid. P. 16–17.

Ученик Брэдло Дж. Робертсон, анализируя взгляды учителя, указывал, что атеизм Брэдло всего на поколение отстоял от деизма Томаса Пейна, «который во многом совпадает с деизмом Вольтера»[109], и в этом смысле представлял собой «развитие процесса мышления, который начался много веков назад при политеизме»[110]. Это обстоятельство обусловило как обращение Брэдло к Канту, Спинозе и современному ему англиканству, так и необходимое приложение атеистических воззрений к реалиям викторианской Англии.

Нравственное доказательство существования Бога, развитое Кантом, стало весомым аргументом в руках участвовавших в теологических спорах священников. Именно к нему апеллировал А. Харрисон, обвиняя секуляризм в отрицании свободы воли. Однако, согласно Робертсону, вывод «идеи Бога» не из знания, а из моральных потребностей и устройства человеческой природы, являлся свидетельством банкротства всей философии и «обесцениванием любой религиозной системы, которая ее принимает, поскольку она одинаково справедлива для каждой против всех остальных»[111], и единственным аргументом кантианства против атеизма было обвинение в «атрофии духовного чувства», которое в глазах атеистов выступало в качестве «психического опиума»[112]. Что же до нравственного момента, Брэдло полагал, что

> «…истина и мораль идут рука об руку. То, что является моральным, стремится к постоянному счастью всех. Продолжение лжи никогда не сможет привести к постоянному счастью; и поэтому, если атеизм правдив, он должен быть нравственным, если он направлен против лжи, он должен стремиться к человеческому счастью»[113].

Вместе с тем, атеизм Брэдло не заключался в простом отрицании существования сверхъестественного божества. В ответ на приписываемые ему взгляды, согласно которым «Бога нет», Брэдло говорил:

> «Я еще никогда не слышал, чтобы живой человек дал мне ясное, связное определение слова „Бог“, и я никогда не читал ни одного определения ни от мертвого, ни от живого человека, выражающего определенную и понятную идею Божества. На самом деле, мне всегда казалось, что люди используют это слово скорее для

---

[109] Очерк Робертсона составляет заключительную часть второго тома биографии Брэдло, написанной его дочерью: Bradlaugh Bonner H. Charles Bradlaugh... Vol. 2. P. 115.
[110] Ibid. P. 119.
[111] Ibid. P. 123–124.
[112] Ibid. P. 124.
[113] Iconoclast [Bradlaugh C.]. Is there a God? [London, s. a.]. P. 8.

того, чтобы скрыть свое невежество, чем для выражения своих знаний… „Я не отрицаю Бога“, потому что это слово не дает мне никакой идеи, и я не могу отрицать то, что не имеет для меня четкого объяснения и о чем потенциальный утверждающий не имеет понятия. Я не могу воевать с небытием»[114].

Исходя из этого, именно знание становится основой атеистических воззрений Брэдло. Он считал, что наука доказала происхождение всех видимых явлений вследствие естественных причин, и в научных исследованиях «ни один образованный человек никогда не подумает прибегать к идее сверхъестественного вмешательства для объяснения наблюдаемых явлений»[115]. Человеческий организм, например, развивается из клетки, в которой, «как в колыбели, покоятся силы и нашего духа и тела»[116], и эти силы являются естественными. Развитие и преемственность одушевленных существ вели Брэдло к мысли, что сверхъестественное не участвует и в создании жизни; тем самым, он отвергал деистическую доктрину, согласно которой божество, создавшее жизнь, самоустранилось от участия в ее развитии, отдав этот процесс «вторичным», естественным причинам. Следуя по пути логического рассуждения, Брэдло шел к заключению об отсутствии сверхъестественного вмешательства в первичное происхождение вещества, постулируя, таким образом, примат материи над духом и закономерный вывод из этого: «Вера в Бога есть неверие в Природу»[117]. Явления духовной жизни людей, как и все явления вещественного мира, зависят от естественных причин и не подвержены какому-либо сверхъестественному вмешательству. В отношении нравственности приверженность сверхъестественному стала причиной замедленного развития наук, изучающих «духовную и нравственную сторону человека», и потому «законы душевного здоровья, от которого зависит счастье и добродетель, еще не открыты и не приведены в научный вид»[118].

По мнению Брэдло, всякая добродетель возможна лишь тогда, когда соблюдаются естественные условия, а пороки зависят от нарушения этих условий[119]. Отсюда следует социальное значение атеизма:

«Нельзя ожидать, чтобы человечество наслаждалось счастьем, пока господствуют супернатуральные воззрения, пока ко всем условиям счастья и несчастья, ко всем добродетелям и порокам, к здоровому и болезненному состоянию будут

---

[114] Ibid. P. 1.
[115] Брэдло Ч. Атеизм. Достоинство, свобода и независимость. Рабство женщины. СПб., 1907. С. 4.
[116] Там же. С. 11.
[117] Там же. С. 18.
[118] Там же. С. 5, 6.
[119] Там же. С. 6.

относиться одинаковым образом, т. е. пока во всем будут видеть влияние сверхъестественного авторитета, а не действие самой природы с ее бесконечным разнообразием, с прекрасною и непогрешимою цепью естественной причинности. Взгляните на страшную нищету и преступления, среди которых мы живем. Во многих слоях своих наше общество, в нравственном отношении, представляет чумный лазарет, на который нельзя смотреть без ужаса. Бесконечность этих несчастий происходит прямо от нашего незнания естественных законов счастья и, кроме того, от пагубного предрассудка, будто исцеление этих зол зависит от сверхъестественной воли»[120].

Этот практический смысл атеизма стал, очевидно, одним из столпов его политического радикализма, который до широкого распространения в Англии социалистических идей был одним из основных способов сохранения связи с народными массами. Кроме того, Брэдло полагал, что большинство английских ремесленников и рабочих в промышленных городах «принадлежат к числу неверующих»[121].

Другой стороной представления о «естественных законах» – и стороной весьма неожиданной – была приверженность Брэдло мальтузианскому учению. Мальтус в глазах Брэдло представал одним из тех, кто внес огромный вклад в «естественную религию» – так он называл свою версию атеизма в противовес религии сверхъестественной. Мальтус, бывший англиканским священником, своим принципом народонаселения «нанес своей религии самый роковой удар», поскольку обнаружил «действительный источник человеческих страданий и внес новый догмат – воздержание от воспроизведения – в число человеческих обязанностей»[122]. Его идея о том, что народонаселение ограничено средствами существования и его рост может быть остановлен сознательным воздержанием или различными катаклизмами социального или природного характера представляла собой, согласно Брэдло, «фактически атеистическую позицию»[123], поскольку шла вразрез с христианским вероучением, показывала противоречия между догматами и повседневной практикой. Учение Мальтуса, таким образом, было искусно вплетено в систему атеистических взглядов Брэдло: «…единственный возможный путь к спасению от всяких зол состоит в перемене наших половых и религиозных мнений. Без этой перемены прогресс совершенно невозможен»[124].

---

[120] Там же. С. 7.
[121] Там же. С. 19.
[122] Там же. С. 22.
[123] Iconoclast [Bradlaugh C.]. Jesus, Shelley, and Malthus; or, Pious poverty & heterodox happiness. London, 1861. P. 9.
[124] Брэдло Ч. Атеизм… С. 22.

Хотя именно атеизм был той стороной деятельности Брэдло, которая принесла ему известность, среди его соратников-секуляристов такие взгляды не были особо распространены. Дж. Холиок, начавший печатать главы из книги Брэдло «Библия: что это такое?»[125], вскоре остановил публикацию, и спустя много лет вспоминал, что «в свое время единственными известными людьми, утверждавшими, что «секулярное» есть «атеистическое», были д-р Маги, в прошлом – архиепископ Йорка, и г-н Брэдло»[126]. Дважды Холиок и Брэдло сходились в дебатных схватках, где первый отстаивал тезис, что секуляризм не включает в себя атеизм по определению и его принципы «совершенно свободны»[127] от атеистического влияния. Анни Безант[128], активно сотрудничавшая с Брэдло с 1870-х гг., писала, что он был «материалист в философском смысле слова, не верил в бессмертие души человеческой, но вместе с тем он был очень сильный гипнотизер, и ему удавались замечательные случаи исцеления»[129]. Удивительная посмертная судьба атеиста! Хотя и самый вопрос, остался ли Брэдло атеистом пред лицом смерти, как и в известном случае с Дарвином, породил столь разнообразные варианты ответов, что Гипатии Брэдло-Боннер пришлось доказывать верность отца своим идеалам в довольно пространном очерке[130].

С другой стороны, мальтузианство, потерявшее, казалось бы, всякую актуальность к середине XIX в., в конце 1870-х получило второе дыхание. Одной из причин этого был знаменитый судебный процесс 1877 г. «Королева против Чарльза Брэдло и Анни Безант».

***

В 1874 г. Анни Безант, разделявшая взгляды «свободомыслящих», обратилась в Национальное светское общество (НСО) с прошением о принятии ее в число членов. Это положило начало ее многолетней дружбе с Брэдло. Она публиковалась в «Нэшнл реформер» под псевдонимом «Аякс», выступала с лекциями, помогала Брэдло в предвыборных кампаниях. За несколько лет работы в Обществе, которая сопровождалась обычными для «свободомыслящих» того времени трудностями – клеветой, угрозами и попытками добропорядочных граждан как можно точнее по-

[125] Bradlaugh C. The Bible. What it is. London, 1870. 434 p.
[126] Holyoake G. J. Sixty years of an agitator's life. Vol. 2. P. 292.
[127] Secularism, scepticism, and atheism : verbatim report... P. 4.
[128] Анни Безант (1847–1933) – ирландская социалистка, теософ, одна из организаторов Лиги гомруля в Индии, президент Индийского национального конгресса (1917).
[129] Безант А. Теософия и новая психология. СПб., 1915. С. 85.
[130] Bradlaugh Bonner H. Did Charles Bradlaugh die an atheist? London, 1898. 12 p.

пасть камнем в голову «нечестивому» лектору[131], – Безант выросла в стойкого и убежденного сторонника программы Общества. Поэтому, когда зимой 1876–77 гг. издатель «Нэшнл реформера» и памфлетов НСО Чарльз Уоттс был осужден за публикацию книги Ч. Ноултона «Плоды философии», Безант поддержала Брэдло в решении переиздать трактат американского физика-атеиста. В «Плодах философии», написанных в 1830-х гг., Ноултон описывал методы контроля за рождаемостью и выступал за ограничение численности семьи в пределах средств к существованию. Его книга свободно продавалась в Америке и Англии до тех пор, пока, по воспоминаниям Безант, «один бристольский книготорговец с дурной репутацией не выставил на продажу несколько экземпляров, к которым добавил несколько неподобающих иллюстраций»[132]. В результате, 23 марта 1877 г. Безант и Брэдло отправились в Гилдхолл[133], чтобы предоставить экземпляр брошюры главному клерку и известить полицию о намерении начать продавать ее днем позже[134]. Они были арестованы и предстали перед главным лордом-судьей. В июне прошел судебный процесс, продолжавшийся четыре дня; Брэдло и Безант были приговорены к шестимесячному тюремному заключению и выплате денежного штрафа, однако после апелляции в силе осталось только решение о запрете распространения книги Ноултона. Но их задача состояла в том, чтобы вызвать общественный резонанс и дискуссию о проблемах контроля за рождаемостью. В предисловии к изданным НСО материалам процесса Брэдло и Безант писали:

> «Именно ради свободной дискуссии мы опубликовали подвергшуюся нападкам брошюру, когда ее бывший продавец поддался давлению, оказанному на него полицией; мы рисковали наказанием, которое пало на нас, не столько в защиту этой брошюры, сколько для того, чтобы проложить путь другим, занимающимся той же темой. Отчеты о судебном процессе, появившиеся в ежедневных и еженедельных газетах, довели до сведения тысяч людей важный социальный вопрос, о существовании которого они и не подозревали до того, как состоялось это судебное преследование. В очередной раз дело восторжествовало благодаря падению его защитников»[135].

«Свободомыслящим» действительно удалось всколыхнуть общественность: пресса самых разных политических оттенков, в крупных и малых городах, втянулась в обсуждение поднятой темы. Популярная либеральная

---

[131] Besant A. An Autobiography. P. 177–203.
[132] Ibid. P. 206.
[133] Административное здание в Лондонском Сити.
[134] Banks J. A., Banks O. The Bradlaugh-Besant Trial and the English Newspapers // Population Studies. 1954. Vol. 8, № 1. P. 23.
[135] The Queen v. Charles Bradlaugh and Annie Besant. P. I.

«Дейли ньюс» называла распространение «Плодов философии» «необдуманными попытками в интересах общественной чистоты и морали»[136]. «Глоуб» полагала, что большинство англичан должно «возрадоваться» приговору Брэдло и Безант[137], а «Строуд таймс» из небольшого городка в Глостершире прямо называла труд Ноултона «грязной книгой»[138]. Но за три месяца книга Ноултона разошлась большим тиражом, а процесс и его обзоры в прессе, пусть и негативные, стали рекламой для тех, кто изначально был далек от проблемы, затронутой «свободомыслящими». Одним из результатов процесса стала серия лекций Безант и ее очерк «Закон народонаселения»; лондонская «Таймс» сообщала, что одно из выступлений Брэдло и Безант в Зале науки на Олд-стрит посетило «около шестисот человек, треть из них – женщины, и многие из них были весьма молоды… Копии «Плодов философии» распродавались сотнями, в основном их покупали молодые девушки и юноши»[139]. Процесс способствовал распространению пропаганды Мальтузианской лиги, объединявшей сторонников доктрины о народонаселении. Вместе с тем, процесс не стал причиной широких социальных изменений, скорее, послужив их катализатором[140]; для Брэдло же он стал еще одним средством связи с народными массами и способом практического приложения атеистических воззрений к общественной деятельности.

***

Национальное светское общество под руководством Брэдло вело активную пропаганду вплоть до его смерти. Возглавивший Общество в 1891 г. Дж. Фут не был столь «боевитым», как его предшественник, но организация сумела не растерять своих сторонников и существует по сей день, занимаясь просветительской деятельностью. В Англии же XIX в. существование такой организации, полное трудностей, а порой и опасностей, было одним из признаков надвигающихся перемен в общественном сознании. Брэдло был, конечно, не единственным «свободомыслящим», и его соратники – каждый на своем поприще – вносили новые штрихи в облик Великобритании. Но его деятельная натура не ограничилась философскими баталиями, пусть в них и сформировалось мировоззрение «Иконоборца». Атеизм стал ключевой, но только отправной точкой для прочих сторон деятельности Брэдло, и в первую очередь – деятельности политической.

---

[136] Daily News. London, 1877. 22nd June.
[137] Globe. London, 1877. 22nd June.
[138] Stroud News and Gloucestershire Advertiser. Stroud, 1877. 22nd June.
[139] The Times. London, 1877. 25th June.
[140] Banks J. A., Banks O. The Bradlaugh-Besant Trial and the English Newspapers. P. 33.

Глава 2. Заблуждения и опасности социализма?

Во вторую половину XIX в. Великобритания стремительно врывалась в ранге «демиурга буржуазного космоса»[141] – передовой державы, прочно вставшей на капиталистический путь развития. Реформа 1832 г. положила начало вовлечению в парламентскую борьбу простого народа, хотя и в крайне ограниченной степени. Тем не менее политическая активность росла и за пределами парламента – чартизм показал, что промышленные рабочие более не ограничиваются экономическими требованиями. Британский внепарламентский радикализм, не сумевший перерасти в устойчивую партию и остававшийся в большей степени общественным движением, ратовал за продолжение реформ в направлении расширения избирательных прав и потому обращался не только к «среднему классу», но и к промышленному пролетариату. Впрочем, в середине столетия начало оформляться и новое течение, которое вступило в борьбу за рабочих – научный социализм.

Буржуазный радикализм не находил отклика у социалистов; радикалы отвечали социалистам не менее резким неприятием. Противостояние между ними едва ли было главным на английской политической сцене того времени, но вносило свой вклад в драмы, на ней развернувшиеся, способствуя развитию британской социал-демократии и фабианского социализма.

Чарльз Брэдло в этих драмах играл противоречивую, но яркую роль.

***

Слава «Иконоборца» принесла Брэдло известность в узких тогда демократических кругах, но его первое заметное политическое выступление относится к марту 1859 г., когда Гайд-парк заполнился недовольными представленным Бенджамином Дизраэли законопроектом о парламентской реформе. Маркс, живший уже в Лондоне, писал:

> «...билль... прикрашен сложной смесью замысловатых избирательных привилегий, которые в целом были бы ничтожны, с одной стороны, а с другой – лишь усилили бы существующую классовую монополию. Важные вопросы о допущении большинства народа к участию в выборах, об уравнении избирательных округов и об обеспечении тайного голосования даже не затрагиваются»[142].

Митинги, на которых обсуждался законопроект, проходили по всей стране; тогда-то пресса и заметила «молодого человека по имени Брэдло…

[141] Маркс К. Третий международный обзор // Соч. Т. 7. С. 466.
[142] Маркс К. Новый билль о парламентской реформе в Англии // Соч. Т. 16. С. 223.

внешностью походившего наполовину на гота, наполовину на янки»[143]. Лондонские собрания проходили довольно бурно: один из таких митингов, проходивших в Гилдхолле (том самом, куда годы спустя Брэдло и Безант придут с «грязной книгой» Ноултона), лорд-мэр был вынужден распустить досрочно. Однако «потребовалось значительное время, пока здание было очищено, и все это время анархия и Брэдло безоговорочно владели сценой»[144].

В начале 1860-х гг. Брэдло начал все чаще участвовать в работе различных организаций, выступавших за расширение избирательных прав. В «Автобиографии» этот период жизни описан скупо: «Теперь я также начал занимать гораздо более видное положение в различных английских политических движениях, особенно – выступать по ирландскому земельному вопросу и Ирландской церкви»[145]. В работах Брэдло этого периода проводится мысль о том, что «руководящие классы» уступали часть политической власти под давлением извне и крайне редко делились ей с народом из «чувства справедливости»[146]. Брэдло требовал повышения политической активности масс с тем, чтобы повлиять на огромные расходы британского правительства, бремя которых, в конечном счете, нес на себе народ. Но вмешательство в политику правительства было возможно только при условии расширения избирательных прав, т. е. при превращении парламента в подлинную палату народных представителей. В противном случае «лишенные избирательных прав... политически находятся во власти своих более привилегированных собратьев, и это подчинение одного класса другому наиболее пагубно сказывается на обоих»[147]. В современной Брэдло Англии меньшинство, обладающее политическими правами, тратило «миллионы за миллионами» на бесполезные для народа цели, тогда как «политические ничтожества», чьим трудом создавались эти миллионы, «платят налоги и считаются достаточно образованными, чтобы подчиняться законам, в создании которых они не участвуют»[148]. Брэдло полагал, что среди правящих классов было много людей, желавших предоставить рабочему классу некоторую долю в управлении, но опасавшихся возможности использования избирательного права «для политического уничтожения всех тех, кому в настоящее время принадлежит политическая власть»[149]. Отсюда возникало возражение: ремесленников и промышлен-

---

[143] Morning Post. 1859. 12th March.
[144] East Kent Times. 1859. 19th March.
[145] The autobiography of C. Bradlaugh… P. 24.
[146] Bradlaugh C. The real representation of the people. London, [s. a.]. P. 3.
[147] Ibid. P. 3–4.
[148] Ibid. P. 7.
[149] Ibid.

ных рабочих намного больше, чем «людей состоятельных и родовитых», и потому равные избирательные права неизбежно приведут к ущемлению интересов последних. Однако Брэдло приводил контраргумент:

«Если бы этот аргумент был верен в полной мере, он только показал бы, что те, кто обладал самыми широкими возможностями для развития национальной воли, не использовали свои возможности на благо нации… Так что, в сущности, я отвечаю, что даже если результат уступки рабочим классам их политических прав был бы таким же катастрофическим для аристократии, как предполагают самые робкие, все же даже тогда нет веского оправдания для лишения народа такой политической власти»[150].

Таким образом, Брэдло стоял на реформистских позициях, которые разделяли тогда многие радикалы, считавшие, что улучшить положение народа можно путем исправления парламентской системы. Поэтому, когда в феврале 1865 г. в результате слияния нескольких организаций была создана Лига реформы, Брэдло выступил в ее поддержку[151]. В руководстве Лиги большую роль играли профсоюзные деятели; это вело к участию в ее работе и другой организации рабочих – Международного Товарищества Трудящихся. Лидеры созданного несколькими месяцами ранее Первого Интернационала считали, что Лига должна стать руководящим и организующим центром борьбы английских рабочих за всеобщее избирательное право, и потому члены Центрального (чуть позже – Генерального) совета – Дж. Хауэлл, Дж. Оджер, У. Кример – принимали самое деятельное участие в работе Лиги реформ. Лига быстро становилась популярной, успешный сбор пожертвований способствовал открытию ее отделений в провинции. В декабре 1865 г. Лига направила делегацию к премьер-министру Великобритании Дж. Расселу, чтобы изложить свои взгляды на избирательную реформу. В числе делегатов, наряду с Хауэллом и Оджером, был также Брэдло. По сообщениям газет, он «заявил, что полумеры могут вызвать недоверие и недовольство теми, кто провел реформу, и уничтожить их репутацию»[152].

В марте 1866 г., когда канцлер казначейства У. Гладстон (ставший лидером парламентских либералов) внес в палату общин законопроект о реформе, Маркс писал Энгельсу: «Я знаю, что Брэдло – порядочный человек и занимает почетное положение в Сити в качестве стряпчего»[153]. На заре Интернационала Брэдло пытался установить связь с новой рабочей

---

[150] Ibid. P. 7–8.
[151] Leicester Guardian. 1865. 20th May.
[152] West London Times. 1865. 23rd Dec.
[153] Маркс – Энгельсу, 15 марта 1866 г. // Соч. Т. 31. С. 161.

организацией. Так, он выступал на вечере, посвященном годовщине создания Интернационала в 1865 г.[154], и объявил в «Нэшнл реформер» о своем вступлении в него и намерении участвовать в его деятельности[155]. Протоколы заседаний Генерального совета, тем не менее, не содержат никаких упоминаний об участии Брэдло в работе Интернационала; напротив, воспоминания современников свидетельствуют, что Маркс старался держаться в стороне от «свободомыслящего» радикала[156]. Впрочем, пути Лиги реформы и Интернационала вскоре разошлись. Маркс полагал, что Лига ошиблась, отказавшись от поддержки национально-освободительной борьбы ирландского народа[157]; в августе 1866 г. Маркс также сообщал И. Ф. Беккеру, что «и Кример, и Оджер оба предали нас в Лиге реформы, где они против нашей воли вступили на путь компромиссов с буржуазией»[158]. Внутри организации усилилось влияние радикалов, и Брэдло оставался членом Лиги до ее роспуска в 1869 г.

Мартовский законопроект Гладстона был отклонен большинством палаты общин, однако массовые демонстрации 1866–1867 гг. и растущее недовольство способствовали тому, что 15 августа 1867 г. новый закон о народном представительстве получил королевскую санкцию. Вторая парламентская реформа увеличила число избирателей почти на миллион человек, право голоса получили владельцы домов и квартир, а также арендаторы, платившие за жилье не меньше 10 ф. ст. в год. Последнее ограничение сужало круг избирателей до мелких буржуа и «рабочей аристократии» – квалифицированных, высокооплачиваемых пролетариев. Англия не получила всеобщего избирательного права; для Брэдло же сотрудничество с Лигой реформ было серьезным шагом вперед. Его известность росла. В 1868 г. он отказался от псевдонима «Иконоборец», и причиной тому было желание стать членом палаты общин – желание, не казавшееся отныне несбыточным.

К концу десятилетия Брэдло был уже убежденным радикалом. Но в его политических воззрениях была особенность, которая в Англии второй

---

[154] Lavin D. Bradlaugh contra Marx… P. 31. Справедливости ради стоит отметить, что на юбилейном вечере отсутствовал Маркс, бывший в сентябре 1865 г. в Манчестере.

[155] National Reformer. 1865. 9th Oct.

[156] Лесснер Ф. До и после 1848 года. С. 159. В 1871 г. на допросе во французской полиции Брэдло на вопрос о его принадлежности к Интернационалу ответил: «Не имею такой чести» (см. Bradlaugh Bonner H. Charles Bradlaugh... Vol. 1. P. 323.

[157] Маркс К. Набросок непроизнесенной речи по ирландскому вопросу // Соч. Т. 16. С. 464.

[158] Маркс – Беккеру, 31 августа 1866 г. // Соч. Т. 31. С. 440.

половины XIX в. была не меньшей «пощечиной общественному вкусу», чем его открытый атеизм.

***

В конце 1850-х Брэдло познакомился с Дж. Мадзини, А. О. Ледрю-Ролленом[159] и другими республиканцами, и эти знакомства, конечно, повлияли на молодого возмутителя спокойствия. Всплеск республиканизма в Англии являлся, в сущности, мимолетным явлением, но был неразрывно связан с «низовым», внепарламентским радикализмом. Если деятельность Брэдло в Лиге реформы сделала его известным всей стране, то его связь с английским республиканским движением принесла ему скандальную репутацию политического экстремиста[160]. Во многом она была связана с вышедшей в 1871 г. брошюрой «Падение Дома Брансуиков»[161], однако Брэдло высказывал республиканские взгляды на протяжении 1860-х гг., а в апреле 1870 г. выступил с серией антимонархических лекций. Вместе с тем, Брэдло не предпринимал попыток создать какую-либо республиканскую организацию, считая это начинание преждевременным[162]. Более того, он не поддержал и создание в июле 1869 г. Международной демократической ассоциации, стоявшей на республиканских позициях. Инициатива расширения движения за пределы Лондона также исходила не от него, и он, напротив, предупреждал жителей Бирмингема, где в 1871 г. был создан Республиканский клуб, о возможных последствиях «действий, связанных с изменой и подстрекательством к мятежу»[163]. Впоследствии, впрочем, Брэдло сам создал подобный клуб в Лондоне, но продолжал проводить в этом отношении осторожную политику, не призывая разрозненные республиканские организации к объединению.

Хотя газеты писали, что Республиканский клуб Брэдло «хотел бы научить рабочий класс плавать… в крови»[164], его взгляды на монархию сложно назвать экстремистскими. Обвиняя «Дом Брансуиков»[165] в «недее-

---

[159] Bradlaugh C. Five dead men whom I knew when living: Robert Owen, Joseph Mazzini, Charles Sumner, J. S. Mill, and Ledru Rollin. London, [1882]. P. 13, 27.

[160] D’Arcy F. A. Charles Bradlaugh and the English Republican Movement… P. 371.

[161] Bradlaugh C. The Impeachment of the House of Brunswick. Boston, 1875. 5th ed. 160 P.

[162] National Reformer. 1869. 9th May.

[163] D’Arcy F. A. Charles Bradlaugh and the English Republican Movement… P. 372.

[164] Cit. in: D’Arcy F. A. Charles Bradlaugh and the English Republican Movement… P. 373.

[165] Брансуик – английский вариант немецкого «Брауншвейг». Таким образом, речь идет о ганноверской ветви Брауншвейгской династии, правившей Великобританией с 1714 г. (первым представителем династии был король Георг I).

способности и порочности»[166], он настаивал, что установление республиканской формы правления в Англии достижимо мирными способами. Инструментом для этого должен был стать парламент, которому следовало принять закон о запрете занимать престол представителям Брауншвейгской династии после смерти королевы Виктории, поскольку парламент имел право

> «принимать любые законодательные акты и отменять любые ранее принятые законодательные акты, даже если такой новый закон или отмена любого старого закона должны действительно изменить конституцию Империи или изменить характер и полномочия любой парламентской палаты»[167].

Законодательная власть парламента исходила от народа, а у того, по мнению Брэдло, не было обязательств поддерживать какого-либо из следующих претендентов на престол[168].

Брэдло полагал, что для законодательного упразднения монархии после смерти королевы Виктории существуют серьезные основания. В первую очередь, политика представителей правящей династии (впрочем, «исключая ее нынешнее величество»[169]) не способствовала улучшению благосостояния народа; в вину этой династии Брэдло ставил «$^{15}/_{16}$ всего государственного долга»[170], образовавшегося вследствие ведения войн и проганноверской политики. Власть в стране в течение долгого времени находилась в руках нескольких семей, использовавших ее для собственного обогащения, тогда как налоговое бремя легло на плечи низших и средних классов; в огромные пенсионные списки попадали люди, которые «не сделали ничего, чтобы оправдать свое безделье за государственный счет, в то время как столь много рабочих в сельскохозяйственных районах влачат полуголодное существование»[171]. Брэдло также считал монархов Брауншвейгской династии «дорогостоящими марионетками, полезными только для правящей аристократии в качестве прикрытия, чтобы защитить настоящих преступников от справедливых упреков народа»[172], следствием чего было отсутствие прогресса в законодательстве. Наконец, правление четы-

---

[166] Bradlaugh C. The Impeachment of the House of Brunswick. P. IV.
[167] Ibid. P. 6.
[168] Ibid. P. 7.
[169] Ibid. P. 10.
[170] Ibid. P. 11.
[171] Ibid. P. 11.
[172] Ibid. P. 12.

рех Георгов[173] привело к утрате американских владений и превращению Ирландии в хроническую проблему для Англии.

Республиканские взгляды Брэдло, всё же, имели строго очерченные рамки. Помимо уже упомянутой осторожности в отношении к республиканскому движению в целом, эти рамки ограничивались критикой аристократии[174], но не буржуазии; в целом, монархия выступала, скорее, символом проблем, нежели действительно подлежащей уничтожению целью. Брэдло приветствовал крах Второй империи во Франции, однако последующие события на континенте показали, что за его пылкой риторикой скрывалась относительная умеренность взглядов.

***

Анализируя парижские события марта 1871 г., В. И. Ленин писал:

> «Коммуна возникла стихийно, ее никто сознательно и планомерно не подготовлял. Неудачная война с Германией, мучения во время осады, безработица среди пролетариата и разорение среди мелкой буржуазии; негодование массы против высших классов и против начальства, проявившего полную неспособность, смутное брожение в среде рабочего класса, недовольного своим положением и стремившегося к иному социальному укладу; реакционный состав Национального собрания, заставлявший опасаться за судьбу республики, – все это и многое другое соединилось для того, чтобы толкнуть парижское население к революции 18 марта, неожиданно передавшей власть в руки национальной гвардии, в руки рабочего класса и примкнувшей к нему мелкой буржуазии»[175].

Парижская коммуна всколыхнула общественное мнение не только во Франции. Республиканские настроения в Англии получили новый толчок, мнения разделились, возникали новые организации, по-разному смотревшие на события в Париже. Помимо прочего, Коммуна стала причиной конфликта между Марксом и Брэдло, окончательно утвердившего их разницу во взглядах и положившего начало длительной конфронтации Брэдло с социалистами.

28 марта Генеральный совет Интернационала обсуждал рост и перспективы республиканского движения. Члены совета, посещавшие митинги республиканцев, рассказывали о своих впечатлениях. В частности, ткач Т. Моттерсхед докладывал, что присутствовал на прошедшем несколькими днями раньше митинге в Зале науке, посвященном открытию Республиканского клуба Брэдло, но отмечал, что тот говорил только о законе о пре-

---

[173] Георг I (1714–1727), Георг II (1727–1760), Георг III (1760–1820), Георг IV (1820–1830).

[174] Craig D. M. The Crowned Republic?.. P. 183.

[175] Ленин В. И. Памяти Коммуны // Полн. собр. соч. М., 1973. С. 217–213.

столонаследии 1701 г. Моттерсхед заявлял, что «не променял бы английскую конституцию на некоторые республиканские»[176]. Энгельс говорил о необходимости наблюдения за новым движением и возможности участия в нем членов Интернационала с той целью, чтобы придать ему нужное направление, но полагал, что в случае, если республиканизм приобретет буржуазный характер, рабочим следует отстраниться от него. Маркс, в свою очередь, настаивал на бесплодности всякого республиканского движения, если оно не будет носить социального характера, а «заправилы нынешнего движения, конечно, не имеют таких намерений»[177]. Таким образом, Генеральный совет не поддержал республиканское движение как таковое, считая особенно важным направление его развития.

Брэдло же в дни Коммуны оказался в затруднительном положении. Многие из его французских друзей поддерживали коммунаров, но, говоря словами Гипатии Брэдло-Боннер, «все существо ... отца трепетало от сочувствия к этим людям; но как бы он ни сочувствовал, его разум не мог одобрить, и он печально молчал, не в силах одобрить, но отказываясь осуждать»[178]. Таким образом, Коммуна оказалась еще одной границей, дальше которой его республиканизм не шел. Все-таки он попытался выступить посредником между коммунарами и версальцами по просьбе некоторых французских лидеров. Он отправился в Версаль с «условиями мира», которые намеревался предложить М. Тьеру. Условия предполагали принятие принципа республиканского правления, амнистию политических заключенных и избрание народом главы исполнительной власти республики; на время выборов военные действия следовало прекратить[179]. Однако по прибытии во Францию он был арестован[180]; на его телеграмму в Версаль пришел ответ правительства, содержавший приказ немедленно покинуть Францию, и словесный портрет Брэдло был разослан на все железнодорожные станции Франции с приказом арестовать его в случае возвращения[181]. Республиканец Тьер был намерен решить проблему республиканцев-коммунаров силой оружия.

Когда отгремела кровавая майская неделя, Генеральный совет принял решение опубликовать составленное Марксом воззвание о Коммуне[182], известное под названием «Гражданская война во Франции»[183]. Это воззва-

---

[176] Генеральный совет I Интернационала : протоколы, 1870–1871. М., 1965. С. 114.
[177] Там же. С. 115.
[178] Bradlaugh Bonner H. Charles Bradlaugh... Vol. 1. P. 322.
[179] The Times. London, 1871. 25th April.
[180] East London Observer. 1871. 29th April.
[181] Bradlaugh Bonner H. Charles Bradlaugh... Vol. 1. P. 324.
[182] Генеральный совет I Интернационала : протоколы, 1870–1871. С. 146.
[183] Маркс К. Гражданская война во Франции // Соч. Т. 17. С. 317–370.

ние, ставшее одним из главных произведений Маркса, содержало анализ достижений и ошибок Коммуны. Оно вызвало резкую критику Брэдло[184], которая не затрагивала главные аргументы Маркса, но была сосредоточена на том, что тот перешел на «личности». Дополнительным поводом для критики стал вывод сторонников Брэдло (Оджера и Лекрафта) из состава Генерального совета[185], причиной чего было их несогласие с воззванием. В сентябре Брэдло продолжил нападки на Интернационал, заявив, что тот не имеет влияния в Англии. Кроме того, он призвал английских рабочих не вступать в Международное Товарищество, поскольку его секретарь Джон Хейлз оправдывал сожжение Парижа во время майских событий как часть военной стратегии. В ответ на обвинения Хейлз заявил, что Брэдло не пользуется авторитетом среди английских рабочих и не имеет права что-либо советовать им, покуда не начнет разбираться в рабочем вопросе[186]. В начале октября последовало заявление Брэдло о «контроле иностранцами» Интернационала и претензиях Маркса и его соратников «на власть в Англии»[187]. Маркс игнорировал эскапады вплоть до декабря; но в конце года конфликт вышел за пределы «Нэшнл реформера» и стал достоянием национальной прессы[188]. На публичной лекции Брэдло обвинил Маркса в «бонапартизме» и шпионаже в пользу Пруссии. Первое обвинение основывалось на фразе из «Гражданской войны во Франции», из которой Брэдло процитировал только первую часть: «В действительности же империя была единственно возможной формой правления в такое время, когда буржуазия уже потеряла способность управлять нацией, а рабочий класс еще не приобрел этой способности»[189]. Второе обвинение не было подкреплено доказательствами; в январе 1872 г. Брэдло повторил его в «Нэшнл реформере», и Маркс был вынужден отвечать в прессе:

«В „National Reformer“ от 7 января г-н Чарлз Брэдло пишет: „Мы хотели лишь указать на то, что в прежние времена д-р Маркс осведомлял свое собственное правительство“.

Настоящим заявляю, что это клевета, настолько же нелепая, насколько и подлая. От г-на Брэдло я требую, чтобы он огласил хотя бы один факт, который давал

---

184 National Reformer. 1871. 9th July.
185 Генеральный совет I Интернационала : протоколы, 1870–1871. С. 158.
186 D’Arcy F. A. Charles Bradlaugh and the English Republican Movement… P. 376.
187 National Reformer. 1871. 8th Oct.
188 Morning Post. 1872. 29th Jan. ; Sun & Central Press. 1872. 8th Jan. ; Morning Advertiser. 1872. 5th Jan.
189 Маркс К. Гражданская война во Франции // Соч. Т. 17. С. 341. Подробнее см. письмо Женни Маркс (дочери) Л. Кугельману: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 558.

бы ему малейший повод для такого заявления. Для его личного спокойствия добавляю, что „вызывать на дуэль“ его я не собираюсь»[190].

12 декабря на заседании Генерального совета О. Серрайе сообщил об отказе французских эмигрантов принимать от Брэдло собранные по подписке средства, поскольку он «он нападал на Коммуну, и эти люди сочли бы за бесчестье взять эти деньги»[191]. В связи с отчетом о заседании, на котором Маркс отсутствовал, Брэдло писал в «Истерн пост» о том, что «весьма обязан Карлу Марксу за его вражду ко мне»[192]. Лидер Интернационала отвечал:

«Моя вражда к г-ну Чарлзу Брэдло! Со времени опубликования воззвания „Гражданская война во Франции“ голос г-на Брэдло слился с всемирным хором клеветы на Интернационал и на меня лично. Я отвечал ему, как и прочим хулителям, презрительным молчанием. Смехотворное тщеславие этого до крайности самовлюбленного человека не могло этого перенести. Я „оклеветал“ его тем, что не обращал внимания на его клевету. Мое молчание привело его в исступление; на публичном собрании он объявил меня бонапартистом потому, видите ли, что в воззвании „Гражданская война“ я раскрыл исторические условия, породившие Вторую империю. Сейчас он идет еще дальше, превращая меня в полицейского агента Бисмарка. Бедняга! Ему обязательно нужно показать, что уроки, которые он недавно получил в Париже у подлого Эмиля де Жирардена и его клики, не пропали для него даром. Теперь же, способствуя самому широкому распространению его послания, я „предаю его“ немецкой публике. Если он будет настолько любезен, что облечет свою клевету в более осязательную форму, то я „предам его“ и английскому суду»[193].

На заседании Генерального совета 19 декабря Маркс подробно объяснил причины, побудившие его дать ответ Брэдло. Он опасался, что люди будут введены в заблуждение неточной цитатой, но первоначально счел ошибку Брэдло неумышленной. Поэтому Маркс не хотел ввязываться в конфликт, так как не искал славы политического оратора и, будучи эмигрантом, не имел личных мотивов для участия в английской политике. Однако впоследствии он пришел к выводу, что фальсификация, сделанная Брэдло, была умышленной и преднамеренной. Письмо же Брэдло было «лишним доказательством злонамеренности этого человека»[194].

---

[190] Маркс К. Редактору газеты «Eastern Post» // Соч. Т. 17. С. 487.
[191] Генеральный совет I Интернационала : протоколы, 1871–1872. М., 1965. С. 28.
[192] Маркс К. Редактору газеты «Eastern Post» // Соч. Т. 17. С. 479.
[193] Там же.
[194] Генеральный совет I Интернационала : протоколы, 1871–1872. С. 32.

Брэдло отказался предоставить доказательства шпионажа Маркса, однако предложил лидеру Интернационала собраться на «суд чести» и провести публичное собрание для обсуждения спорных вопросов[195]. Отказ Брэдло стал причиной последней реплики Маркса по проблеме:

«Данте в своей бессмертной поэме говорит, что одна из самых жестоких пыток изгнанника – это необходимость иметь дело со всяким сбродом. Я глубоко почувствовал правдивость этой жалобы, когда вынужден был на какое-то время вступить в публичную полемику с субъектами вроде гг. Чарлза Брэдло и К°. Но как бы то ни было, я более не допущу, чтобы он использовал свою попытку затеять со мной распрю в качестве дешевого и удобного средства для саморекламы за границей…

Расчеты мои с г-ном Чарлзом Брэдло покончены, и я предоставляю ему целиком, насколько это может его утешить, наслаждаться безмятежным созерцанием своей собственной персоны»[196].

В сентябре 1872 г. на Гаагском конгрессе Интернационал пережил раскол, который положил начало его упадку и прекращению деятельности четырьмя годами позже. В 1877 г. Брэдло попытался создать свой, карманный «Интернационал», однако эта попытка оказалась провальной[197]. Было бы большим преувеличением утверждать, что конфликт с Марксом заметно повлиял на политическую карьеру Брэдло или существенным образом отразился на истории социалистического движения. Но нельзя назвать его и случайным: к нему вела и логика развития Международного Товарищества, лидеры которого стремились оградить организацию от элементов, не имевших прямого отношения к рабочему движению, и взгляды Брэдло, декларировавшего приверженность мирной трансформации общества и необходимость классового мира.

***

В чем же состояли основные претензии Брэдло к социализму? Ответ на этот вопрос можно найти в работах 1880-х гг.: «Социализм: его заблуждения и ошибки»[198] и «Некоторые возражения против социализма»[199].

Брэдло определял социализм как «отрицание всякой индивидуальной частной собственности и утверждение того, что общество, организованное как государство, должно владеть всем богатством, направлять весь труд и

---

[195] Reynolds's Newspaper. 1872. 4th Feb.
[196] Маркс К. Редактору газеты «Eastern Post» // Соч. Т. 17. С. 488–489.
[197] Lavin D. Bradlaugh contra Marx… P. 66–71.
[198] Bradlaugh C. Socialism: Its fallacies and dangers // The North American Review. 1887. Vol. 144, № 362. P. 12–21.
[199] Bradlaugh C. Some objections to socialism. London, 1884. 16 p.

обеспечивать равное распределение всего продукта»[200]. Социалистическое государство – это государство, в котором все общее, труд управляется государством, содержащим рабочего из общих запасов и забирающего весь продукт труда: «Таким образом, я отождествляю социализм с коммунизмом»[201]. Социалистов, отрицавших эти определения, Брэдло считал социальными реформаторами, с которыми у него «нет или почти нет ссор»[202]. Современный же ему социализм Брэдло считал более опасным, нежели утопические построения Оуэна, поскольку был убежден, что он претендует на эксперименты с государством, даже не дожидаясь, когда на его сторону перейдет большинство:

«У него нет терпения постепенно создавать новую систему; он считает реформу своим врагом; он претендует на роль джинна, разрушая существующее положение вещей. К сожалению, социальное зло во всех старых странах велико и болезненно, но если мы хотим уменьшить его, оно должно быть реформировано в деталях; в распоряжении реформатора нет волшебного четырехлистного клевера»[203].

Особую неприязнь у Брэдло вызывало требование социальной защиты. Социалисты

«...призывают государство кормить, одевать и нанимать тех, кто плохо питается, плохо одет или не имеет работы. Эти социалисты – настоящие враги прогресса... Государство не может дать людям ни еды, ни одежды, ни работы, за исключением тех случаев, когда сами граждане предоставляют государству средства для выполнения этих задач. Если государство должно делать для каждого индивида то, что индивид не в состоянии сделать для себя сам, то (если это вообще возможно) это может сделать только деспотизм. Государственный социализм полностью противоречит индивидуальной свободе; он совершенно враждебен институтам свободной демократии»[204].

Брэдло также обвинял социалистов в том, что, призывая к разрушению существующего социального порядка, они не предлагали действенной схемы управления обществом после победы социалистической революции и отказывались обсуждать какие-либо детали жизни в предлагаемом новом социальном государстве. Насильственная революция, по его мнению, должна была привести к кровопролитной гражданской войне. Против

---

[200] Bradlaugh C. Socialism: Its fallacies and dangers. P. 12.
[201] Ibid.
[202] Ibid.
[203] Ibid. P. 16.
[204] Ibid.

ликвидации частной собственности – одного из главных социалистических тезисов – Брэдло возражал на том основании, что «не все являются Ротшильдами»[205], и нехитрые пожитки населения – мебель, книги и т. д. – зарабатывались трудом, а потому собственники есть во всех классах[206].

Из подобных рассуждений следовал и соответствующий вывод:

«Социализм опасен в Англии, потому что он претендует на революционность в эпоху и в стране, где за последние пятьдесят лет были мирно проведены самые масштабные реформы и где чрезвычайно широкое распространение политической власти дает возможность ускорить многие требуемые реформы, которые еще требуются»[207].

Так радикализм самого неистового среди радикалов споткнулся о краеугольный камень социализма – вопрос о частной собственности. Полемический характер этих работ свидетельствовал, скорее, о стремлении нанести удар по политическим оппонентам, запугав читателей, нежели о желании рассмотреть принципы социализма системно и вдумчиво. Вполне вероятно, что Брэдло не были доступны многие из работ основоположников научного социализма, против которого он выступал в своих трудах[208], но даже «Манифест Коммунистической партии» содержал указание на то, что мебели и книгам Брэдло ничего не угрожает: «Коммунизм ни у кого не отнимает возможности присвоения общественных продуктов, он отнимает лишь возможность посредством этого присвоения порабощать чужой труд»[209].

Интересно также, что главным объектом нападок Брэдло в антисоциалистических памфлетах 1880-х гг. стал Генри Гайндман – основатель Социал-демократической федерации. Гайндман называл себя учеником Маркса, однако последний вскоре после знакомства разорвал с ним всякие отношения. Энгельс так описывал его:

«...бывший консерватор и крайне шовинистически настроенный, хотя и неглупый карьерист, который довольно подло вел себя по отношению к Марксу... поэтому мы и порвали с ним личные отношения»[210].

Но Гайндман был очень активен на политической сцене, пытался пробиться в парламент и тем самым выступал конкурентом Брэдло. Дважды

---

[205] Bradlaugh C. Some objections to socialism. P. 6.
[206] Ibid.
[207] Bradlaugh C. Socialism: Its fallacies and dangers. P. 20.
[208] Ibid. P. 14.
[209] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. Т. 4. С. 440.
[210] Энгельс – Бебелю, 30 августа 1883 г. // Соч. Т. 36. С. 51.

они встречались на излюбленном поле битвы «Иконоборца» – дебатных площадках. В 1884 г. темой дебатов была польза социализма для народа; Брэдло доказывал тезис о невозможности построения социалистического государства революционным путем[211], который лег в основу упомянутых выше работ. По мнению В. Вольфа эти дебаты стали значительной победой Брэдло, которому удалось навесить на сторонников Гайндмана ярлык жестоких и безответственных поджигателей – не соответствовавший действительности, но прочно закрепившийся за английскими социалистами[212]. В 1890 г., незадолго до смерти, Брэдло оппонировал Гайндману в вопросе о восьмичасовом рабочем дне[213].

Тем не менее неприязнь Брэдло к социалистическим идеям не могла оградить его от взаимодействия с социалистами. В 1880-е гг. радикализм и социализм (особенно реформистского толка) сближались по многим вопросам, и это вело к «перебежкам» из лагеря в лагерь. Так, в стан социалистов в это время перешла Анни Безант; дебаты Брэдло и Гайндмана стимулировали обсуждение социальных вопросов в радикальных клубах; возникшее в 1884 г. Фабианское общество проповедовало идею эволюционного перехода к социализму.

В этом смысле особенно показательна история Эдуарда Эвелинга – одной из трагичных фигур в истории британского социализма конца XIX в.

В 1880 г. Эвелинг, часто выступавший с лекциями на биологические темы и пропагандировавший дарвинистское учение, стал вице-президентом Национального светского общества. Гайндман вспоминал:

«Когда я впервые узнал о нем, он был одним из членов великой Троицы в Единстве – три человека и ни одного Бога, – состоящей из Брэдло, Анни Безант и Эвелинга, которая оживляла и контролировала наиболее активную и влиятельную часть светской партии. То, как все трое играли на руку друг другу и прославляли способности друг друга, можно было бы воспринять как непреходящий урок о том, как нужно максимально использовать совместные интеллектуальные усилия»[214].

В 1883–1884 гг. Эвелинг заинтересовался марксизмом (Гайндман сообщал, что этому способствовали его дебаты с Брэдло[215]); к этому же времени относится и начало его романа с дочерью Маркса Элеонорой, благодаря которому он вошел в узкий круг английских социалистов. Как и Эве-

---

[211] Will socialism benefit the English people?.. P. 15.
[212] Wolfe W. From radicalism to socialism. P. 140.
[213] Eight hours' movement : verbatim report of a debate between Mr. H. M. Hyndman and Mr. C. Bradlaugh. London, [1890]. 48 p.
[214] Hyndman H. M. Further Reminiscences. P. 140.
[215] Ibid.

линг, Брэдло видел и осознавал растущую силу социалистического движения, и был обеспокоен его «полнокровной и горячей» программой[216], что, конечно, стало одной из причин (хотя и далеко не единственной) обострения отношений Эвелинга с главой НСО. В частности, в марте 1884 г. Энгельс, которому Эвелинг помогал в работе над переводом «Капитала», писал Ф. А. Зорге о том, что у молодого социалиста уходит много времени на борьбу с его «бывшим другом Брэдло», терявшим сторонников «благодаря здешнему социалистическому движению»[217].

Особую остроту конфликт принял летом 1884 г. В архиве Светского общества сохранилось письмо Эвелинга, в котором он («как вице-президент Общества, которым вы руководите») сообщал Брэдло о желании тайно жениться на Элеоноре и просил сообщить о «любых трудностях в отношении моей официальной позиции»[218]. Энгельс позже вспоминал:

«История с Брэдло была колоссальной глупостью со стороны Эвелинга, но по существу он не виноват. В то время Эвелинг в денежных делах и политических переговорах был абсолютно наивным, зеленым, невероятно глупым молодым поэтом. Брэдло это знал и эксплуатировал его самым гнусным образом; они основали естественнонаучную школу с лабораторией, причем Брэдло взял на себя деловую сторону, а на Эвелинга взвалили не только всю работу, но в конце концов и всю денежную ответственность. Когда Эвелинг стал социалистом и женился на Тусси[219], Брэдло клеветнически обвинил его в сомнительных денежных операциях; Эвелинг, будучи совершенно невиновным, оказался в чрезвычайно трудном положении исключительно из-за своей непомерной глупости»[220].

Возможно, Энгельс не был в полной мере знаком с деталями расставания Эвелинга со Светским обществом; однако формальной причиной для его отставки, действительно, стали растущие долги, с которыми, как указывает Д. Трайб[221], Брэдло мирился до июня 1884 г., пока не стал фигурантом очередного судебного процесса, требовавшего больших затрат. Он, таким образом, уведомил вице-президента, что на его августовском собра-

---

[216] Tribe D. President Charles Bradlaugh, M.P. P. 237.

[217] Энгельс – Зорге, 7 марта 1884 г. // Соч. Т. 36. С. 108. Правота Энгельса два года спустя нашла подтверждение и в прессе, писавшей, что, борясь с социализмом, Брэдло «делал хорошее дело… но его главные помощники в деле пропаганды атеизма перешли в ту же ересь, против которой он так энергично борется» (см., например, Morpeth Herald. 1886. 2nd Oct.)

[218] Aveling – Bradlaugh, 29 July 1884 // Atheism and Anti-War Sentiments in the Bradlaugh Family, 1833–1948. 72979-A12.

[219] Элеонора Маркс.

[220] Энгельс – Бебелю, 29 сент. – 1 окт. 1891 г. // Соч. Т. 38. С. 141–142.

[221] Tribe D. President Charles Bradlaugh, M.P. P. 229.

нии будет добиваться исключения Эвелинга из Национального светского общества «в связи с неоднократными и растущими жалобами на заимствование денег»[222]. Заявление об отставке в конечном счете было принято. Долги, однако, остались. Это противостояние продолжалось до последних лет жизни Брэдло[223], и было, похоже, весьма успешным для Эвелинга – в 1891 г. социалисты Нортгемптона предложили ему баллотироваться в парламент вместо его умершего соперника. В истории же социализма Эвелинг оставил в высшей степени неоднозначный след. Проявивший себя последовательным борцом за дело социализма, он не был устойчив в морально-нравственном отношении. Уже в конце 1890-х гг. он тайно женился на молодой актрисе, и Элеонора Маркс, узнав об измене, покончила с собой. Спустя несколько месяцев от болезни скончался и сам Эвелинг.

***

Проблема взаимоотношений радикализма и социализма в викторианской Англии лежала, конечно, глубже, чем в противостоянии отдельных личностей. В сущности, на протяжении XIX в. радикализм переживал серьезную трансформацию, и именно социализм был конечным ее результатом[224]. Радикалы и социалисты часто разделяли общие идеи в отношении демократизации общества и потому стремились обращаться к широким слоям населения, не доверяли правительству (результатом чего стало, в частности, республиканское движение) и выступали за ограничение привилегий правящих классов. Радикализм, однако, был более аморфным, не имел устойчивой организации, что находило выражение в идейном многообразии, тогда как социализм сосредотачивался на экономических противоречиях и подводил (или пытался подводить) научную базу под свои теоретические воззрения. Радикалы не сумели создать свою партию, и в конце столетия многие выходцы из радикальных политических клубов нашли себя в более крепких социалистических организациях, которые в 1890-х гг. занялись партийным строительством. Первые кандидаты в парламент от рабочего класса (например, Дж. Оджер), равно как и радикалы, баллотировались от Либеральной партии, но в 1893 г. возникла Независимая рабочая партия, участвовавшая во всеобщих выборах, а в 1900 г. Комитет рабочего представительства (из которого чуть позже вырастет Лейбористская партия) провел двух кандидатов в палату общин. Спустя четверть века Лейбористская партия станет одной из ведущих в Великобритании, а

---

[222] Ibid. P. 230.

[223] Toronto Daily Mail. 1888. 7th Jan. ; Northampton Mercury. 1890. 26th Sept.

[224] Wolfe W. From radicalism to socialism. P. 3.

парламентские либералы утратят свои позиции. Именно этот мощный, боевой импульс социалистических идей увидел Брэдло, всегда позиционировавший себя как «представителя народа», но с годами все больше склонявшийся «вправо». Хотя английский социализм ушел далеко в сторону от того курса, который намечали основоположники научного социализма, и многочисленные партии начала XX века имели совершенно реформистский характер, Брэдло немало сделал для создания образа «жаждущего крови» социал-демократа, только и ждущего момента, чтобы отобрать «мебель и книги» у добропорядочного английского гражданина после насильственной революции. Образ ужасал; но идеи завоевывали сторонников, что в условиях избирательных реформ 1884–1885 гг., отменивших имущественный ценз, давало социалистам все больше возможностей для парламентской борьбы, и те решительно начали их использовать. Борьба Брэдло, сколь бы яростной она ни была, не могла направить этот закономерный процесс в иное русло.

Глава 3. Присяга на верность

Парламент, столь часто упоминающийся на страницах этой книги, для «свободомыслящего» из Ист-энда был вершиной политических устремлений. После принятия закона о народном представительстве 1867 г., он, уже известный тысячам людей по всей стране благодаря своим лекциям и участием в Лиге реформы, всерьез задумался о парламентской карьере. Впрочем, то, что Брэдло может стать членом палаты общин, понимали даже те, кто не разделял его взглядов. Например, Г. Брэдло-Боннер в своей книге приводила следующую едкую цитату, появившуюся тогда в одной из газет: «Г-н Брэдло мог бы, возможно, принять управление Индией из рук сэра Стаффорда Норткота, ума у него не меньше, а широта его религиозных взглядов делает его более приемлемым правителем для „мягкого", но проницательного индуса»[225].

Но парламент, хоть в избирательной системе и произошли серьезные перемены, все еще требовал от настойчивых кандидатов «своего» избирательного округа, который доверил бы им право представлять себя в высшем законодательном органе. Неудивительно, что поиск такого избирательного округа требовал больших усилий и отнимал много времени.

Восточный Лондон для этого не подходил. Сказывалась высокая мобильность населения – чтобы получить избирательные права, рабочий должен был проживать в одном и том же месте не менее года, а это еще не было особо распространенным явлением; многие из тех, кто мог голосовать, вовсе не регистрировались в качестве избирателей[226]. Потому выбор «Иконоборца» пал на Нортгемптон – древний город со славной историей в Восточном Мидленде, к северо-западу от столицы. Но не древность, не занимательные легенды средневековых хронистов стали тому причиной. Нортгемптон имел репутацию «радикального» города с республиканскими традициями и с началом индустриальной эпохи вступил во вторую молодость, преодолев упадок прошлых столетий. К тому же, Брэдло здесь знали – он неоднократно выступал в Нортгемптоне с лекциями. Поэтому в феврале 1868 г. уже началась подписка на покрытие расходов на избирательную кампанию, а в середине лета Брэдло представил свою программу. В ней Брэдло заявлял о намерении «оказывать независимую поддержку партии, лидером которой, вероятно, станет г-н Гладстон»[227] и излагал некоторые положения, которые хотел отстаивать в палате общин в случае избрания: введение системы обязательного национального образования; проведение земельной реформы; изменение структуры государственных

---

[225] Bradlaugh Bonner H. Charles Bradlaugh... Vol. 1. P. 263.
[226] Tribe D. President Charles Bradlaugh, M.P. P. 103.
[227] Bradlaugh Bonner H. Charles Bradlaugh... Vol. 1. P. 264.

расходов с тем, чтобы «государственные департаменты перестали быть убежищами для обездоленных членов так называемых благородных семей»[228]; реформа системы налогообложения, предполагавшая увеличение налоговой нагрузки на обеспеченные слои населения; урегулирование отношений между трудом и капиталом таким образом, чтобы работодатели и наемные работники были равны перед законом; полное отделение церкви от государства, включая отстранение епископов от должностей в палате лордов; справедливое представительство меньшинств в законодательных органах; введение мер по расширению свободы мнения; реформирование института пэрства и, как следствие, палаты лордов; замена старой партии вигов Национальной партией,

«которая разрушит систему правления аристократических семей и предоставит членам сообщества, родившимся в бедности, справедливые возможности в их стремлении стать государственными деятелями и лидерами, если у них достаточно гения и честности, чтобы дать им право на первое место»[229].

Кампания, однако, шла не слишком гладко. «Старые либералы» округа его не поддержали, выдвинув своих кандидатов. Кроме того, кампания была скромной в финансовом отношении, и, хотя в поддержку Брэдло выступали лондонские деятели Лиги реформы и популярные секуляристы – Дж. Оджер, О. Холиок, Ч. Уоттс, – газеты предрекали ему сокрушительный провал. «Дейли ньюс» сообщала, что единственным результатом выдвижения кандидатуры Брэдло будет раздел голосов, поданных за либералов[230]. «Иллюстрейтед Лондон ньюс» писала о Брэдло как об «эксцентричной кандидатуре», которая «ни к чему не приведет»[231], а незадолго до выборов «Бирмингем дейли газетт» заявляла, что «Иконоборец» «едва ли представляет какой-либо класс или кого бы то ни было за исключением самого себя»[232]. Пространный отзыв о новом кандидате оставила и нортгемптонская газета:

«… мы должны считать долгом каждого честного и искреннего либерала поддержать Джилпина и Хенли, исключая всех других кандидатов. Это соображение позволяет нам избавить кандидатуру Брэдло от какого-либо рассмотрения его личных достоинств или недостатков. Если бы „Иконоборец“ был во всех отношениях идеальным кандидатом, мы все равно должны были бы осуждать его выдвижение в округе, исходя из того простого факта, что у него не больше шансов быть из-

[228] Ibid.
[229] Ibid. P. 264.
[230] Daily News. 1868. 3rd July.
[231] Illustrated London News. 1868. 11th July.
[232] Birmingham Daily Gazette. 1868. 10th Nov.

бранным депутатом от Нортгемптона, чем быть назначенным архиепископом Кентерберийским... мы не рассматриваем его кандидатуру как серьезную, потому что готовы верить, что этот странствующий лектор искренен в своем исповедании либерализма. Предполагая, что это так, он должен вскоре понять, …что одним из возможных результатов его борьбы за место будет отъем определенного количества голосов от либеральной стороны и повышение вероятности возвращения тори»[233].

Опасения «Нортгемптон меркьюри» оказались напрасными. Хотя кампания Брэдло стала общенациональной, а выдающийся либеральный философ Дж. С. Милль отправил ему 10 ф. ст. на оплату расходов во время предвыборной гонки (за что был даже обвинен некоторыми ревнителями веры в атеизме[234]), «Иконоборец» набрал всего чуть больше тысячи голосов, опередив лишь одного претендента, снявшего свою кандидатуру уже в ходе выборов. Но положительный эффект все же был. В известном смысле его выдвижение было вызовом вигам (как и было указано в предвыборной программе), и это не осталось незамеченным общественностью. «Где бы рабочий класс ни выдвигал своего кандидата, ему мешали так называемые либералы. В Нортгемптоне были использованы все возможные формы давления, чтобы заставить г-на Брэдло снять кандидатуру»[235], – писали в Лондоне. «Г-н Брэдло… разделил судьбу остальных кандидатов от рабочего класса»[236], – писали в Ливерпуле. Гипатия Брэдло-Боннер добавляла в поражение отца лиричную нотку:

«Мой отец покинул Нортгемптон, сопровождаемый на вокзал такой огромной толпой скорбящих мужчин и женщин, что его поражение было грандиознее многих побед; он никогда не мог, по его словам, забыть тех, чьи горячие слезы капали на его руки в тот день, когда он покинул город, и когда он писал эти слова – мы можем быть уверены – собственные слезы затуманили его глаза и размыли страницу»[237].

Время от времени в палате общин возникали вакантные места, и уже год спустя Брэдло оказался одним из шести кандидатов на то, чтобы занять место от лондонского боро Саутуорк (Сатерк). Но в числе прочих был Оджер, самоотверженно помогавший «Иконоборцу» в нортгемптонской кампании, и Брэдло отказался от участия в пользу соратника, представлявшего Лигу рабочего представительства. Оджер также не смог вой-

[233] Northampton Mercury. 1868. 4th July.
[234] Express. London, 1868. 11th Nov.
[235] Reynolds's Newspaper. 1868. 1st Nov.
[236] Liverpool Daily Post. 1868. 18th Nov.
[237] Bradlaugh Bonner H. Charles Bradlaugh... Vol. 1. P. 279.

ти под своды Вестминстерского дворца, но показательно, что он опередил либерального соперника – сэра Сидни Уотерлоу[238].

Начало семидесятых, как мы уже видели, Брэдло встретил лидером республиканского движения. В этом качестве он посетил Испанию и Соединенные Штаты Америки, где пресса встречала его заголовками «Чарльз Брэдло – будущий президент Англии»[239]. Известность (и даже популярность) росла, и все было готово для новой схватки за место в палате общин. Осенью 1873 г., перед отплытием в Новый Свет, он опубликовал предвыборную программу, с которой намеревался выдвигать свою кандидатуру весной следующего года. «Небольшой печатный циркуляр»[240] содержал положения, схожие с теми, что были пятью годами раньше, и обещание следовать за парламентскими либералами только в поддержке радикальных мер. Заметным новшеством было предложение сделать право вето палаты лордов временным, чтобы его можно было отменить в течение той же сессии достаточным числом голосов палаты общин[241].

В Соединенных Штатах у Брэдло было запланировано многообещающее лекционное турне, однако политические перемены на родине потребовали его скорейшего времени. В конце 1873 г. в далекой Западной Африке началась третья англо-ашантийская война, вызвавшая у британской общественности недовольство кабинетом Гладстона, и в январе 1874 г. премьер-министр призвал к роспуску парламента. О. Холиок телеграфировал об этом Брэдло, и тот немедленно отправился в Англию, но кампания началась в его отсутствие, и это, конечно, не пошло ей на пользу[242]. Противники были по-прежнему сильны и не стеснялись в выражениях. «Братья-избиратели, не думаете ли вы, что мы воздадим должное самим себе и нашему уважаемому округу, отправив „идиота“ в парламент? Тогда как мы можем поддержать кандидатуру г-на Брэдло?»[243], – вопрошала одна из предвыборных листовок. У него и на этот раз не было практически никаких шансов, и он остался последним, но получил 1653 голоса, уступив всего 143 голоса ставшему уже его традиционным соперником лорду Хенли. В парламент от Нортгемптона прошел консерватор П. Фиппс и виг Ч. Джилпин. Брэдло собирался вернуться к американскому курсу лекций, как вдруг пришло известие о смерти Джилпина и необходимости довыбо-

---

[238] Tribe D. President Charles Bradlaugh, M.P. P. 111–112.
[239] Ibid. P. 149.
[240] London Evening Standard. 1873. 3rd Sept.
[241] Tribe D. President Charles Bradlaugh, M.P. P. 149.
[242] Robertson J. M. Charles Bradlaugh. P. 46.
[243] Mr. Bradlaugh on the river's bank, or, The idiot & Newfoundland dog its moral, – and present political application. [Northampton, 1874]. P. 1.

ров. Ему вновь пришлось «просить голоса»[244] нортгемптонских избирателей, но, добавив к предыдущему результату еще сотню голосов, он остался третьим. Радикальный Нортгемптон «подарил» палате общин двух консерваторов.

***

Консервативный кабинет Дизраэли продержался у власти шесть лет, но колониальные войны, не слишком успешная ирландская политика, прекращение внутренних реформ в конце концов сделали его положение неустойчивым. Результатом стало объявление о выборах в парламент весной 1880 г., что для Брэдло означало новую, уже четвертую попытку завоевать место в палате общин. На сей раз ситуация больше располагала к успеху. Вторая парламентская реформа уже давала свои плоды, и число избирателей в Нортгемптоне за прошедшие с последних выборов годы выросло с 6829 до 8189 человек, из которых две с половиной тысячи никогда прежде не голосовали[245]. Оппоненты Брэдло были возмущены:

> «Выбрав Нортгемптон, г-н Брэдло с тех пор много лет продолжал воспитывать у большого числа трудящихся симпатию к его крайним политическим взглядам и нечестивым и беззаконным социальным публикациям. Он усердно занимался этой личной пропагандой в течение пятнадцати лет и постепенно преуспел в деморализации значительной части избирателей»[246].

Либеральное мнение в округе все еще не вполне благоприятствовало Брэдло, однако виги не могли найти достойного кандидата. В итоге их выбор пал на журналиста Генри Лабушера, но тот «отправился в Нортгемптон с речью для вигов в одном кармане и радикальной речью в другом»[247] и, оценив обстановку, заявил о том, что выдвинет свою кандидатуру только в союзе с Брэдло. Другой либеральный кандидат, Т. Райт, снялся с выборов и активно помогал Брэдло и Лабушеру. Выборы 1880 г. стали ошеломительным успехом либералов, и Нортгемптон внес в него свою лепту – Лабушер и Брэдло опередили своих конкурентов-консерваторов[248].

Но победа была не окончательной. В парламент нужно было еще попасть. И препятствие к этому было довольно неожиданным – присяга, которую давали новоизбранные парламентарии. Присяга появилась во вре-

---

[244] [Bradlaugh C.]. To the electors and inhabitants of Northampton. [Northampton, 1874]. P. 1.
[245] Bradlaugh Bonner H. Charles Bradlaugh... Vol. 2. P. 208–209.
[246] Varley H. Mr. Bradlaugh proved utterly unfit… P. 3.
[247] Robertson J. M. Charles Bradlaugh. P. 66.
[248] Лабушер получил 4518 голосов, за Брэдло проголосовало 3827 человек.

мена Великой хартии вольностей, но для членов палаты общин стала обязательной в 1563 г., при королеве Елизавете. Формула менялась с течением времени – в парламент в XIX в. стали избираться католики и иудеи, – но неизменными оставались завершающие ее слова: «Да поможет мне Бог». Член парламента, не принесший присягу, не имел права заседать, выступать и голосовать в палате, – и это правило сохраняется до сего дня. Естественно, что для атеиста никто не собирался делать исключений, и уже в апреле – сразу после выборов – у самого Брэдло, у его соратников и соперников возник вопрос: как приносить присягу и будет ли она считаться действительной, если религиозную формулу произнесет неверующий?[249] Потому незадолго до начала сессии Брэдло написал письмо спикеру палаты Г. Бренду о своих сомнениях. Спустя несколько дней, 3 мая, Брэдло сообщил секретарю палаты о своей просьбе «сделать торжественное заявление или декларацию»[250] вместо присяги, что дозволялось законом квакерам и некоторым другим религиозным меньшинствам. В подобном заявлении отсутствовала фраза «Да поможет мне Бог», и это позволило бы Брэдло законно вступить в парламент. Спикер, однако, решил поставить вопрос перед палатой[251]. В результате был созван комитет по рассмотрению запроса Брэдло, который счел его неправомерным. Тот, в свою очередь, направил письмо в «Таймс», где сообщал:

> «Комитет доложил, что мне не позволено сделать заявление, и, протестуя против решения, которое кажется мне противоречащим букве закона и духу современного законодательства, я подчиняюсь формальностям палаты»[252].

Таким образом, Брэдло был готов дать присягу, но консерваторы палаты считали это неприемлемым. Последовало предложение со стороны тори – отказать Брэдло в праве произносить присягу. Гладстон санкционировал созыв нового комитета[253], который пришел к заключению, что Брэдло не присягнул положенным образом, однако может сделать заявление на свой страх и риск. Когда он появился в палате общин, Г. Лабушер потребовал, чтобы ему было позволено сделать это заявление, но требование

---

249 National Reformer. 1880. 25th Apr.
250 Robertson J. M. Charles Bradlaugh. P. 68.
251 Arnstein W. L. The Bradlaugh case. P. 34.
252 The Times. 1880. 21st May. P. 4.
253 Report from the Select Committee on Parliamentary Oath (Mr. Bradlaugh) // UK Parliamentary Papers. URL: https://parlipapers.proquest.com/parlipapers/docview/t70.d75.1880-056046?accountid=12801

было отклонено большинством голосов[254]. Днем позже, 23 июня, Брэдло вновь пришел в парламент, требуя, чтобы его привели к присяге, однако получил отказ, хотя ему разрешили произнести первую речь. После, однако, он получил официальный приказ покинуть палату; Брэдло отказался и, после острой дискуссии, был помещен под стражу. Этот скандальный инцидент нашел отражение даже в русской литературе. В. Г. Короленко, бывший в Лондоне в 1893 г., так описывал место заключения:

«На берегу Темзы, не вдалеке от Лондонского моста, стоит огромное здание в чисто готическом вкусе, с скульптурными украшениями в виде тонкого каменного кружева. Две башни рисуются высоко в туманном лондонском небе. Одна украшена (или – на чей вкус – обезображена) громадным циферблатом. Это часовая башня, куда, как кажется, сажают провинившихся достопочтенных джентльменов палаты (здесь, говорят, сидел Бредло)»[255].

На следующий день его освободили, но палата по-прежнему находилась в затруднительном положении. После резолюции Гладстона (последовавшей в конце июня 1880 г.) с предложением, чтобы Брэдло сделал формальное заявление, палата, наконец, проголосовала в пользу парламентария-атеиста. 2 июля Брэдло занял свое место в парламенте, но не прошло и часа, как он был обвинен в том, что заседает в палате общин незаконно[256]. До тех пор, пока дело не попало на рассмотрение суда, Брэдло принимал самое деятельное участие в парламентской работе – выступал в пользу закона об ответственности работодателей, внесения поправок в уголовный кодекс и земельной реформы в Ирландии. Но 11 марта 1881 г. суд постановил, что обвинение справедливо. Это повлекло за собой предписание о проведение новых выборов в Нортгемптоне. Брэдло вновь был избран; палата вновь отказалась его принять. Выступая в парламенте в конце апреля, Брэдло взывал к собравшимся:

«Я был избран свободными голосами свободного округа… В течение долгих тринадцати лет я боролся за это право… Сейчас предлагают помешать мне выполнять обязанность, возложенную на меня моими избирателями. У вас есть сила; на моей стороне закон»[257].

Противники, однако, приводили совершенно иные аргументы:

---

[254] Mr. Bradlaugh and the House of Commons... P. 13.
[255] Короленко В. Г. Дневник. 1893–1894. Полтава, 1926. Т. 2. С. 46.
[256] Arnstein W. L. The Bradlaugh Case: A Reappraisal. P. 258.
[257] Bradlaugh C. Speeches. London, 1890. P. 9.

«Разве кто-либо желал бы, чтобы король, или королева, или даже президент был явным атеистом?… Безбожная монархия или атеистическая республика была бы самой ужасной вещью, какую только можно представить, и все, что могли бы сделать христиане, живущие при таком правлении – жить как ранние христиане, о которых Гиббон говорит, что они лишь пассивно повиновались законам и отказались от активного участия в войне и управлении»[258].

2 августа на многотысячном митинге на Трафальгарской площади Брэдло объявил о своем решении вернуться в палату[259]. На следующее утро разразился скандал: потребовалось десять полицейских, чтобы выдворить его из парламента; но свыше ста парламентариев приветствовали его[260].

В феврале 1883 г. кабинет Гладстона внес на рассмотрение законопроект, позволявший сделать формальное заявление вместо принесения присяги. Билль прошел первое чтение, однако вызвал бурю возмущения в консервативных и церковных кругах[261], и даже жители Нортгемптона подали петицию, подписанную шестью тысячами человек, против законопроекта[262]. Билль, таким образом, был провален. Но Брэдло не оставил попыток «легализоваться» в палате общин. Дважды в 1883 г. и в феврале 1884 г. он поднимал вопрос о присяге – с прежними результатами. Победа на февральских выборах 1884 г. ничего не изменила в его статусе – Брэдло все так же не допускали к заседаниям.

Однако к середине десятилетия ситуация начала меняться в его пользу. В 1884 г. спикера Г. Бренда сменил А. У. Пил; после выборов в ноябре 1885 г. новый парламент собрался в январе следующего года, и в первом послании спикер объявил о том, что прежние резолюции не имеют силы, а все избранные члены не только имеют право, но и обязаны принести присягу[263]. Спустя шесть лет борьбы мятежный атеист стал полноправным членом Парламента. Современник писал:

«В парламенте его боятся, как настоящего enfant terrible, которому беспрестанно приходится зажимать рот, чтобы не слышать разоблачений, о которых одна мысль заставляет содрогаться обе палаты. Программа его проста: отделение церк-

---

[258] Gordon F. H. Letters on the Bradlaugh Question. P. 10.
[259] Shields Daily Gazette. 1881. 3rd Aug.
[260] Arnstein W. L. The Bradlaugh Case: A Reappraisal. P. 259.
[261] Derek Holmes J. Cardinal Newman and the Affirmation Bill // Historical Magazine of the Protestant Episcopal Church. 1967. Vol. 36, № 1. P. 87–97 ; Hillier W. Should Christians Support Mr. Bradlaugh, the Avowed Atheist, in His Attempt to Get into Parliament? Exeter, 1883. 24 p.
[262] Northampton Mercury. 1883. 28th Apr.
[263] Arnstein W. L. The Bradlaugh Case: A Reappraisal. P. 266.

ви от государства, упразднение монархии, всеобщая подача голосов, отдача земли во владение народа, свержение аристократии. Всем известна история его изгнаний; палата обходилась с ним как с окаянным»[264].

Упомянутая программа между тем заслуживает более детального рассмотрения. «Я определяю как радикалов, – писал Брэдло, – тех мужчин и женщин, которые утверждают, что каждый гражданин должен иметь равные возможности перед законом, равное бремя, обязанности и права перед законом, и (хотя это входит в предыдущее) равное представительство при законотворчестве и создании правительства»[265]. Из этого следовало требование всеобщего избирательного права. Радикалы не требовали абсолютного равенства, но утверждали, что закон не может быть препятствием от рождения. Чтобы достичь этого, было необходимым снижение налогов, справедливое распределение государственных должностей, реальная ответственность должностных лиц перед законом: «Импичмент – громоздкая и неуклюжая процедура, и, как показывает случай с Уорреном Гастингсом, она терпит неудачу даже с великим преступником»[266].

Брэдло требовал расширения полномочий парламента и утверждал, что реформы, которые были обсуждены и проголосованы там, свидетельствуют о широком общественном консенсусе, в отличие от насильственной революции, показывающей лишь временное превосходство одной общественной силы над другой. Парламент следовало реформировать таким образом, чтобы он представлял интересы всей нации, а не только тех избирателей, которые проголосовали за определенных кандидатов. Брэдло считал, что законотворчество нужно ограничивать не конкретной сессией, а сроком полномочий текущего созыва – так билли, внесенные в конце сессии, могли рассматриваться в начале следующей[267]. Законопроекты, затрагивающие какие-либо местные вопросы, следовало рассматривать на местном уровне, а внесение частных законопроектов нужно было запретить.

Предлагаемая Брэдло земельная реформа предполагала усовершенствование механизмов передачи земли от одного владельца другому, переоценку всей земли для введения более справедливого дифференцированного налога, обязательную обработку всех пригодных для этого земельных владений, отмену преимущественных прав лендлорда перед другими кредиторами.

---

[264] Письма графа П. Василия. СПб., 1886. С. 160–161.
[265] Bradlaugh C. The Radical Programme. London, 1885. P. 3.
[266] Ibid. P. 4.
[267] Ibid. P. 9.

Что же до текущей политической ситуации, то Брэдло рассматривал тори как «естественных врагов», которые путем введения репрессивного законодательства «пытаются предотвратить политическое образование народа и сокрушить решимость всякого народного лидера»[268]. В свою очередь, вигов Брэдло благодарил за великие достижения в прошлом, но полагал, что у них нет монополии на управление, а современный либерализм часто был нерешительным и слабовольным. Ради сиюминутных политических выгод он пренебрегал партийными принципами и это вело к сближению позиций либералов и консерваторов – особенно в аристократических кругах. Названия «тори» и «виги», по мнению Брэдло, больше не отражали исконные идеалы и действительное положение вещей, поскольку формировались иные партии – партия демократии и партия аристократии – которые совсем скоро должны были занять свои места в парламенте.

Несмотря на то, что в «деле Брэдло» ирландцы в палате общин выступали против парламентария-атеиста[269], он призывал их присоединиться к радикальной агитации, тем более что в 1880-х гг. Ирландия получила «широкое местное самоуправление»[270], предоставлявшего, как ему казалось, больше возможностей для улучшения положения. Ирландцы в палате общин, присоединившиеся к радикалам, могли обратиться к согражданам с призывом отказаться от методов «социальной и политической войны»[271] и добиться большого прогресса.

Традиционным пунктом в программе было требование сокращения расходов в армии, военно-морском флоте, иностранных делах. Непомерно большой статьей расходов Брэдло считал пенсии и пособия членам королевской семьи; при этом увеличение расходов на развитие почты и телеграфа, образование, науку и искусство он считал необходимым и полезным[272].

Наконец, программа содержала и положение, которое сыграло большую роль в карьере нортгемптонского делегата – требование полного религиозного равенства «в том, что касается закона»[273], отделение церкви от государства, отмена всякой дисквалификации для неверующих.

***

В 1888 г. Брэдло внес на рассмотрение палаты законопроект, который «сделал невозможным для любого свободного мыслителя в будущем стра-

[268] Ibid. P. 5–6.
[269] Arnstein W. L. Parnell and the Bradlaugh Case. P. 212–235.
[270] Bradlaugh C. The Radical Programme. P. 7.
[271] Ibid.
[272] Ibid. P. 12.
[273] Ibid. P. 14.

дать так, как он пострадал за честность в выражении своего мнения»[274], – билль о присяге. Хотя и на этот раз все шло не так гладко, как того бы хотелось автору законопроекта, он с поправками (Брэдло уступил, чтобы сохранить его суть) был принят в третьем чтении и в декабре прошел через палату лордов, где его одобрил архиепископ Кентерберийский[275]. Новый закон гласил:

> «Каждому лицу, возражающему против принесения присяги и заявляющему в качестве основания для такого возражения либо то, что у него нет религиозных убеждений, либо то, что принесение присяги противоречит его религиозным убеждениям, разрешается вместо принесения присяги сделать торжественное заявление во всех местах и для всех целей, где присяга требуется или будет требоваться по закону, это заявление должно иметь ту же силу и действие, как если бы он принес присягу»[276].

Многолетняя борьба была завершена, хотя борьба в парламенте не затихала ни на минуту, и герою этой книги предстояло еще много раз сражаться в палате общин, отстаивая тот или иной законопроект. В палате Брэдло видел инструмент для служения Англии; в ней же он нашел и инструмент для служения Индии – «жемчужине британской короны».

---

274 Robertson J. M. Charles Bradlaugh. P. 107.
275 Ibid. P. 108.
276 Bradlaugh C. The right to affirm: instructions to witnesses, jurors, and others. London, 1889. P. 3.

Часть II. Индия

Глава 4. Империя и ее жемчужина

23 июня 1757 г. на берегах реки Хугли не просто открывалась новая страница индийской истории. Здесь началась новая эпоха – без малого два века унижений и героизма, борьбы и бессилия, кровопролитных войн и торжества ненасилия, – эпоха британского владычества. Победа Роберта Клайва при Плесси установила верховенство Ост-Индской компании в Бенгалии, и именно оттуда началось обретение «жемчужины британской короны», растянувшееся на целое столетие.

Индия стала главным колониальным приобретением Великобритании, но владение ей несло не только несметные богатства. Контроль над территорией, намного превышавшей размеры Альбиона, требовал выстраивания сложной системы управления, и эта задача была действительно нетривиальной – Ост-Индская компания, осуществлявшая торговую и военную экспансию на субконтиненте, должна была создать администрацию в новообретенных землях, но также и контролировать ее из Лондона, где находился Совет директоров. Возникла громоздкая, неповоротливая структура, расширявшаяся с течением времени. На ее поддержание уходили огромные средства, которые – часто весьма неприглядными способами – изымались у покоренных народов. Положение не изменилось и после того, как Компания прекратила свое существование, и Индия перешла под власть короны – в колониях правил вице-король и генерал-губернатор, обладавший широкими полномочиями, но судьба страны по-прежнему решалась в Лондоне, в специально созданном для того министерстве во главе с государственным секретарем. Кроме того, завоевание Бенгалии отнюдь не означало покорения всей страны. Экспансия была медленной и вариативной. Сложившийся позже стереотип о том, что Индия была завоевана английским мечом не вполне соответствовал действительности: войны дополнялись заключением субсидиарных договоров с многочисленными индийскими княжествами, в результате чего сформировалась территория, непосредственно подвластная британской администрации, и пестрая «Индийская Индия», состоявшая из сотен крупных и мелких «государств», обладавших некоторой самостоятельностью во внутренних делах – в той степени, в какой она дозволялась британскими агентами. Часто княжество, по условиям договора обязавшееся содержать английский контингент, разорялось и включалось в состав Британской Индии; но вплоть до 1947 г. на территории субконтинента продолжали существовать владения князей, ставшие серьезным препятствием на пути «собирания земель» молодой индийской республикой.

Дополнительную сложность для системы управления представляло этническое, конфессиональное, социокультурное разнообразие Индии. Страну требовалось объединить не только силой оружия и едиными властными структурами, но и механизмами хозяйствования, законодательными нормами и системой образования. И это обстоятельство вызывало едва ли не большее противодействие со стороны индийского населения, чем попытки (успешные!) насильственного захвата территорий. За тысячи лет своей истории Индия видела множество завоевателей, а средние века и вовсе прошли под знаком правления тюркских и афганских мусульманских владык, но Достопочтенная Компания представляла собой совершенно иной случай. Субхас Чандра Бос, популярный лидер левых националистов времен заката колониализма, писал:

«Мусульманское правление не затрагивало повседневную жизнь и не служило помехой сложившейся системе местного самоуправления, основанной на древней системе сельских общин. Британское же правление принесло новую религию, новую культуру и цивилизацию, которая не хотела смешиваться со старой, но жаждала господствовать над всей страной. Для британцев, в отличие от прошлых завоевателей, Индия не стала домом. Они считали себя залетными птицами и видели в Индии источник сырья и рынок сбыта товара. Кроме того, они пытались подражать деспотизму мусульманских правителей, не следуя их мудрой политике полного невмешательства в местные дела. В результате индийцы впервые в истории почувствовали, что над ними культурно, политически и экономически доминируют совершенно чуждые им люди, с которыми они не имеют ничего общего. Отсюда такой размах протестов против британской власти в Индии»[277].

Вводились кодексы законов, составленные по европейскому образцу, шедшие вразрез с древними традициями местного самоуправления; менялись системы земельного налогообложения, усугублявшие и без того незавидное положение земледельцев-райятов; как когда-то в Англии, машины вели к разорению ремесленников и уничтожению ремесел; армия, состоявшая из индийских наемников-сипаев, после завоевания страны стала выполнять полицейские функции и резко потеряла в статусе и жаловании; новые правители вмешивались в традиционный уклад жизни, игнорируя прежде нерушимые кастовые установки, тем самым восстанавливая против себя население. Традиционное общество, подобно загнанному в ловушку зверю пыталось сопротивляться, и последний его бросок был поистине страшен – в 1857 г. вспыхнуло масштабное восстание, оставшееся в памяти англичан «Великим» или «сипайским мятежом», а в устах радикальных националистов превратившееся в «Первую войну за независимость». Поставив под угрозу существование британского правления в Ин-

[277] Bose S. C. The Indian Struggle, 1920–1942. Calcutta, 1964. P. 5.

дии, восставшие, однако, не несли с собой конструктивной программы, требуя возврата к старым временам и восстановления власти могольских правителей. Но последний падишах Империи Великих Моголов – Бахадур Шах – был стар и не покидал своего дворца в Дели, где жил на английском довольствии, проводя время в обществе прекрасных наложниц и придворных поэтов, с которыми и сам мог состязаться в изящной словесности:

Нет, не светоч во веки веков я,
в одиночестве сгинуть готов я;
Бесприютная пригоршня праха, –
в безысходной печали таков я.
Для далеких друзей не ограда
и для близких моих не отрада,
Урожай разоренного сада,
пустоцвет вместо зрелых плодов я[278].

В ходе восстания были захвачены крупные города Северной Индии, но нерешительность лидеров позволила британцам перехватить инициативу, и восстание было подавлено. Сказалось также отсутствие единства в индийских рядах – многие из князей поддержали англичан, да и в народной среде сипаи не смогли найти надежную опору. Простые жители укрывали иноземных поселенцев – чиновников и торговцев, офицеров и миссионеров, мужчин и женщин. Так, будущего основателя Индийского национального конгресса А. О. Юма спасли от расправы горожане, переодев его в местную одежду и выведя в безопасное место:

«Моя жизнь в ночь мятежа... была спасена двумя местными жителями, которые благополучно провели меня мимо двух групп сипаев, специально разыскивавших меня – они считали, что не смогут безопасно сбежать с казной, не убив предварительно окружного офицера… Если бы меня обнаружили, их, равно как и меня, застрелили бы, и они прекрасно понимали это, однако шли по обе стороны от меня, беседуя, мимо сипаев, которые, к счастью, не обращали на нас особого внимания, и на вопрос, известно ли им, где находится коллектор (т. е. я), равнодушно отвечали, что он, по слухам, находится в городе, пытаясь воодушевить горожан»[279].

Это свидетельствовало о том, что помимо смерти, разрушений и попрания устоев англичане несли с собой много новшеств, польза которых была очевидна даже для неискушенных жителей Индии – в стране после

---

[278] Бахадур Шах Зафар // Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М., 1977. С. 188–189. (пер. В. Микушевича).
[279] Selected works of Allan Octavian Hume. New Delhi, 2004. P. 95.

столетий междоусобиц устанавливалась сильная власть, и ее следствием был мир и порядок (странный, непонятный и чуждый, но – порядок). Строились дороги, росли города; язык новых завоевателей стал могучим средством, медленно, но верно связывавшим воедино разные районы Индостана. Наконец, началось распространение английского образования и культуры, и этот факт сыграл огромную роль как в становлении английского колониализма в Индии, так и в его преодолении.

***

История английского образования в Индии началась в 1817 г. с открытия в Калькутте Хинду колледжа. Бенгалия, откуда начиналось шествие британского колониализма в Индии, первой начала осваивать европейскую культуру. Т. Г. Скороходова отмечала:

> «Это освоение, разумеется, было доступно только элитам и формирующемуся среднему классу, однако оно несло в себе и серьезнейший творческий потенциал осмысления и нового открытия собственной культуры и истории, создания плодотворного синтеза индийской и западной культурной парадигм»[280].

При всех открывающихся перспективах распространения образования сомнения в необходимости этого возникали у обеих сторон. Ост-Индская компания ориентировалась на сохранение традиционного образования и не спешила основывать учебные заведения английского образца. Мусульманская аристократия, лишившись многовековых привилегий, избегала английского образования из опасения обращения в христианство и навязывания европейского образа жизни[281]. Индусские же элиты видели в английском языке средство приобщения к новой власти (с сохранением привычного уклада жизни), а социальные реформаторы, довольно скоро оценившие потенциал британского правления, – метод выхода общества из состояния стагнации[282].

Результатом этой разницы во взглядах стало то, что на первых порах инициатива создания английских учебных заведений в значительной степени принадлежала индусам, а не англичанам. Последние пустились в многолетний спор «ориенталистов» (сторонников поощрения и расширения традиционного образования) и «англицистов», полагавших необходимым распространение английского языка для приобщения местного населения к управлению страной. Ориенталистские позиции, поощряемые

---

[280] Скороходова Т. Г. Младобенгальцы. Очерки истории социальной мысли Бенгальского Возрождения. СПб., 2012. С. 18.
[281] Там же.
[282] Там же. С. 21.

руководством Компании, были очень сильны; лишь в 1830-х гг. точка зрения «англицистов» получила могучего защитника в лице Томаса Бабингтона Маколея (1850–1859). Маколей, в ходе дебатов об избирательной реформе 1832 г. ставший одним из лидеров вигов, служил в то же время секретарем надзорного органа, контролировавшего деятельность Ост-Индской компании, а позже, в 1834–1838 гг. был членом совета при генерал-губернаторе Индии. В 1835 г. Маколей представил свою знаменитую «Заметку об образовании», которую позже цитировали как сторонники британского правления в Индии, так и его непримиримые оппоненты. Виной тому кочующий по хрестоматиям и учебным пособиям пассаж о «классе людей, индийцев по крови и цвету кожи, но англичан по вкусам, воззрениям, моральным убеждениям и интеллекту»[283]. Но за дерзкой фразой скрывалась глубокая прогрессивная мысль – распространение английского образования обогатило бы индийскую культуру, сделало бы доступным для широких слоев населения европейские знания, позволило бы создать посредническую прослойку между правителями и управляемыми. Маколей, в отличие от ориенталистов, считал возможным для индийца выучить английский в той мере, каковая позволит ему получать даже «наиболее трудное для понимания знание»[284] и передавать его своим соотечественникам. В действительности, благодаря английскому образованию (и открывшимся возможностям получать его в самой метрополии) Индия получила мощный импульс к развитию – появлялась современная поэзия, проза и драматургия, возникали театры, росли ряды ученых – медиков, экономистов, химиков, математиков. Молодежь впитывала идеи свободы и равенства, штудируя труды великих английских либералов, и начинала видеть в Великобритании не завоевателя, а мудрого наставника, чье руководство должно открыть перед страной новые горизонты цивилизации. Именно английское образование стало стимулом для развития индийских политических ассоциаций XIX в. и связующим звеном между ними. Оно способствовало и росту национального самосознания – часто только оказавшись в Англии бенгальские или гуджаратские студенты в полной мере осознавали себя индийцами; примеры борьбы за права в Англии, Канаде, Австралии вели к мысли о том, что Индия также может добиться большего прогресса в рамках империи, и за Ренессансом в культуре и религии последовало, в конце концов, и политическое – национальное – движение.

[283] Маколей Т. Б. Заметка об образовании // Младобенгальцы / Т. Г. Скороходова. С. 309.
[284] Там же. С. 308.

***

Первые общественно-политические организации «современного образца» начали появляться в Индии в 1830-е гг. Таковым было, к примеру, созданное в 1837 г. Общество землевладельцев, претендовавшее на то, чтобы представлять не только их интересы, но и интересы райятов. Обществу не удалось добиться ничего существенного за короткий период своего существования, но оно «дало народу первый урок искусства конституционной борьбы за свои права, научило людей мужественно отстаивать свои требования и выражать свое мнение»[285]. Более заметные достижения выпали на долю калькуттской Ассоциации Британской Индии. Она отстаивала интересы состоятельных заминдаров, начинавших конкурировать с британскими торговыми компаниями и плантаторами, но заявляла и о поддержке всех социальных, религиозных и этнических групп Индии. Ассоциация пыталась выйти и на общенациональный уровень, налаживая работу региональных отделений и устанавливая связи с британскими парламентариями, чем заслужила среди бенгальцев славу «своего» парламента[286].

60-е гг. XIX в. – первое десятилетие после сипайского восстания – стали временем возникновения таких влиятельных националистических организаций, как Ост-Индская ассоциация и Пуна Сарваджаник Сабха. С их работой связано начало активной политической деятельности многих известных лидеров индийского национального движения – Дадабхая Наороджи, В. Ч. Бонерджи, Ф. Мехта, Бадруддина Тайябджи, М. Гхоша. Появление молодых, активных лидеров стало возможным благодаря распространению английского образования, а также политическим и культурным переменам, произошедшим в Индии после поражения восстания 1857 г. В первую очередь, среди них нужно отметить принятый 2 августа 1858 г. Закон об управлении Индией, согласно которому вся полнота власти в колониях была передана от Ост-Индской компании британской королеве, от имени которой управлял генерал-губернатор; учреждалась также Индийская гражданская служба с набором на конкурсной основе. Королевская прокламация ноября того же года формально даровала возможность всем индийским подданным империи поступать на королевскую службу. Закон об индийских советах 1861 г. положил начало медленному и постепенному вовлечению индийцев в ряды государственных служащих. В этих условиях установление тесного сотрудничества с британскими властями казалось индийской интеллигенции единственной возможностью завоевания прав и свобод для индийцев мирным путем.

---

[285] Mehrotra S. R. The emergence of the Indian National Congress. Delhi, 1971. P. 14.
[286] Amrita Bazar Patrika. 1870. 6th July.

Пионером в этом направлении стал Наороджи, выходец из семьи бомбейских парсов-торговцев. Его политический дебют состоялся в августе 1852 г. на индийском собрании в Бомбее, где он выступил с речью, заложившей основы его политической философии[287]. По его мнению, недостатки британского правления не могли отменить ту пользу и достижения, которые оно принесло индийскому народу. В основе ошибок, совершаемых колониальными властями, могли лежать самые лучшие побуждения, однако из-за отсутствия связи между властью и индийскими подданными те действия, которые рассматривались первой как эффективные, зачастую вызывали разочарование последних, и единственным средством преодоления этой пропасти была «агитация»[288], заключавшаяся в объединении индийцев для того, чтобы их голос был услышан. В 1865 г. он, вместе с В. Ч. Бонерджи, основал Лондонское индийское общество, ставшее базисом для создания годом позже Ост-Индской ассоциации, которая вскоре превратилась в гораздо более влиятельную организацию, чем Лондонское общество. В 1868 г. Наороджи в качестве секретаря организации был направлен в Бомбей для открытия филиалов ассоциации и сбора средств. В ходе публичных выступлений он заявлял, что конечной целью Ост-Индской ассоциации является введение в Индии представительных учреждений парламентского типа[289]. Открытие филиалов в Бомбее, Калькутте, Мадрасе вызвало большой интерес и политическое оживление в стране, в том числе и в индийских княжествах. Однако, пережив определенный расцвет в конце 1870-х гг., в начале следующего десятилетия Ост-Индская ассоциация вступила в полосу кризиса и более не оказывала серьезного влияния на политические процессы в Индии.

В 1870-е – начале 1880-х гг. число местных индийских политических ассоциаций продолжало расти; Бенгалия по-прежнему оставалась центром активности (например, здесь действовала более радикальная, нежели прежние организации, Индийская лига, созданная Сурендранатхом Банерджи), но и в других столицах президентств появлялись патриотические ассоциации, среди которых рос запрос на объединение в рамках всей страны. В 1883 г. С. Банерджи инициировал проведение первой Национальной конференции, где встретились представители разных регионов страны; однако Индия все еще нуждалась в постоянно действующей общенациональной организации. Такой организацией и стал Национальный конгресс, объединивший образованных, политически активных индийцев, требовавших расширения прав своего народа и участия в управлении

---

[287] Masani P. R. Dadabhai Naoroji: The Grand Old Man of India. London, 1939. P. 54–55.

[288] Ibid. P. 55.

[289] Ibid. P. 110.

страной. С Конгрессом были связаны последние годы жизни нашего героя, который еще не появлялся на страницах этой главы; с Конгрессом был связан (хотя едва ли его основатели в 1885 г. могли себе это представить) путь к национальной независимости Индии.

***

Британское завоевание Индии и расширение колониальных владений по всему миру поставило перед английским обществом и моральную проблему – вопрос этичности управления покоренными народами и целей этого управления. В XIX в. только крайне незначительная часть британцев выступала против распространения «западной цивилизации» в мире. Этот процесс вызывал возражения только у тех, кто считал, что «другие расы» не обладают способностью к прогрессу, и попытка обучения их по западным образцам представляет собой пустую трату времени и средств[290]. В основе данной идеи зачастую лежала мысль о том, что население покоренных земель будет неспособно сопротивляться британскому владычеству, не имея доступа к достижениям европейской цивилизации. В целом же имперская пропаганда находила положительный отклик у англичан, ибо базировалась на системе ценностей, освященных традициями и ставших стереотипом массового сознания; империя, созданная их предками, была данностью, предметом почитания и гордости[291]. Гладстон говорил о том, что «чувство империи» является «врожденным» у англичанина и составляет часть его «национальной сути»[292].

Колониальные триумфы викторианской Англии породили широко распространившуюся идею о «цивилизаторской» миссии британского империализма. Суть ее заключалась в том, что с приходом на завоеванные территории англичане несли мир и процветание: английское образование, коренные изменения в системе управления, европейскую культуру и новейшие достижения науки и техники – железные дороги, средства связи, промышленные и сельскохозяйственные технологии. Таким образом, по мнению сторонников цивилизаторского империализма, благодаря английскому влиянию покоренные народы становились все более развитыми, и существование в рамках империи было для них несомненным благом. Во второй половине XIX в. идею превосходства английской нации разделяли и либералы, и консерваторы; из этой идеи проистекало видение англий-

---

[290] Matikkala M. Empire and Imperial Ambition: Liberty, Englishness and Anti-Imperialism in Late-Victorian Britain. London ; New York, 2011. P. 4.

[291] Дронова Н. В. Традиции имперского мышления и новации имперской пропаганды в Великобритании в 70-е годы XIX века // Новая и новейшая история : межвузовский научный сборник. Саратов, 2004. С. 152.

[292] Там же.

ской «миссии», состоявшей в приобщении «отсталых» народов к достижениям цивилизации. «Отсталость» азиатских и африканских народов проявлялась в «неспособности» вести свои страны по пути государственного прогресса[293] (каким его видела Великобритания). Благодатной почвой для таких взглядов стал социал-дарвинизм.

В условиях доминирования имперской идеи число ее критиков было невелико – как правило, ими были либералы и радикалы. Они не выступали против существования империи как таковой, но считали, что управление колониями не должно основываться на угнетении их населения. Покоренные народы следовало «воспитывать» для самостоятельного управления в будущем – в том числе и для того, чтобы освободить Англию от тяжелого финансового бремени содержания колониального административного аппарата. В основе идеи о создании «Малой Англии» лежало убеждение, что колонии с течением времени и в силу разных причин разорвут любые связи с метрополией, и потому траты на администрацию, экономическое развитие и внедрение современных технологий в колониях не несли выгоды для Великобритании, из чего следовал вывод, что колонии стране не нужны. Финансирование имперских войск в колониях во второй половине XIX в. доходило до 3 млн ф. ст. ежегодно[294], в то время как колонии всеми возможными способами сопротивлялись проведению имперской политики – отказывались принимать из метрополии осужденных, облагали пошлинами британские товары и т. п. Объемы торговли Англии с колониями в середине викторианской эпохи были ничтожно малыми в сравнении с другими направлениями внешней торговли, и убедительным доказательством ее неэффективности был тот факт, что независимые Соединенные Штаты Америки были для Англии более выгодным экономическим партнером, чем бывшие тринадцать североамериканских колоний[295]. Эдвард Спенсер Бизли, историк и философ-позитивист, называл «Малую Англию» «единственной законной целью», которую может преследовать английский патриот. В 1881 г. он писал:

«Если наша империя будет разорвана на куски во время шторма или будет сокращена благодаря добрым чувствам новых социальных страт, то наша страна всегда останется при нас. Новая и лучшая национальная жизнь уготована нам. Англия для англичан! Ее почва не должна быть монополизирована праздной аристократией. Ни ее деньги, ни жизни ее сыновей не должны быть выброшены в

---

[293] Глеб М. В. Имперская идея в Великобритании (вторая половина XIX в.). Минск, 2007. С. 95.

[294] Mehrotra S. R. Mid-Victorian Anti-Imperialists and India // Indian Economic & Social History Review. 1976. Vol. 13, № 2. P. 252.

[295] Ibid. P. 253.

Афганистане или Южной Африке. Она не должна быть наручниками для Ирландии...»[296].

Последователи позитивизма – учения, созданного французским социологом Огюстом Контом – вообще были одни из немногих, кто в своей критике империи обращался к индийскому вопросу. В отличие от переселенческих колоний, Индия считалась «законным» завоеванием Англии даже в либеральных кругах[297]. В основе же позитивистских воззрений лежало убеждение в том, что благо других является единственной целью человеческой деятельности, им присуща идея безграничного альтруизма и всеобщей нравственной солидарности. Позитивистский космополитизм вел к признанию равенства всех народов и требованию единых для всех законов. В очерке «Индия», написанном в ноябре 1857 г., Ричард Конгрив утверждал, что «оккупация Индии» противоречит всем принципам международного законодательства. «Неужели международное право в Ост-Индии отличается от того, что существует в Англии?», – такой риторический вопрос задавал Конгрив своим оппонентам[298].

Джеймс Геддес, один из основоположников философского позитивизма в Индии, утверждал, что британское правление приносит выгоду только «праздным рантье», на чье содержание уходят богатства как Англии, так и Индии. Он предсказывал, что оно завершится банкротством, которое бременем ляжет на плечи рабочего класса, что, в свою очередь, станет причиной социальной революции в Англии[299]. Анализ экономического состояния Индии привел его к выводу, что она стоит британскому правительству больше, чем приносит дохода. Геддес, вероятно, одним из первых обратился к теории «выкачки» ресурсов (drain theory), которую в дальнейшем успешно развивали (применительно к Индии) Дадабхаи Наороджи, Р. Ч. Датт и У. Дигби. Геддес, однако, придерживался мнения, что «выкачиваются» в пользу колоний именно английские ресурсы, тогда как Наороджи и Дигби в более поздних работах заняли противоположную позицию. В своих работах Геддес неоднократно указывал на «бремя индийского голода» и «английского пауперизма» как на опасные, вредоносные для экономического состояния страны факторы[300].

---

[296] Clayes G. Imperial Sceptics… P. 119.
[297] Mehrotra S. R. Mid-Victorian Anti-Imperialists and India. P. 253.
[298] Congreve R. India. London, 1857. P. 12.
[299] Matikkala M. Empire and Imperial Ambition… P. 56.
[300] Симонов А. В. Империя и колониализм в полемике британских интеллектуалов во второй половине XIX – начале XX века // Интеллигенция и мир. 2014. № 2. С. 140.

Среди позитивистских критиков империи 70-х – 80-х гг. XIX в. особое место занимает Генри Джон Стедман Коттон, чиновник индийского колониального аппарата, ставший впоследствии президентом ИНК (1904 г.) и главой Индийского парламентского комитета в палате общин. Коттон считал, что между колонизаторами и индийскими подданными существует «расовая пропасть»[301], ведущая как к неприятию британской власти широкими слоями населения, так и к отсутствию доступа к управлению страной у коренного населения – последнее, по его мнению, было серьезной административной ошибкой. Моральное совершенствование Коттон полагал важнейшей задачей, стоящей перед Индией, поскольку «мучительная борьба с невзгодами бедности и нужды оказывает губительный эффект на моральный характер»[302]. Проблемы морального плана в индийском обществе проистекали также из того, что европейское образование не было доступно широким слоям населения, но вместе с тем наносило удар по основам общества, подменяя индуистские традиции «поверхностным рационализмом», что вело к «искусственной эволюции» национального характера[303]. Для исправления ситуации, по мнению Коттона, стране требовалась «социальная революция», суть которой состояла не в насильственном свержении британской власти, а, напротив, в постепенном приобщении индийцев к управлению. Роль Великобритании в этом процессе должна была заключаться в смягчении перехода Индии к самостоятельному управлению, но не в полном контроле над ним.

Следуя учению Конта, Коттон развивал мысль, что социальные реформы могут быть эффективными только в случае их поддержки изнутри реформируемого общества, и полагал, что возглавляемое им Позитивистское общество Бенгалии сможет им способствовать. Однако главным событием, привлекшим внимание Коттона в это время, был рост «национального духа», знаменовавший собой «революцию, которой подверглась Индия в политическом аспекте»[304]. Бурное развитие общественной жизни в Индии 1880-х гг. убедило Коттона в том, что задача Великобритании в колониях состоит в смягчении перехода Индии «от подчинения к независимости»[305]. Проводы вице-короля Индии Рипона, обернувшиеся массовыми демонстрациями по всей стране, стали, по мнению Коттона, свидетельством

---

[301] Cotton H. The Prospects of Moral Progress in India // The Fortnightly Review. 1878. Vol. 24 (30). P. 388.
[302] Ibid. P. 389.
[303] Ibid. P. 390–392.
[304] Cotton H. New India, or, India in transition. London, 1885. P. 6–7.
[305] Cotton H. England and India. An address delivered at the Positivist School, Chapel Street, London. London, 1883. P. 14.

«национальной организации»[306], которой прежде недоставало Индии. Ее возникновение изменило ситуацию в стране, и британской администрации следовало сотрудничать с индийцами в целях содействия уже начавшимся изменениям с тем, чтобы не допустить резкого разрыва метрополии с Индией и способствовать ее превращению в «федерацию туземных государств… при непосредственном верховенстве Англии»[307] – «Соединенные Штаты Индии».

Наконец, в числе тех критиков империи, кто отстаивал интересы Индии, нужно упомянуть Генри Фоссета. Фоссет был одним из немногих членов палаты общин, за которым закрепилось прозвище (звание!) «члена парламента от Индии». Он видел серьезную ошибку империи в содержании громоздкого колониального аппарата за счет индийского населения, вынужденного ежедневно отыскивать средства к существованию. Этот факт скрывался за великолепием посещавших Англию князей, невольно поддерживавших уже давно не соответствовавший действительности миф о несметных сокровищах Индии. Фоссет, однако, возлагал ответственность за плохое управление Индией на непрофессионализм отдельных чиновников и отсутствие в парламенте достаточного количества лиц, знакомых с истинным положением дел. Кроме того, подобно прочим критикам империи, он не считал необходимым отказываться от колониальной политики, полагая, что мудрое управление способно привести к процветанию и метрополию, и покоренные ей земли[308].

Таким образом, в викторианской Англии сложно было найти человека, готового решительно призвать к немедленному предоставлению колониям независимости. Но таких людей не было и в Индии. Воспитанные на английской культуре, впитавшие политические идеалы свободы и парламентаризма индийские лидеры тоже считали, что их родина должна «дорасти» до уровня самой свободной из наций, и эта нация должна помочь индийцам в этом долгом и непростом процессе. Отсюда следовал краеугольный камень идеологии и практики – мирное, всестороннее развитие, моральное, культурное, политическое и социальное возрождение индийского народа под эгидой Великобритании. Дабы эти процессы были более эффективными, нужно было своевременно информировать колониальную администрацию, английскую общественность о народных жалобах, требовать – в петициях и прошениях – их удовлетворения и сокрушаться, если эти требования не были услышаны. Глядя на Конгресс 1920-х – 1940-х гг., способный в кратчайшие сроки поднять сотни тысяч своих сторонников на борьбу (ненасильственную, но действенную) с колонизаторами, сложно

[306] Cotton H. New India, or, India in transition. P. 5.
[307] Ibid. P. 9.
[308] Симонов А. В. Империя и колониализм. С. 141.

представить, что в 1885 г. на первую сессию ИНК съехались 72 респектабельных джентльмена с безупречным знанием английского языка, чтобы составить вежливые резолюции и завершить собрание бурной овацией в честь королевы Виктории. Но – такова логика исторического развития. На этом этапе создание умеренной политической организации, заявившей о себе в общенациональном масштабе, было прогрессивным шагом, и союз с теми, кто видел несправедливость, чинимую в отношении колоний, но не ставил вопроса об отказе от них, являлся дополнительным стимулом к ее развитию.

На этом историческом фоне позиция Чарльза Брэдло была не более радикальной, чем у других «проиндийских» современников. Индия вообще в течение долгого времени не была предметом особого интереса нашего героя. Слишком много задач нужно было решить в Англии – борьба с клерикалами, борьба с социалистами, борьба за место в парламенте. Поэтому вплоть до 1880-х гг. он нечасто обращался к индийскому вопросу. Яркое исключение, пожалуй, составляет критика визита принца Уэльского (будущего Эдуарда VII) в Индию в 1875 г.

В июле 1875 г. палата общин обсуждала вопрос о том, следует ли каким-либо образом дополнительно финансировать путешествие принца, и на кого в таком случае должно лечь бремя расходов. Вопрос этот вызвал немало дискуссий. Бенджамин Дизраэли, например, выступал с пространной речью, где доказывал, что часть расходов должна быть возложена на Индию, поскольку принц Уэльский был в той же степени индийским принцем, что и английским[309]. Дизраэли оппонировал Фоссету, выдвинувшему резолюцию о нецелесообразности возложения части расходов на поездку принца на Индию[310]. Гладстон также высказывался в пользу возложения части финансовой ответственности на Индию, поскольку расценивал визит принца как выгодный для нее[311].

У радикалов за пределами палаты, однако, не было никаких сомнений. В ратуше Нортгемптона был собран митинг для обсуждения этого вопроса[312]. Председатель собрания Дж. Герни заявил, что у принца достаточно средств, чтобы оплачивать свои поездки самостоятельно; его визит не принесет пользы, а потому предлагаемые к голосованию палаты общин суммы лучше было использовать иным, более эффективным способом. Брэдло, встреченный бурными аплодисментами, объяснил собравшимся, что подача петиций, которые едва ли повлияют на решение о выдаче средств принцу, показывает интерес англичан к поставленной проблеме.

309 Hansard's Parliamentary Debates. London, 1875. Vol. 225. C. 1493.
310 Ibid. C. 1487.
311 Ibid. C. 1499–1500.
312 Northampton Mercury. 1875. 17th July.

Далее он обратился к вопросу о том, является ли визит делом государственной важности. Брэдло отвечал на этот вопрос отрицательно – принц не намеревался посещать проблемные районы Индии, а от индийцев не поступало прошений на этот счет. Он обратил внимание собравшихся на то, что в ходе визита предполагается раздача подарков индийским князьям на сумму 450 тыс. ф. ст. Поездка не была обусловлена и политической необходимостью, а потому ее следовало рассматривать как «вопрос личного удовольствия»[313], который (здесь Брэдло был согласен с Герни) следовало оплачивать из собственного кармана принца. Содержимое же этого кармана, по подсчетам Брэдло, вполне позволяло ему осуществить эту поездку. Ссылаясь на близкую к аристократии прессу, называвшей суммы, постоянно выделяемые Эдуарду, «пустяковыми», он тем не менее утверждал, что они внесли свой вклад в повышение налогов, и потому просил присутствующих принять петицию следующего содержания:

«Достопочтенным общинам Великобритании и Ирландии, собравшимся в парламенте.

Нижеподписавшийся, председатель собрания жителей Нортгемптона, собравшегося в ратуше нортгемптонского округа, от имени и по поручению этого собрания смиренно просит, чтобы ваша достопочтенная палата отказала во всяком предоставлении денег его королевскому высочеству принцу Уэльскому до тех пор, пока на рассмотрение вашей достопочтенной палаты не будет представлен отчет, показывающий, какой недвижимостью владеет его королевское высочество в Соединенном Королевстве и какие суммы были получены его королевским высочеством от герцогства Корнуолл – в виде годового дохода или в виде продажи любой части имений герцогства, а также показывающий, какая недвижимая и личная собственность перешла его королевскому высочеству по наследству.

Джозеф Герни, олдермен, председатель»[314].

Петиция была принята единогласно, но Брэдло обещал собравшимся поднять вопрос и в Лондоне. 18 июля в Гайд-парке состоялся митинг, собравший до 8000 человек, где была принята резолюция о подаче петиции с выражением протеста[315]. Общие настроения в стране, однако, были не в пользу радикалов. «Бакингем экспресс» писала, что Брэдло и другие агитаторы представляют дело так, будто путешествие принца ляжет тяжелым бременем на плечи простых индийцев, однако 30 тыс. ф. ст., пришедшиеся на долю индийского бюджета, «настолько незначительна, что налогоплательщики вообще не будут ощущать ее как какое-либо дополнительное

[313] Ibid.
[314] Ibid.
[315] Manchester Evening News. 1875. 19th July.

бремя»[316]. Одобрение предстоящего визита английским рабочим классом отмечала и англо-индийская «Индиан стейтсмен»[317], которая также указывала на тот факт, что подобные события являются редкостью, и частный характер визита не уменьшает его значения[318].

Осенью Эдуард отправился в долгое путешествие по Индии – посещал города севера, бывшие прежде ареной жестоких схваток с мятежниками-сипаями, Дели и священный Бенарес, встречался с махараджами и даже застрелил на охоте слона, – и в 1876 г. Дизраэли вновь поднял вопрос о голосовании за дополнительное финансирование путешествия; в ответ на это Брэдло начал агитацию за сбор подписей под новой петицией по вопросу ограничения финансирования королевской семьи[319]. Однако в целом этот опыт соприкосновения с «индийским вопросом» не был еще вполне связан с проблемами Индии. Брэдло сетовал на отсутствие в Индии «парламента»[320] и высказывался против финансирования визита принца Уэльского из индийского бюджета, но этот вопрос все-таки больше внутренней английской проблемой и обращение к нему было продолжением традиционного для программы Брэдло пункта об ограничении привилегий аристократии. Превращение «Иконоборца» в «индийского чемпиона» еще не началось. Но впереди были восьмидесятые – именно тогда в общественно-политической жизни Индии начались перемены, которым было суждено коренным образом повлиять на историю империи и ее жемчужины в дальнейшем и открыть новую страницу в жизни героя этой книги.

---

[316] Buckingham Express. 1875. 21st Aug.
[317] Indian Statesman. 1875. 5th Aug.
[318] Indian Statesman. 1875. 11th Aug.
[319] Glasgow Herald. 1876. 24th April.
[320] Northampton Mercury. 1875. 17th July.

Глава 5. Рипон, «Белый мятеж» и Нортгемптонская речь

Победа либералов на выборах 1880 г. отразилась не только на политической жизни Англии. Новым вице-королем Индии был назначен Джордж Фредерик Самуэль Робинсон, 1-й маркиз Рипон. Выбор Гладстона пал на него не сразу, но основания для такого решения были. Рипон был знаком с Индией с детства – его отец входил в состав органа, контролирующего деятельность Ост-Индской компании, а сам он в молодости непродолжительное время занимал пост государственного секретаря по делам Индии. Он и впоследствии не терял интереса к индийским делам и свое назначение на новую должность воспринял как знак свыше и возможность принести пользу народам колоний[321].

Назначение Рипона имело своей целью изменение политики в отношении Индии. Его предшественник, лорд Литтон, проводил агрессивный империалистический курс как внутри страны, так и на ее границах, и для либералов «дома» Литтон был излюбленным объектом критики. Гладстон в 1880 г. писал: «Я не могу выразить, сколь позорным для Англии я считаю управление Индией в течение трех последних лет»[322]. Несколько позже А. О. Юм едко замечал:

«Для нашего повествования достаточно будет сказать, что неспособность понять состояние страны, безрассудное желание прославить свое правление, очевидное отсутствие каких-либо высших принципов, что могли бы помочь проверить правильность тех заманчивых схем, которые постоянно разрабатывал его лихорадочно активный мозг, – его полная непригодность, одним словом, для того высокого поста, куда он был вознесен, – едва не сокрушила британскую власть на Востоке»[323].

Рипону, таким образом, предстояло исправлять империалистические ошибки (или то, что расценивалось как ошибки) в демократическом ключе. Самым насущным требованием момента, впрочем, было не решение внутренних проблем, а афганский вопрос. Противостояние с Российской империей в Центральной Азии было в самом разгаре, и Афганистан был важнейшей его ареной. Усиление России в регионе[324] способствовало тому, что в 1878 г. правительство Литтона решило начать войну против афганского эмира. Боевые действия на первом этапе были успешными и

---

321 Mathur L. P. Lord Ripon’s Administration in India (1880–1884). New Delhi, 1972. P. 2.

322 Cit. in: Gopal S. The viceroyalty of Lord Ripon, 1880–1884. London, 1953. P. 1.

323 Юм А. О. Избранные произведения об индийском национальном движении (1886–1894). Новосибирск, 2019. С. 85.

324 В частности, прибытие в Кабул миссии генерала Н. Г. Столетова.

привели к подписанию в мае 1979 г. Гандамакского договора, по которому устанавливался британский протекторат над некоторыми спорными территориями и усиливался контроль над внешней политикой Афганистана. Но временный успех был прологом к долговременным трудностям, и новому вице-королю пришлось столкнуться со сложной ситуацией, для исправления которой он, однако, делал все возможное. Вторая англо-афганская война завершилась в 1881 г.; территориальные завоевания Литтона были возвращены Афганистану, за исключением округа Пишин, и эмират стал если не союзником Великобритании, то, по меньшей мере, отныне заметно ориентировался на нее в ущерб российским интересам[325].

Другой «внешней» проблемой была Верхняя Бирма, где росло французское влияние. На повестке дня стояло окончательное завоевание Бирмы, но Рипон на протяжении всего срока правления стремился избежать войны, которая бы создала общую границу с Китаем и французскими колониальными владениями. Военную кампанию провел вице-король Дафферин в 1885 г.; ее успех подарил ему титул маркиза Ава и нанес серьезный удар по репутации в глазах образованного индийского сообщества, которого Рипону удалось избежать.

Но наибольшее уважение индийцев Рипон, конечно, заслужил благодаря своей внутренней политике. Она была разносторонней и не ограничивалась лишь удовлетворением запросов образованной прослойки общества. В 1881 году был принят фабричный акт, несколько ограничивший применение детского труда и повысивший требования к обеспечению безопасности рабочих. В январе 1882 г. был отменен скандальный закон о прессе на туземных языках 1878 г., налагавший строгие ограничения на индийские периодические издания («Индийской прессе заткнули рот», – вспоминал А. О. Юм[326]). Это решение вызвало восторженную реакцию в Индии, а сам Рипон утверждал:

> «Для меня всегда будет большим удовлетворением тот факт, что в то время, когда я занимал пост вице-короля, этот закон был удален из индийской Статутной книги»[327].

30 сентября 1881 г. увидела свет резолюция индийского правительства о введении в Индии самоуправления. Это решение не было революционным; некоторые органы самоуправления в городах и провинциях имелись

[325] Gopal S. The viceroyalty of Lord Ripon, 1880–1884. P. 46–47.
[326] Юм А. О. Избранные произведения… С. 86.
[327] Speeches and published resolutions of Lord Ripon, Viceroy of India, from June 1880 to May 1882. Calcutta, 1882. P. 213.

и ранее, но теперь явление было куда более массовым. Рипон отметал все возражения о целесообразности этой меры:

«Нередко утверждается, что жители этой страны сами совершенно равнодушны к принципу самоуправления; что они проявляют мало интереса к общественным вопросам; и что они предпочитают, чтобы такими делами управляли за них правительственные чиновники. Генерал-губернатор в совете не придает большого значения этой теории. Она, без сомнения, отражает точку зрения, которая высоко ценится многими активными и благонамеренными окружными чиновниками; и народ Индии… удивительно терпим к существующим фактам. Но по мере развития образования по всей стране быстро растет интеллигентный класс людей, проникнутых гражданским духом, не использовать которых – не только плохая политика, но и пустая трата сил. Задача управления с каждым годом становится все более обременительной по мере того, как страна продвигается по пути цивилизации и материального процветания»[328].

Помимо передачи части функций в ведение муниципальных органов, Рипон видел их задачу в политическом образовании, которое, при условии содействия британских чиновников, должно было стать шагом к значительному прогрессу. Муниципальные и местные органы самоуправления следовало, по мнению Рипона, вводить в столь широкой степени, в какой позволяли условия; то же касалось и выборного принципа – в нем вице-король видел важный элемент организации и потому предполагал, что назначаемые чиновники не должны составлять больше трети от общего состава членов органов самоуправления[329].

Несмотря на то, что Рипон предполагал поэтапное введение элементов самоуправления, резолюции правительства вызвали опасения и недовольство губернаторов и провинциального чиновничества. В то время как индийская интеллигенция приветствовала Рипона как подлинного «защитника английского либерализма»[330], чиновники опасались возможных негативных последствий увеличения полномочий «неофициальных» лиц в муниципалитетах. Англо-индийская пресса в целом не заинтересовалась вопросом. «Инглишмен» сообщал, что местное самоуправление станет проверкой готовности и способности индийского общества к самоуправлению[331]. В октябре «Индиан дейли ньюс» сообщала, что Эшли Иден[332] возражал против схемы Рипона на том основании, что в Бенгалии нет да-

---

[328] Speeches and published resolutions of Lord Ripon… P. 40.
[329] Gopal S. The viceroyalty of Lord Ripon, 1880–1884. P. 93.
[330] Mathur L. P. Lord Ripon’s Administration in India (1880–1884). P. 185.
[331] The Englishman. 1882. 6th July.
[332] Эшли Иден (1831–1887) был вице-губернатором Бенгалии в 1877–1882 гг., а после отставки служил в совете при государственном секретаре по делам Индии.

же двух схожих между собой округов, а губернатор Мадраса М. Э. Грант Дафф окружил себя «забором предупреждений и предостережений»; возражения высказывали и другие видные колониальные чиновники[333]. «Сивил энд милитари газетт» рассказывала о протестах против введения самоуправления в Бомбее[334]. «Таймс оф Индиа» приводила мнения английских газет о том, что за наделением органов местного самоуправления экономическими функциями нужно не упустить из виду возможные политические последствия:

«Прежде правительство руками своих чиновников, туземных или европейских, контролировало потоки энергии на местах; сейчас же практически значительная часть местного влияния отдана в руки неофициальных туземцев»[335].

Отсутствие единства мнений делало задачу проведения этой меры в жизнь особенно сложной. Соответственно, итоги введения местного самоуправления при Рипоне оказались неоднозначными. С одной стороны, к 1884 г. сеть органов местного самоуправления («мозаика», по меткому выражению Сарвепалли Гопала[336]) покрыла почти всю территорию страны, а регулирующие акты были введены почти во всех провинциях[337]; с другой, практические меры по претворению этих актов в жизнь сталкивались с сопротивлением колониального чиновничества, на которое была возложена обязанность разработки детальных инструкций работы муниципальных органов. Политическое воспитание, поставленное Рипоном во главу угла, осталось, скорее, случайным, если не побочным, эффектом местного самоуправления, и на политическое развитие страны реформа не оказала существенного влияния. Хотя это не означало бесплодности самой идеи – в 1883 г. реформу местного самоуправления затмил законопроект о внесении поправок в индийский Уголовно-процессуальный кодекс. Его непритязательное название не должно вводить читателя в заблуждение: этот законопроект, ставший вскоре широко известным как «билль Илберта», спровоцировал настоящую бурю в индийской общественной жизни, и его последствия оказались куда более серьезными, чем предполагали его авторы.

---

[333] Indian Daily News. 1882. 3rd Oct.
[334] Civil & Military Gazette. 1882. 21st Dec.
[335] The Times of India. 1882. 2nd Sept.
[336] Gopal S. The viceroyalty of Lord Ripon, 1880–1884. P. 110.
[337] «Опоздала» только Бенгалия, где соответствующий закон вступил в силу в 1885 г., уже при Дафферине.

***

Необходимость внесения поправок в Уголовно-процессуальный кодекс была обусловлена несовершенством исторически сложившейся юридической практики. До 1833 г. присутствие европейцев в Индии строго ограничивалось, однако новая Хартия Ост-Индской компании разрешала британским подданным приобретать в Индии землю (таким образом, ограничения на проживание здесь снимались) и устанавливала, что коренное население не может подвергаться дискриминации при приеме на службу. В силу своей малочисленности, британцы не могли управлять Индией без помощи самих индийцев, и потому число индийских служащих было довольно значительным.

Изначально положение европейских (англо-индийских) поселенцев в сельской местности – мофуссиле – отличалось от положения тех, кто жил в столицах президентств. Окружные чиновники не могли судить европейцев за уголовные преступления – в случае совершения такового обвиняемого следовало доставить в расположенный в Калькутте, Мадрасе или Бомбее Верховный суд. Закон о Хартии 1813 г. позволил окружным магистратам судить европейцев за некоторые преступления, а двадцать лет спустя специальная комиссия, пересматривавшая кодексы индийских законов, рекомендовала передавать гражданские дела европейцев местным судам и судьям, что вызвало негодование в столице, но не в мофуссиле, где число европейских поселенцев было крайне невелико[338]. После восстания 1857–1859 гг. индийское правительство стало больше заботиться о защите европейских поселенцев в мофуссиле. Уголовно-процессуальный кодекс 1861 г. фактически закрепил их неподсудность местным судам. Только мировой судья (в мофуссиле все они были европейцами) мог судить европейца за некоторые преступления небольшой тяжести или принять решение о его отправке в Верховный суд в столицу президентства. По новому кодексу окружной магистрат мог распорядиться об аресте европейца, но, не являясь мировым судьей, должен был немедленно сообщить о своем распоряжении последнему или же отпустить арестованного под залог[339].

С развитием плантационного хозяйства число европейских поселенцев в Индии росло. Плантаторы осваивали не занятые никем земли и селились далеко от столиц президентств, что с течением времени сильно усложнило процесс доставки преступников в столичные суды. В 1871 г. кодекс пересматривался и правительство настаивало на расширении полномочий судов в мофуссиле. Однако любая попытка ограничить привилегии европей-

[338] Hirschmann E. «White Mutiny» : The Ilbert Bill crisis in India and genesis of the Indian National Congress. New Delhi, 1980. P. 7.
[339] Ibid. P. 8.

ских британских жителей всё так же сталкивалась с яростной агитацией – для плантаторов, бывших полновластными хозяевами на своих землях, вопрос об уголовной ответственности был очень чувствительным. Итогом развития событий стал компромисс 1872 г. – правительство предложило «неофициальному» европейскому сообществу согласиться на расширение полномочий судов в обмен на то, что индийским судьям в мофуссиле не будет позволено вершить суд над европейскими британскими подданными[340]. Компромисс вполне отвечал расистским взглядам, широко распространенным в среде британских поселенцев и особенно обострившимся после восстания 1857–1859 гг. Он оставался нерушимым в течение десяти лет, хотя поправки, расширявшие полномочия индийских судей, неоднократно принимались в течение 1870-х гг. Принятие нового кодекса в 1882 г. также не вызвало серьезных возражений в англо-индийском сообществе. Напротив, он расценивался как «единый и полный», поскольку вобрал в себя ряд актов, принятых за предшествующее десятилетие[341]. Среди же индийских судей, да и общественности в целом, юридическая аномалия компромисса 1872 г. отнюдь не вызывала аналогичного единодушия. В начале 1882 г. Бехари Лал Гупта – один из первых индийцев на государственной службе – выступил с предложением пересмотреть условия компромисса; предложение было поддержано Ассоциацией Британской Индии[342]. Впоследствии Сурендранатх Банерджи – друг и коллега Гупты – вспоминал, что его записка «положила начало спорам о билле Илберта»[343]. В начале апреля записка Гупты дошла до Рипона, и тот, в соответствии с устоявшейся процедурой, перенаправил ее для комментирования провинциальным правительствам. В большинстве отклики на предложение Гупты были положительными, но вопросы вызывала квалификация индийских служащих в мофуссиле. Поэтому Кортни Перегрин Илберт – член совета при вице-короле, ответственный за законодательство, – решил ограничить круг тех, кому будут доверены новые полномочия. Подготовленный законопроект в сентябре попал к государственному секретарю и в декабре был одобрен его советом. Таким образом, билль был подготовлен для рассмотрения в законодательном совете.

Эдвин Хиршманн, исследовавший историю принятия законопроекта Илберта и его последствия, указывал, что он не был частью реформистской программы Рипона, а стал результатом стечения обстоятельств, связанных с нерешенным в течение многих лет вопросом[344]. Рипон понимал,

---

[340] Renford R. K. The non-official British in India to 1920. Delhi, 1987. P. 203.
[341] Ibid. P. 205.
[342] Ibid.
[343] Banerjea S. A nation in making... P. 67.
[344] Hirschmann E. «White Mutiny». P. 28.

что берется за чувствительную для европейского сообщества проблему, но полагал, что осторожное ее решение поможет избежать взрыва.

И всё-таки взрыв произошел. Второго февраля 1883 г. Илберт выступил в законодательном совете с разъяснением положений законопроекта. Билль предполагал наделить окружных магистратов и сессионных судей в мофуссиле судить европейских британских подданных по уголовным делам и оставлял за властями провинций право рассмотреть возможность распространения этих полномочий и на других лиц[345]. Уже первые дебаты в совете показали, что предлагаемая мера вызывает смешанную реакцию. Бомбейская «Раст гофтар» утверждала, что юридическое значение поправки невелико, но она является важной политической мерой, за которую индийцы благодарны правительству[346]. В Бенгалии «Бурдван сандживани» осторожно указывала на необходимость практической проверки законопроекта, но вместе с тем считала билль достойным правления Рипона[347], а «Нававибхакар» сетовала на то, что законопроект не устраняет дискриминацию индийских служащих империи полностью[348]. Англоязычная «Хинду пэтриот» считала билль первым шагом к решению давней проблемы[349]. Положительную оценку нововведению дали и многие другие индийские газеты. Англо-индийские издания в первые дни также не обрушили критику на законопроект. «Таймс оф Индиа» и «Сивил энд милитари газетт» ограничились публикацией стенограммы речи Илберта на заседании совета, не вынося никакого вердикта[350]. Шестого февраля «Стейтсмен» писал:

«Мы не будем преждевременно критиковать предложенную г-ном Илбертом поправку к Уголовно-процессуальному кодексу. Сейчас нужно сказать лишь о том, что длинный список авторитетных источников, приведенных им в поддержку поправки, показывает, что на правительство повлияло не только туземное мнение. Лучшие официальные чины уже давно высказываются в пользу отмены оскорбительного расового различия, которое уродует Уголовно-процессуальный кодекс. Маловероятно, что в настоящее время неофициальное мнение будет повинно в противодействии законопроекту. Если он будет подвергнут критике, то критика, как мы предполагаем, будет направлена против способа внесения поправок, а не

---

[345] Renford R. K. The non-official British in India to 1920. P. 207–208.
[346] Report on native papers published in the Bombay Presidency and Berar for the week ending 10th February 1883. URL: https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.25480181
[347] Report on native papers for the week ending 17th February 1883 [Bengal]. URL: https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.26163852
[348] Report on native papers for the week ending 10th February 1883 [Bengal]. URL: https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.26163851
[349] Hindoo Patriot. 1883. 5th Feb.
[350] The Times of India. 1883. 3rd Feb. ; Civil & Military Gazette. 1883. 6th Feb.

против принципа. Но мы не ожидаем широкой негативной критики какого-либо рода»[351].

Совсем иным образом дело обстояло в Лондоне, где уже пятого февраля «Таймс» со ссылкой на телеграмму калькуттского корреспондента сообщала, что «правительство безо всякого предупреждения о намерениях внезапно взорвало мину под европейским сообществом»[352]. Газета призывала обратить внимание на «подлинное значение этого крайне серьезного шага», которое, по мнению корреспондента, состояло в следующем: упорство правительства в применении «английских правил и английских стандартов» к индийцам могло привести к утрате контроля над страной. Отныне англичане, продолжала «Таймс», будут чувствовать себя в безопасности только в пределах столиц президентств, и по процветающих предприятиям плантаторов чая, кофе и индиго будет нанесен сокрушительный удар, а молодые англичане, мечтающие об индийской карьере, предпочтут Индии другие страны, где «их свободы и их жизни будут подвержены меньшей опасности».

Реакция корреспондента «Таймс» была, вероятно, излишне алармистской, но авторитет газеты был очень высок. Критику подхватили и другие консервативные лондонские издания[353], и это не могло сказаться на смене настроений в Индии. «Таймс оф Индиа» вскоре сообщила, что английские газеты в целом осуждают билль Илберта[354]. «Индиан дейли ньюс» взывала к английской гордости:

> «Мы считаем, что есть некая естественная гордость в требовании, чтобы англичанина судил англичанин; но в то время как существует гордость расы, в еще большей степени существует опасение – можно даже сказать, что страх – что только в руках англичанина европейский британский подданный сможет найти беспристрастное правосудие»[355].

К 9 февраля, когда Илберт формально внес проект на рассмотрение совета, англо-индийской прессе уже была известна реакция английских газет, и к середине месяца критика билля приобрела огромные масштабы. Из прессы (где главным проводником критики был калькуттский «Ин-

---

351 The Friend of India and Statesman. 1883. 6th Feb.
352 The Times. 1883. 5th Feb.
353 St James's Gazette. 1887. 7th Feb. P. 3.
354 The Times of India. 1883. 7th Feb. Важно отметить, что бомбейская газета была не вполне точна в своих оценках: например, «Скотсмен» оценивал начинающийся скандал как простое проявление «англо-индийского шовинизма» (The Scotsman. 1883. 7th Feb.).
355 Indian Daily News. 1883. 6th Feb.

глишмен») волна недовольства перешла в ратуши и залы собраний. 21 февраля митинг собрала бенгальская Торговая палата, призвавшая присоединиться к протесту палаты других столичных городов; Мадрас откликнулся два дня спустя, а Торговая палата Бомбея провела собрание в начале марта. 28 февраля в калькуттской ратуше прошел митинг, положивший начало Англо-индийской оборонительной ассоциации – организации, созданной для защиты прав англо-индийцев и впоследствии неоднократно выступавшей против национального движения. Начались митинги и в мофуссиле – первый из них прошел 21 февраля в Дибругархе (Ассам) под руководством ассоциации чайных плантаторов.

Для Рипона, как и для государственного секретаря по делам Индии такой поворот событий был крайне неожиданным. Рипон был убежден, что вопрос затрагивал не частные аспекты уголовного законодательства, а принципы управления колониями – следовало ли править Индией ради блага всех населяющих ее жителей или относительно небольшой прослойки англо-индийцев? Было ли необходимо развивать Индию в социальном и политическом отношении или заботиться только о выгоде метрополии? Дать ответы на эти вопросы, по мнению вице-короля, мог только парламент[356].

Очередное заседание вице-королевского совета, на котором обсуждался билль Илберта, состоялось 9 марта. Вопреки ожиданиям оппонентов, вице-король не снял законопроект с рассмотрения, но дебаты показали, что в баланс мнений в совете изменился не в пользу билля – против него выступило шестеро членов совета (и среди них раджа Шива Прасад), семеро (с Рипоном во главе) по-прежнему поддерживали билль, остальные не высказали своего мнения или предлагали изменить проект[357]. Между тем протестные митинги собирали уже тысячи англо-индийцев, и расширение кампании влекло за собой петиции в адрес не только вице-короля и государственного секретаря, но и в парламент. Одна из них гласила:

«Принцип совершенного равенства... получил бы свой логический результат в виде туземного вице-короля и туземного главнокомандующего…

Ваши заявители рассматривают право быть судимыми европейскими британскими подданными как ценную гарантию, как древнее и в высшей степени привилегированное право, защищаемое из разумных оснований целесообразности, а также глубоко укоренившихся чувств и настроений, и считают, что это право имело для них первостепенное значение в прошлом, при зарождении предпринима-

[356] Hirschmann E. «White Mutiny». P. 70–71.
[357] Ibid. P. 83.

тельства в мофуссиле, и имеет важное для них значение в будущем – для развития тех предприятий, от которых Индия так много выиграла»[358].

Жившие в Индии британские женщины приводили свои, особенные доводы:

«Положение, занимаемое женщинами в туземном обществе, настолько отличается от положения, занимаемого их европейскими сестрами, и это различие так глубоко влияет на все отношения общественной и домашней жизни, а также на обычаи, привычки и чувства, связанные с этими отношениями, что ни один уроженец Индии, каким бы высокообразованным он ни был, не может обладать знаниями или сочувствием, необходимыми для правильного понимания чувств и поведения европейских женщин. Но только такая правильная оценка чувств и поведения обвиняемых может дать судье право судить их; и, следовательно, результатом предлагаемого изменения в законе будет передача судебного разбирательства над европейскими женщинами в Индии мужчинам, которые в силу обстоятельств неспособны воздать им должное»[359].

В конце июля делегация противников билля посетила государственного секретаря. Масштабы агитации росли благодаря тому, что плантаторы не жалели средств для специально созданного фонда, и летом «Белый мятеж» не затих, но, напротив, набирал обороты. На этом фоне приходилось искать компромисс, и в августе были приняты предложения мадрасского судьи Ч. Тернера, расширяющие полномочия окружных магистратов и сессионных судей, но позволявшие передавать дела другим судьям в случае, если «справедливое и беспристрастное» судопроизводство представлялось невозможным[360]. «Компромисс Тернера», однако, не вызвал сочувствия англо-индийской общественности, поддерживаемой консервативной оппозицией в парламенте. Пропасть между вице-королем и англо-индийцами росла. В декабре во время визита в Калькутту Рипон был освистан. С другой стороны, вице-короля всё активнее поддерживали образованные индийцы и разделявшие его либеральные воззрения британцы. Среди последних особо выделялся Аллан Октавиан Юм. Бывший чиновник Индийской гражданской службы, Юм, достигший заметных высот колониальной карьеры, был понижен в должности при Литтоне и вышел в отставку в 1882 г., живя в уединении в Шимле. Либеральные начинания Рипона побудили «Шимлского отшельника» в ноябре 1882 г. написать вице-королю письмо с предложением помощи. Ситуация вокруг билля Ил-

[358] The Ilbert Bill : a collection of letters, speeches, memorials, articles, etc. stating the objections to the Bill. London, 1884. P. 86–88.
[359] Ibid. P. 91.
[360] Hirschmann E. «White Mutiny». P. 178.

берта способствовала тому, чтобы эта помощь была принята, и Юм выступал консультантом Рипона вплоть до его выхода в отставку. Пользовавшийся известностью и уважением в кругах индийской интеллигенции, Юм мог повлиять на то, чтобы индийская агитация в пользу билля не вела к осложнению и без того напряженных отношений между индийцами и британскими жителями страны. Помимо этого, он занимался организацией собраний и митингов, которые, по мнению Рипона, выгодно отличались от их англо-индийских «аналогов»:

«Вот люди, умеренные в речах, сдержанные по характеру, сильные в аргументах, способные организовать общественное собрание, которое может выдержать сравнение с лучшими митингами [в Великобритании]; разве какое-либо правительство сможет держать этих людей под жестким контролем „автократической системы“, которой так сильно восхищался Литтон... и если это возможно, будет ли это правильным?»[361]

Однако результаты консолидации индийских сторонников Рипона станут видны несколько позже; пока что, в декабре 1883 г., дело шло к соглашению между вице-королем и Англо-индийской оборонительной ассоциацией, ответственной за продолжение агитации против билля. Поскольку «компромисс Тернера» создавал сложности для тех обвиняемых, кто не располагал достаточным количеством денежных средств, стороны сошлись на признании необходимым судить европейских британских подданных в судах присяжных, что, с одной стороны, расширяло полномочия индийских окружных магистратов и сессионных судей, но, с другой стороны, сохраняло определенные привилегии за европейскими подсудимыми; условием Рипона было прекращение агитации против билля[362].

***

В Англии, далекой от индийских переживаний и страстей, борьба Рипона за принятие поправок к Уголовно-процессуальному кодексу нашла сторонника в лице Чарльза Брэдло. Напомним, что в 1883 г. он всё еще боролся за свое законное заседать в парламенте, и в силу этого многие вопросы общественной и политической жизни оставались для него на втором плане. Тем не менее газетные отчеты сохранили свидетельства его выступлений по будоражившему Индию вопросу. Так, «Нортгемптон меркьюри» сообщала о том, что в октябре Брэдло посетил ежегодное собрание Либеральной ассоциации Уэллингборо – небольшого города в одиннадцати милях от Нортгемптона. Там, помимо прочего, он выступал «в

[361] Cit. in: Mehrotra S. R. The emergence of the Indian National Congress. P. 365.
[362] Hirschmann E. «White Mutiny». P. 248–249.

пользу билля Илберта, сказав, что в отношении последнего тори обманывают Англию и пытаются превратить его в партийный клич»[363].

Взгляды Брэдло на индийский вопрос и, в частности, проблему законопроекта Илберта, отлично раскрывает речь, произнесенная в нортгемптонской ратуше 19 ноября 1883 г. Брэдло считал, что его избирателям мало известно об Индии и истории ее взаимоотношений с Англией, и потому эту важную тему нужно было раскрыть детально. Следует отметить, что Индия для простого британского избирателя действительно была экзотической далекой страной, и вопросы, бывшие понятными министрам и парламентариям, требовали разъяснения в широких слоях населения. Свое выступление Брэдло начал с критики британского правления в Индии:

«Я придерживаюсь мнения, что мы в значительной степени добились власти в Индии средствами, за которые нам должно быть искренне стыдно. И я думаю, что если мы продолжим управлять Индией, то на каждом английском мужчине и на каждой английской женщине лежит важнейшая обязанность позаботиться о том, чтобы деспотическая власть Англии использовалась в максимально возможной степени, чтобы искупить наше прошлое и побудить наших индийских сограждан желать, чтобы ими управляли мы»[364].

Брэдло, таким образом, был, подобно многим современникам, сторонником сохранения британской власти в Индии, но видел обязательность создания условий для того, чтобы она не воспринималась в колониях как правление завоевателей. Поэтому он считал «постыдным» принцип, выраженный в 1833 г. бароном Элленборо: «Наше существование в Индии зависело от отстранения туземцев от военной и политической власти. Мы завоевали Индийскую империю мечом и должны сохранить ее теми же средствами»[365]. В индийском вопросе Брэдло считал необходимым подняться над межпартийными распрями, чтобы управление Индией «приносило как можно меньше страданий» народам, ее населявшим[366].

Далее лектор обратился к описанию географических и демографических характеристик Индии, обратив особое внимание на численность индийского населения, – около 254 млн человек, из которых только 90 тыс. британского происхождения. За вычетом армии, говорил Брэдло, «мы имеем 33990 британских подданных, контролирующих благосостояние этих 254 миллионов»[367]. Исходя из численного соотношения, он делал вывод, что благо подавляющего большинства населения, живущего на

---

363 Northampton Mercury. 1883. 13th Oct.
364 Bradlaugh C. Speeches. P. 31.
365 Ibid.
366 Ibid. P. 32.
367 Ibid.

родной земле, имеет не меньшее значение, чем благо тех десятков тысяч, что приехали в Индию ради собственной выгоды. При этом расходы страны за последнее десятилетие увеличились на 16 млн ф. ст.; повышение налогов вызвало голод в нескольких округах. В этих условиях управление Индией, сосредоточенное в руках вице-короля и небольшого совета при нем, а также парламента, не проявляющего большого интереса к индийским проблемам («Я видел, как индийские вопросы обсуждались с двадцатью мужчинами, лениво сидящими или полулежащими на скамьях палаты общин»[368]), не было, по мнению Брэдло, эффективным:

«И все же я спрашиваю вас, вы, кто правит 254 миллионами людей, вы, чье правление, если оно плохое, для них может означать преступление и катастрофу, – я спрашиваю вас, к какой бы партии и религии вы ни принадлежали, – имеете ли вы право быть равнодушными к счастью или несчастью 254 миллионов людей, чьи судьбы вы контролируете без апелляции?»[369]

Ошибки в управлении состояли в том, что индийцы не имели доступа к государственному аппарату:

«Я не думаю, что жители Индостана хотят ссориться с нами. Я считаю, что наиболее образованные индусы, и у меня была некоторая возможность судить об этом в течение последних двадцати лет, осознают, что в западном мире есть ресурсы и традиции, которых у них нет, но которые принесут им пользу; и я верю, что они хотят работать с нами. Но в Индостане много недовольства. Просто задумайтесь на мгновение. Прежде чем уроженец сможет стать государственным служащим, прежде чем он сможет занять какую-либо из должностей, которые может предоставить английское правительство, он должен приехать в нашу страну для сдачи экзамена, который нелегок даже для англичан. Он должен пройти испытание на английском языке. Обратите внимание на стоимость такого долгого путешествия. Посмотрите на пустую трату времени в таком долгом путешествии. Обратите внимание на тот факт, что если он индуист, он полностью теряет касту и, если он потерпит неудачу, он окажется полностью изгнанным из своего собственного дома и народа. Я говорю, что это постыдная вещь. Если будут проводиться конкурсные экзамены на государственную службу, а я думаю, что это разумно и правильно, то кандидаты должны проходить испытания в Калькутте, Бомбее или Мадрасе. Почему они должны быть обязаны пересекать океан?»[370]

Законопроект Илберта, наряду с другими принимаемыми Рипоном мерами – местным самоуправлением, бенгальским законопроектом об арен-

[368] Ibid. P. 34.
[369] Ibid. P. 34.
[370] Ibid. P. 36.

де, – Брэдло относил к числу «важных вопросов»[371], способствующих тому, чтобы показать индийскому народу великодушие и справедливость англичан. Он отклонял возражения против билля на том основании, что ничтожное меньшинство британских подданных, живущих в мофуссиле и прибывших в страну ради собственной выгоды, не может требовать для себя особенных привилегий:

> «Я отрицаю эту привилегию. Если англичанин вступает в контакт с индусом, заранее зная об этом, он обязан подчиниться закону, и у него нет права на привилегии, которые защищают его преступление от наказания»[372].

Брэдло призывал собравшихся в ратуше присоединиться к тем, кто поддерживал билль, чтобы «воздать должное тем, кого вы обидели»[373]. Но билль Илберта был всего лишь одной из мер на пути к главной цели – «полному праву на самоуправление»[374]. Индийское самоуправление было, однако, делом отдаленного будущего, – и в этом взгляды Брэдло совпадали как с воззрениями британских критиков империи, так и с идеями индийских общественных деятелей, возглавивших зарождающееся национальное движение.

Свою позицию по биллю Илберта Брэдло повторял и на лекциях в других городах[375], и в печати. В журнале Анни Безант «Наш уголок» в 1884 г. была опубликована его статья[376] с анализом действующего индийского уголовного законодательства и высказываний различных официальных лиц по проблеме. Брэдло соглашался с мнением мадрасского губернатора: «Половина шума, поднятого в Индии против законопроекта Илберта, исходила от людей, которые не знают закона, по которому живут»[377].

Тем не менее ситуация вокруг поправок в Уголовно-процессуальный кодекс оказала на Индию огромное политическое воздействие. «Конкордат» Рипона и Англо-индийской оборонительной ассоциации, сохранявший юридические привилегии за европейскими британскими подданными, стал для индийской интеллигенции разочарованием. В частности, «Амрита базар патрика», одна из ведущих бенгальских газет, писала об «отчаянии и глубокой печали»[378], а «Ананда базар патрика» настаивала,

---

[371] Ibid. P. 43.
[372] Ibid.
[373] Ibid. P. 45.
[374] Ibid.
[375] Edinburgh Evening News. 1884. 14th Jan.
[376] «Индия и билль Илберта», см. приложение.
[377] Там же.
[378] Amrita bazar patrika. 1883. 27th Dec.

что индийцам тоже нужно дать право на суд присяжных[379]. Схожими были настроения и в Северной и Центральной Индии: «Алмора акбар» сокрушалась, что «гора трудилась, но родила мышь», а «Вритта дхара» видела в соглашении «больше вреда, чем пользы для индийцев»[380].

Однако принятие закона практически не сказалось на отношении индийцев к Рипону – лидеры националистов понимали, что критика вице-короля помогает только недовольным англо-индийцам, но не принесет пользы самим индийцам. Поэтому возмущение «конкордатом» в прессе вскоре сменилось призывами думать о будущем, сдерживать свои чувства и не предпринимать действий, которые могли бы нанести ущерб общему делу. С. Банерджи говорил:

> «Мы отрицаем условия [конкордата]… Но наши чувства к лорду Рипону лично исполнены глубокой благодарности за его благородную защиту королевской прокламации, за его искреннее желание управлять Индией с пользой для неисчислимых миллионов ее жителей»[381].

Рипон высоко оценил такую позицию. 23 февраля 1884 г. в письме А. О. Юму, который, по его собственному признанию, «трудился как раб», организовывая индийскую поддержку вице-королю, он выражал благодарность «лидерам туземного сообщества за их терпение и доверие», которые доказывали их «политическую мудрость»[382]. Но с противоположного фланга вице-короля клеймили как самого слабого из всех, которых когда-либо знала Индия[383].

«Белый мятеж», в сущности, был довольно быстро забыт в Англии, немало сделавшей для разжигания конфликта, – но отнюдь не на индийской земле. Здесь буря 1883 года имела масштабные и самые разнообразные последствия.

Во-первых, обращаясь к юридической стороне вопроса, нужно сказать, что введение судов присяжных оправдало себя и прижилось в судебной практике. Во время очередного пересмотра Уголовно-процессуального кодекса (в 1898 г.) эта мера также была сохранена.

---

[379] Report on native papers for the week ending 29th December 1883 [Bengal]. URL: https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.26164159

[380] Selections from the Vernacular Newspapers published in the Panjab, North-Western Provinces, Oudh, Central Provinces, Central India and Rajputana, received up to 16th January, 1884. URL: https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.24979357

[381] Banerjea S. N. Speeches by Babu Surendra Nath Banerjea. Calcutta, 1894. P. 54–55.

[382] Mehrotra S. R. The emergence of the Indian National Congress. P. 358–359.

[383] Crawford A. T. Our troubles in Poona and the Deccan. Westminster, 1897. P. 79.

Во-вторых, споры вокруг законопроекта серьезно углубили пропасть между жителями британского происхождения и коренным населением. Отношения между ними никогда не были слишком простыми – сказывались и недостатки управления, и расовые предрассудки, и память о восстании 1857 г., после которого за любой проиндийской инициативой англо-индийцам мерещился призрак «Мятежа», – но события 1883 г. показали, что только редкие одиночки в «Англо-Индии» были способны оценить ситуацию трезво, исходя из потребностей будущего развития и прогресса страны. Повод был слишком незначительным, но и увещевания с английских берегов (и выступления Брэдло в том числе), и объяснения Рипона и Илберта, и многочисленные лояльные и примирительные индийские заявления оказались бессильны перед англо-индийским желанием сохранить свои привилегии и свой статус. В одном из «Индийских листков», распространявшихся патриотическими ассоциациями, это желание описывалось следующим образом:

«Личные и классовые интересы англо-индийцев часто находятся в прямом противоречии с целями, которые все реформаторы, будь то индийцы или англичане, имеют в виду… Их фанатичное противостояние лорду Рипону … находит свое отражение в противостоянии представителей их класса всем генерал-губернаторам и государственным деятелям, чья память наиболее дорога индийскому народу»[384].

В 1880-е гг. в англо-индийской художественной литературе появился образ «политического сироты». Созданный Дж. Абери-Маккеем, он был использован Киплингом в одном из ранних очерков: «Англо-индиец – политический сирота, и если он умен, то не будет спешить быть усыновленным… партийными бабушками»[385]. Более того, в литературной традиции сформировался образ «путешествующего парламентария», приезжающего из Англии на короткий срок и считающего себя знатоком индийского вопроса. В этих образах отразилась «независимость» англо-индийского сообщества от политических партий, его самостоятельность и своеволие. Однако на практике англо-индийская позиция часто играла на руку консерваторам, выступавшим за управление Индией «твердой рукой». Критика либерала Рипона и его демократических начинаний была еще одним фактором, усугублявшим раскол между англо-индийцами и образованной прослойкой индийского общества.

---

[384] Mistrust Anglo-Indian Opinion : Indian Leaflets № 5 [by British Indian Association]. [S. l., s. a.]. P. 1.
[385] The Pioneer. 1890. 11th September.

В-третьих, стремительная и успешная самоорганизация англо-индийского сообщества показала прекрасный пример индийским политикам. Незадолго до первой сессии Индийского национального конгресса Генри Коттон писал:

«Англо-индийская агитация, о которой мы так много слышали в последнее время, анти-индийские протесты против политики лорда Рипона, протесты, в которых утверждается, что «единственные люди, которые имеют какое-либо право на Индию, – это британцы»; короче говоря, все отношение европейцев к так называемому биллю Илберта гораздо больше способствовало продвижению истинного дела единства Индии, чем могли бы способствовать любые законодательные меры в соответствии с первоначальным законопроектом»[386].

В марте 1883 г. А. О. Юм выступал с посланием к выпускникам калькуттского университета, в котором призвал индийцев к объединению ради всестороннего возрождения страны – политического, социального, культурного и морального. Сам Юм на фоне яростных англо-индийских протестов пришел к выводу о необходимости создания общеиндийской организации – и билль Илберта, защита начинаний Рипона от несправедливой критики, стали для этого серьезным стимулом. В декабре того же года по инициативе С. Банерджи была проведена Индийская национальная конференция, объединившая делегатов со всех концов страны.

***

Проводы Рипона во время его прощальной поездки по Индии превратились в грандиозное по своим масштабам мероприятие. По сообщениям английских газет, в Калькутте «прежде невиданную», «уникальную и беспрецедентную» демонстрацию посетило «свыше ста тысяч человек всех классов»[387], торжественные собрания проходили в Бомбее и других городах. Консервативные британские круги с негодованием отмечали, что поездка Рипона по стране стала «самым вредным актом» за все время его пребывания на посту вице-короля[388]. С. Банерджи вспоминал:

«Англо-индийские чиновники, жившие в изоляции и отрыве от людей, начали осознавать рождение национального движения, о котором не имели ни малейшего представления… Имеющие очи увидели в этих демонстрациях зачатки единой национальной жизни, рождение нового духа сотрудничества среди индийского народа»[389].

---

386 Cotton H. New India, or, India in transition. P. 4.
387 Nottingham Evening Post. 1884. 4th Dec.
388 The Times. 1884. 8th Dec.
389 Banerjea S. N. A nation in making... P. 88.

Хотя в целом преобразования вице-короля не были успешны, его правление стимулировало процесс объединения патриотически настроенной индийской интеллигенции. Согласно утверждению индийского историка Ш. Р. Мехротры,

> «…нет определенных свидетельств, дающих возможность предположить, что перед своим отъездом из Индии Рипон призвал Юма объединить образованных индийцев в рамках единой организации, чтобы противодействовать губительному влиянию англо-индийцев... Однако независимо от того, был или нет Рипон настоящим вдохновителем Индийского национального конгресса, нет ни малейшего сомнения в том, что в рождении и целях Конгресса... безошибочно угадывается влияние его идей и событий, произошедших в его правление»[390].

«Мятеж» англо-индийцев, таким образом, стал преддверием нового этапа в истории Британской Индии.

---

[390] Mehrotra S. R. The emergence of the Indian National Congress. P. 381.

Глава 6. Конгресс в Англии и буря 1888 года

Конгресс, впервые собравшийся в декабре 1885 г., был тесно связан с английским либерализмом не только идейно. Юм, «отец ИНК», в преддверии первой сессии искал поддержки в Лондоне; летом 1885 г. делегация индийских националистов посетила Великобританию, где встречалась со многими влиятельными либеральными политиками, в частности, с Рипоном и парламентариями У. Бакстером, Дж. Брайтом, Дж. Чемберленом. Один из членов делегации, Лалмохан Гхош, был избран кандидатом от либералов по округу Дептфорд. На торжественном собрании Дептфордской либеральной ассоциации, посвященном этому событию, появление «индийского кандидата» было расценено как «новое начинание в парламентской истории» и начало «замечательной эпохи в истории Индии»[391]. Вместе с тем, выражая интересы избирателей юго-востока Лондона, Гхош не мог полностью сосредоточиться на индийском вопросе и выступал, главным образом, с критикой консерваторов[392]. Другим кандидатом, шедшим на выборы, чтобы отстаивать индийские интересы, стал английский журналист и писатель Уильям Дигби. В 1870-х гг. Дигби жил в Индии и на Цейлоне, где был редактором газет «Сейлон обсервер» и «Мадрас таймс». Во время голода в Южной Индии в 1876–1878 гг. Дигби активно участвовал в деятельности фондов помощи голодающим. Столкнувшись с бесплодными действиями колониальной администрации, Дигби изложил свои впечатления о кампании по борьбе с голодом в двухтомной работе, принесшей ему широкую известность как стороннику реформ в Индии. Вернувшись в Англию в 1879 г., Дигби стал членом нескольких либеральных клубов Лондона, а после начала реформы местного самоуправления в Британской Индии выступил одним из организаторов Ассоциации индийских реформ. Перед выборами 1885 г. он опубликовал пространный памфлет, в котором объяснял важность индийского вопроса для рядового британского избирателя:

> «Британский избиратель не может быть равнодушен к заботам Большой Британии, даже если захочет. Ответственность, лежащая на нем, слишком велика, чтобы проявлять беззаботность в этом вопросе. Каждый, кто будет голосовать в ноябре, отдаст свой голос не только от своего имени, но и от имени двухсот миллионов британских подданных в Индии, трех миллионов – на Цейлоне и двух миллионов в коронных колониях, взятых вместе»[393].

На собраниях либеральных клубов Дигби доказывал, что с назначением лорда Рипона вице-королем Индии и началом реформ, направленных

---

[391] Reynold’s Newspaper. 1885. 28th June.
[392] Daily News. 1885. 28th June.
[393] Digby W. India’s interest in the British ballot box. London, 1885. P. VIII.

на привлечение индийцев к государственной службе, либеральные идеи продемонстрировали свою действенность, но тем не менее отмечал и ряд недостатков, присущих либеральному управлению Индией. В частности, он считал, что принимаемые меры не соответствовали заявленной либералами программе реформ, а действия Рипона часто сталкивались с сопротивлением министерства по делам Индии. Примером противоречий такого рода стал отказ министерства дать ход инициативе вице-короля по повышению минимального возраста соискателей должностей в гражданской службе. Поэтому Дигби обещал, что в случае избрания в парламент будет «противиться принятию любых законов, касающихся Индии, которые… не пойдут ей на пользу, независимо от того, какая партия их предложит»[394].

Однако попытка «кандидатов от Индии» завоевать места в парламенте на всеобщих выборах 1885 г. не увенчалась успехом – и Гхош, и Дигби, уступили в своих округах оппонентам, во многом благодаря критике со стороны консервативных кругов, утверждавшей, что целью либеральных кандидатов является решение исключительно индийских вопросов, тогда как палата общин в большей степени занимается внутренними делами. Работа индийской делегации в целом, однако, была воспринята в либеральных кругах положительно. В декабре 1885 г., перед отъездом делегации в Индию, Национальный либеральный клуб устроил в ее честь прощальный прием, на котором член палаты общин У. Хантер объявил миссию делегации «полностью успешной», поскольку она добилась основной цели – пробудила в Англии интерес к индийским делам[395]. Один из членов делегации, Мономохан Гхош, подводя итог избирательной кампании, отметил: «Несколько лет назад едва ли можно было представить, что уроженец Индии может получить такую поддержку, как г-н Лалмохан в Дептфорде»[396].

У индийской общественности поражение Л. Гхоша и У. Дигби вызвало разочарование[397], но это не остановило руководство ИНК от дальнейших попыток организовать работу в парламенте. А. О. Юм, в частности, писал:

«…правда заставляет нас говорить не только о том, что мы надеемся создать сплоченную индийскую партию в парламенте, гораздо более грозную, чем ирландская …но и о том, что мы уже сейчас сделали огромный шаг к этому и уже имеем

[394] The Tribune. Lahore, 1885. 1st Aug.
[395] The Times. 1885. 17th Dec.
[396] Ibid.
[397] Mehrotra S. R. The emergence of the Indian National Congress. P. 405–406.

сильную группу друзей в парламенте, готовую поддержать любое конкретное действие, которое мы решим предпринять»[398].

Однако отсутствие индийских парламентариев в палате общин существенно осложняло защиту колониальных интересов в парламенте, и английские либералы – сторонники ИНК пытались обратить внимание правительства на эту проблему.

Требование активизации деятельности Конгресса в Великобритании выдвигалось уже на бомбейской сессии. Например, мадрасский делегат Субраманья Айяр в своем выступлении высказывал мысль о том, что «наша цель – всего лишь увидеть, что правильное и полное свидетельство истинных нужд страны… представлено английской общественности»[399]. В марте следующего года в Англию отправился Дадабхай Наороджи, чтобы завоевать место в парламенте или же «формировать британское общественное мнение в пользу реформ в Индии» в случае неудачи[400]. Значительная часть лидеров национального движения поддержала Дадабхая в его решении, хотя многие высказывали опасения в целесообразности этой миссии. Уильям Уэддерберн[401] писал ему в сентябре 1886 г.:

«На таком расстоянии сложно судить, но, по большей части, мы поддерживаем ваше решение остаться в Англии. Там нужно проделать большую работу, и никто не сможет справиться с ней так же хорошо, как вы»[402].

Бехрамджи Малабари, известный индийский поэт и общественный деятель, напротив, сообщал Дадабхаю о том, что многие, и среди них бомбейские лидеры Кашинатх Теланг и Ферозшах Мехта, «не верят» в его «английскую миссию»[403]. Сам Малабари, считавший, что отсутствие Дадабхая Наороджи в Индии нанесет существенный урон движению, призывал его «создавать и использовать» силы, которые будут приносить пользу стране «несмотря на то, что их конечным местоположением является Англия»[404].

---

[398] Юм А. О. Избранные произведения... С. 62.
[399] Proceedings of the 1st Indian National Congress, held in Bombay on the 28th, 29th and 30th December, 1885. Madras, 1905. P. 12.
[400] Dadabhai Naoroji Correspondence. P. XXIX.
[401] Отставной чиновник Индийской гражданской службы, президент ИНК 1889 и 1910 гг., будущий руководитель Британского комитета ИНК и индийского комитета в палате общин.
[402] Dadabhai Naoroji Correspondence. P. XXIX.
[403] Dadabhai Naoroji Correspondence. P. XXX.
[404] Ibid.

В апреле 1886 г. в Лондоне Дадабхай Наороджи познакомился с Уильямом Дигби. К моменту этого знакомства Дигби «был угнетен отсутствием подходящих и достойных представителей Индии»[405]. Появление Дадабхаи позволило Дигби вновь включиться в борьбу за индийские реформы.

В 1887 г. Дадабхай Наороджи выразил свою готовность быть официальным представителем Конгресса в Великобритании[406]. В свою очередь, Дигби, ушедший с поста председателя Национального Либерал-клуба, также внес предложение о том, чтобы все индийские политические ассоциации назначили его своим представителем с ежегодной платой в 250 ф. ст., не считая расходов. В. Ч. Бонерджи, первый президент ИНК, также бывший в то время в Лондоне, гарантировал возмещение расходов на конгрессистскую пропаганду на текущий год[407]. Таким образом, к началу 1888 г. были заложены основы Индийского политического агентства (ИПА), которое вскоре начало свою работу.

Председателем ИПА стал У. С. Кейн, секретарем организации был избран Уильям Дигби. В задачи агентства входила организация политических митингов и собраний в поддержку индийских реформ и распространение конгрессистской литературы в Великобритании – протоколов заседаний третьей сессии ИНК, прошедшей в декабре 1887 г., речей и памфлетов деятелей Конгресса.

Политическая организация индийских националистов в Великобритании фактически состояла из двух секций. Первая, представленная Наороджи, В. Ч. Бонерджи и Э. Нортоном, действовала в соответствии с требованиями и решениями генерального секретаря ИНК; вторая же, представленная Уильямом Дигби, хотя и была тесно связана с Конгрессом, который частично финансировал ее деятельность, работала независимо от него[408], и это позволяло Дигби поднимать вопросы, не входившие напрямую в сферу интересов Конгресса. Кроме того, именно секретарю ИПА удалось привлечь к деятельности агентства Чарльза Брэдло.

***

В 1887 гг., когда создавалось ИПА, Брэдло в палате общин не особенно часто выступал по вопросам, связанным с Британской Индией. Главной «восточной» темой для него в это время стала Бирма и английская экспедиция в рубиновые рудники короля Тибо. Бирма, лишившаяся независимости в ходе недавней войны с англичанами, в 1886 г. стала индийской провинцией. Однако формальное включение обширной территории в со-

---

[405] Masani P. R. Dadabhai Naoroji… P. 234.
[406] Kaushik H. P. The Indian National Congress in England. P. 18.
[407] India. London, 1890. 5th Dec.
[408] Kaushik H. P. The Indian National Congress in England. P. 20.

став Индии (вопреки протестам общественности и Конгресса) не отменяло необходимости «усмирения» и «освоения» новых земель. Составной частью этого процесса стала и указанная экспедиция. Вскоре после завоевания Верхней Бирмы правительство Индии решило передать шахты в пользование частных компаний. В феврале 1886 г. на это предложение откликнулась одна из калькуттских компаний, но у нее нашелся серьезный конкурент в Лондоне в лице ювелира Э. Стритера. Разработка рубиновых месторождений должна была начаться весной, но сезон дождей и сложности в «умиротворении» обретенных земель стали причиной того, что только в декабре туда была отправлена экспедиция, к которой присоединился сын лондонского ювелира Дж. Стритер. Правомерность его участия в военном предприятии вызвала у Брэдло вопросы, и он не преминул задать их заместителю государственного секретаря Дж. Горсту:

> «Присутствовали ли какие-либо джентльмены, связанные с господами Стритерами, ювелирами из Лондона, при военной экспедиции на рубиновые рудники в Бирме; и, если да, в каком качестве и с чьего разрешения; и было ли заключено какое-либо соглашение между правительством и каким-либо лицом относительно разработки этих рудников?»[409]

Превратившись в предмет обсуждения парламента, частный торговый вопрос стал, таким образом, вопросом политическим. По подсчетам Р. Туррелла, в 1887 г. более трех четвертей всех запросов по поводу Бирмы в парламенте касались аренды рубиновых рудников[410], и большинство из них было направлено против Стритера. Главным активистом парламентской кампании стал Брэдло. В мае он атаковал Дж. Горста серией вопросов относительно договоренностей правительства Индии со Стритером: являлись ли его представители единственными, кому было позволено посетить рудники до заключения договора аренды или были допущены иные лица – и на каком основании?[411] Осведомленность Брэдло свидетельствовала о том, что кто-то снабжает его информацией, и Дафферин, разозленный тем, что правительство Индии стало фигурантом в парламентских интригах, традиционно разворачивавшихся между либералами и консерваторами, пытался выяснить, кто стоит за Брэдло и его интересом к бирманским рудникам. Он просил об этом лорда Расселла и бывшего вице-короля Индии Нортбрука. Дафферин подозревал, что парламентская активность весной-летом 1887 г. была инициативой барона Ротшильда, так-

---

409 Hansard's Parliamentary Debates. London, 1887. Vol. 310. C. 260–261.
410 Turrell R. V. Conquest and Concession: The Case of the Burma Ruby Mines // Modern Asian Studies. 1988. Vol. 22, № 1. P. 153.
411 Hansard's Parliamentary Debates. London, 1887. Vol. 315. C. 1028–1029.

же заинтересованного в бирманских рубинах, но не нашел доказательств его связи с Брэдло[412]. Однако репутация скандального парламентария и влияние семьи Ротшильдов способствовали тому, что государственный секретарь по делам Индии барон Кросс блокировал предоставление рудников в пользование Стритеру. Только в конце 1888 г. лондонский ювелир получил право пользования рудниками на худших условиях, нежели двумя годами ранее.

Этот эпизод показал, что политический интерес Брэдло в британских колониях имел не только «идейную», но порой и «коммерческую» сторону, и не ограничивался лишь теми проблемами, которые поднимал Конгресс. Но в условиях становления ИНК нуждался в парламентской поддержке и Брэдло был одним из немногих, кто мог ее оказать. Летом, в разгар «рубинового похода» Брэдло, секретарь ИНК Д. Э. Вача в письме Дадабхаю Наороджи так характеризовал неистового Чарльза:

«Для настойчивых придирок, вбивающих гвоздь по самую шляпку, подталкивающих вещи к их жесткому и жестокому логическому решению, – дайте мне Брэдло. Я вижу, что он интересуется индийскими вопросами и задавал наводящие вопросы напыщенному сэру Джону Горсту, и этот парень был действительно загнан в угол суровым перекрестным допросом по скандальному контракту… о рубиновых рудниках Бирмы. Я повторяю свое прежнее убеждение в том, что для жесткой логики и забивания гвоздей Брэдло – наш человек. Он будет выкачивать кровь из камня. И я считаю его одним из наших самых ценных помощников (sic). Вы должны уговаривать и наставлять его»[413].

Следующий, 1888 год показал, что такая поддержка может оказаться для Конгресса заметным подспорьем в политической борьбе. Именно в этом году началось превращение Брэдло в «индийского чемпиона», отстаивавшего интересы Индии в парламенте. Темы, к которым он обращался в палате общин, были самыми разнообразными – снабжение индийской армии[414], военная экспедиция в Сикким[415], назначения бенгальских чиновников[416]. Большое внимание руководители Конгресса уделяли отчету комиссии о государственной службе, собранной в 1886 г. под председательством вице-губернатора Панджаба Ч. Эйтчисона для исследования вопроса о возможностях более широкого вовлечения индийцев в ряды управленцев. Комиссия внесла ряд предложений для «индианизации» службы,

---

412 Turrell R. V. Conquest and Concession. P. 156.
413 Dadabhai Naoroji Correspondence. P. 17.
414 Hansard’s Parliamentary Debates. London, 1888. Vol. 322. C. 993–994.
415 Hansard’s Parliamentary Debates. London, 1888. Vol. 324. C. 192.
416 Hansard’s Parliamentary Debates. London, 1888. Vol. 326. C. 1161.

но ряд требований (например, проведение одновременных испытаний на соискание должностей в Англии и Индии[417]) удовлетворен не был. Лидеры ИНК также пытались – с помощью Брэдло – поднять вопрос в парламенте о назначении королевской комиссии для расследования положения дел в Индии. ИПА распространяло заявления для членов парламента о необходимости созыва комиссии[418], указывая, что ее полномочия будут шире, нежели у любого парламентского комитета, но ходатайство Брэдло было отклонено. Не увенчались успехом и дебаты по индийскому бюджету. 9 августа, когда палата общин собралась для обсуждения бюджета, Брэдло выступил с просьбой обратить внимание собравшихся на жалобы индийцев, связанные с увеличением налогов[419]. Он говорил, что просьба о созыве королевской комиссии не получила ход вследствие несовершенства парламентской процедуры, но это требование все еще оставалось насущным – настолько, что его нельзя было рассматривать как партийный вопрос, потому что оно звучало не только из уст отдельно взятого радикала, но и с трибуны Национального Конгресса. Брэдло приводил многочисленные высказывания видных деятелей ИНК о том, что правительство Индии дезинформирует Лондон, что совет при государственном секретаре представляется индийцам крайне неэффективным органом, что аппарат управления слишком дорого обходится индийскому бюджету[420]. Но палата общин осталась глуха к его доводам. Впоследствии Д. Э. Вача сообщал, что «разочарован» результатом прений, однако признавал, что Брэдло «сделал все, что мог»[421].

Между тем, лекции Брэдло об Индии по-прежнему проходили с большим успехом. В августе «Нортгемптон меркьюри» сообщала:

«Во вторник вечером в ратуше состоялось большое общественное собрание на тему „Индийские ошибки и английское лекарство“... Интерес г-на Брэдло к этому вопросу, как известно, не нов. Несколько лет назад он прочитал в городе энергичную и убедительную лекцию на эту тему, главным образом в поддержку законопроекта Илберта, который лорд Рипон, вице-король, продвигал для реформы судопроизводства нашей великой Азиатской империи. Эта речь произвела трогательный эффект, и Корпорация официально обратилась с петицией в парламент по этому вопросу. Мистер Брэдло был в своей лучшей ораторской форме во вторник вечером. Его речь была местами возвышенно красноречивой, исполненной

417 Digby W. Two letters to the Right Hon. Viscount Cross, G. C. B., P. C., etc., Secretary of State for India on the Report of the Public Service Commission // Atheism and Anti-War Sentiments in the Bradlaugh Family, 1833–1948. 72979-C08.
418 India in England. Vol. 1. P. 92.
419 Ibid. P. 111.
420 Ibid. P. 113.
421 Dadabhai Naoroji Correspondence. P. 120.

глубокой серьезности, и на всем протяжении была великолепным призывом к справедливым требованиям Индийского конгресса. Достопочтенный депутат никогда за много лет не выступал в своем избирательном округе с такой силой, как в этот раз»[422].

Спустя два месяца[423] издание сообщало о том, что Брэдло подвергся критике в англо-индийской «Бенгал таймс». Эта газета утверждала, что лектор «языком, с которым мог бы соперничать уличный торговец» только лишь выбивал из слушателей подписку для покрытия своих долгов и показал себя беспринципным дельцом, преследовавшим свои корыстные интересы. Обозреватель «Нортгемптон меркьюри» утверждал, что проделанная Брэдло работа – лучший ответ критикам; однако и в рядах ИНК были сомнения касательно финансовой заинтересованности парламентария. В одном из писем Д. Э. Вача сообщал Наороджи о мнении У. С. Кейна, считавшего, что Брэдло не подходит для парламентской работы на пользу Индии, поскольку не будет работать, пока его «хорошо не проинструктируют». То есть, приходил к выводу секретарь Конгресса, «он может отстаивать наше дело, если ему щедро платят»[424]; Вача просил Наороджи убедиться в истинности этого суждения, поскольку не видел возможности «использовать Брэдло для нашей цели»[425] в случае, если подозрения Кейна окажутся верными.

Брэдло, постоянно испытывавший нехватку средств, не был, конечно, совершенно бескорыстен в своих восточных устремлениях. Впоследствии это проявилось и в поддержке махараджи Кашмира в 1889–1890 гг., ставшей одной из причин реорганизации ИПА, и в платной подаче петиций от лица индийских просителей. Однако в конце 1888 г. над Конгрессом сгустились тучи, и в это время парламентская помощь имела очень большое значение.

***

В начале своего долгого пути Конгресс пользовался благосклонностью колониальной администрации. Вице-король Дафферин содействовал его созданию, а резолюции, принятые на бомбейской сессии, находили сочувствие высшего чиновничества. В январе 1886 г. на заседании законодательного совета вице-король, в частности, заявил:

---

[422] Northampton Mercury. 1888. 25th Aug.
[423] Northampton Mercury. 1888. 27th Oct.
[424] Dadabhai Naoroji Correspondence. P. 132.
[425] Ibid.

«Я вижу, что такой разумный орган, как конгресс индийских делегатов, недавно состоявшийся в Бомбее, предвосхитил наши выводы и принял резолюцию, рекомендующую, за неимением других средств, распространить лицензионный налог на тех членов сообщества, которые до сих пор пользовались незаслуженным иммунитетом от визита сборщика налогов»[426].

Курс ИНК на медленное и постепенное развитие, умеренность требований и неизменная подчеркнутая лояльность британскому правлению способствовали тому, что образованная прослойка индийского общества начала рассматриваться в реформистских планах правительства по расширению и увеличению числа законодательных собраний в провинциях. Однако первые признаки грядущего осложнения отношений между Конгрессом и властью проявились уже в 1886 г. Причиной тому была серия анонимно изданных А. О. Юмом памфлетов, в которых генеральный секретарь ИНК критиковал Дафферина:

«Лорд Дафферин сам по себе, к сожалению, бюрократ по образованию; теоретически его симпатии принадлежат низшим национальностям; на практике же он всегда сохранял дружбу с их угнетателями. Он подобен другому хорошо известному ирландскому аристократу, который говорил, что, испытывая самое глубокое сочувствие к несчастьям бедных рабов, он всегда останавливался в домах рабовладельцев, поскольку их обеды и вина прекрасны, а женщины милы и выглядят как леди. В теории лорд Дафферин глубоко симпатизирует нашим страждущим миллионам, но на практике он поддерживает бюрократию, которая, будучи неподконтрольной могучему общественному мнению, что в Англии подавляет деспотические склонности, становится в Индии „самой большой чумой в жизни“»[427].

Хотя некоторое время спустя Юм утверждал, что непопулярность Дафферина является незаслуженной и происходит из неправильной интерпретации прессой его высказываний и поступков, вольно или невольно «отец Конгресса» сам внес известный вклад в оценку действий вице-короля индийской интеллигенцией, и Дафферин был оскорблен его нападками. Субъективный фактор соседствовал и с объективными причинами. В том же году в Северной Индии начала формироваться оппозиция Конгрессу, которую возглавил выдающийся мусульманский просветитель Саид Ахмад-хан.

Мусульманская община долгое время не принимала деятельного участия в политической жизни страны. В результате британского завоевания Индии мусульманские феодалы утратили свое привилегированное положение, а интеллигенция, не получавшая светского образования и не вла-

---

[426] Dufferin & Ava. Speeches delivered in India, 1884–8. London, 1890. P. 71.
[427] Юм А. О. Избранные произведения… С. 55.

девшая английским языком, лишалась возможности занимать должности в колониальной администрации. Поэтому мусульманские просветители видели путь политического и культурного возрождения общины в распространении светского европейского образования, сотрудничестве с колониальной администрацией и лояльности британской власти. Центром широкого просветительского движения стал Алигархский колледж, основанный Саидом Ахмад-ханом. В Алигархе Саид Ахмад-хан нашел верного союзника в лице директора колледжа Теодора Бека, бывшего приверженцем консервативных взглядов.

Хотя первая сессия ИНК не нашла никакого отклика у Саида Ахмад-хана, уже в 1886 г. он, наряду с другими мусульманскими деятелями, перешел в открытую оппозицию Конгрессу, поскольку считал, что политические дискуссии не могут привести к национальному прогрессу, единственный путь к которому лежит через распространение образования[428]. На втором мусульманском образовательном конгрессе в Лакхнау (1887 г.) Саид Ахмад-хан раскритиковал требования ИНК о расширении состава законодательных советов и проведении одновременных вступительных испытаний на должности в колониальном аппарате на том основании, что образованные индусы будут иметь преимущества перед мусульманами, если испытания начнут проводиться в Индии. Отказаться от посещения сессий Конгресса призывали мусульман бенгальские просветители Амир Али и Абдул Латиф-хан[429]. Т. Бек считал идею проведения национальных конгрессов удачной, но ставил под сомнение своевременность предложений ИНК. Говорить о введении в Индии представительных институтов (к чему стремился ИНК) было, по его мнению, преждевременно из-за невежества сельского населения, отсутствия в обществе класса, способного поставлять квалифицированные кадры для решения задач управления, а также этнической неоднородности страны[430]. В силу специфических индийских условий представительная система не могла быть «ни стабильной, ни беспристрастной», и поспешность в ее введении вылилась бы в «триумф анархии»[431].

В 1888 г. сессия Конгресса должна была состояться в Аллахабаде – столице Северо-западных провинций и Ауда. Среди мусульман этой провинции было особенно велико влияние Саида Ахмад-хана, поскольку здесь находился Алигархский колледж. Поэтому в 1888 г. антиконгрессистская пропаганда развернулась с особенной силой. В марте Саид Ах-

[428] Gopal R. Indian Muslims: A Political History (1858–1947). New York, 1959. P. 65.
[429] Source material for a history of the freedom movement in India (collected from Bombay Government Records). Bombay, 1958. Vol. 2: (1885–1920). P. 34.
[430] Beck T. Essays on Indian topics. Allahabad, 1888. P. 65.
[431] Ibid. P. 86–87.

мад-хан выступил в Мируте со ставшей знаменитой лекцией, которая легла в основу «теории двух наций» – взятой позднее на вооружение сторонниками создания Пакистана идеи о том, что индусы и мусульмане представляют собой две особые нации и должны жить в отдельных государствах. Он считал необходимым, «чтобы для мира Индии и для всестороннего прогресса в Индии английское правительство оставалось на многие годы – фактически навсегда»[432], тогда как предложения Конгресса были «крайне нецелесообразными для страны, населенной двумя разными народами, которые пьют из одного источника, дышат воздухом одного города и зависят в своей жизни друг от друга». «Разжигать неприязнь между ними» он считал неприемлемым, а деятельность ИНК, по его мнению, способствовала именно усилению межобщинных трений[433].

Возражения Саида Ахмад-хана нашли поддержку у колониальной администрации – в дискуссию о целях и методах Конгресса с А. О. Юмом вступил вице-губернатор Северо-западных провинций и Ауда О. Колвин. Юм рассчитывал, что Колвин, ранее благосклонно относившийся к Конгрессу, выскажется в его пользу или заявит о своей нейтральной позиции, и потому просил разрешения опубликовать переписку[434]. Однако тот выступил на стороне противников ИНК. Колвин, как и Т. Бек, критиковал конгрессистскую публицистику, распространявшуюся в Индии, на том основании, что она уделяла большое внимание недостаткам британского правления, игнорируя его достоинства[435]. Он высказывал точку зрения, что первые сессии ИНК были выдержаны в умеренном духе, однако памфлеты, включенные в отчет о сессии в Мадрасе 1887 г., выставляли «в ложном свете британскую администрацию в Индии» и призывали индийцев «приписывать ей страдания и обиды» народа[436].

В августе 1888 г. антиконгрессистская оппозиция оформилась в Объединенную индийскую патриотическую ассоциацию. Устав ассоциации провозглашал целью «издание и распространение памфлетов и других документов для информирования членов парламента, английских журналов и народа Великобритании» о ложности заявлений ИНК о его всенародной поддержке в Индии, сообщать точку зрения мусульманских и индусских организаций, оппозиционных Конгрессу, а также «стремиться

---

[432] Sir Syed Ahmed on the Present State of Indian Politics. Allahabad, 1888. P. 39.
[433] Ibid. P. 36–37.
[434] Martin B. Lord Dufferin and the Indian National Congress... P. 92–93.
[435] Юм А. О. Избранные произведения… С. 235.
[436] Там же. С. 228.

сохранить мир в Индии и укрепить британское правление»[437]. О поддержке ассоциации заявили пятьдесят три мусульманские организации, однако слово «объединенная» в названии свидетельствовало о том, что ее членами были также индусы, а секретарем стал англо-индиец Бек. Устав свидетельствовал, помимо прочего, и о том, что деятельность Конгресса в Англии и ее возможный успех вызывали опасение у сторонников Саида Ахмад-хана.

Наконец, в ноябре 1888 г., перед отъездом из Индии, Дафферин выступил в Калькутте с речью, в которой обрушил на Конгресс и получивших европейское образование индийцев жестокую критику. Он заявил, что из двухсотмиллионного населения Индии только несколько тысяч человек, знакомых с западными идеями, имеют соответствующую квалификацию для участия в государственном управлении, однако правительство не может предоставить этому микроскопическому меньшинству контроль над управлением страной, столь огромной и многообразной. Дафферин отказывался признать индийскую интеллигенцию «большим классом», полагая, что только впоследствии его рост и развитие приведет к накоплению необходимого опыта и осведомленности в государственных вопросах, но пока этого не произошло, образованные индийцы не могут претендовать на выражение интересов всего народа. Напротив, чрезмерные претензии патриотических ассоциаций играют на руку противникам британского правления в Индии, поскольку пытаются поставить под сомнение его беспристрастность[438].

Переходя к главному требованию Конгресса – введению представительных учреждений – Дафферин указывал на невозможность осуществления этого в существующих условиях в силу огромной численности населения и замкнутых, непохожих друг на друга национальностей. По его мнению, сила и могущество Британской империи не могли быть использованы для доминирования «одной расы, одного интереса, одного класса, одной религии»[439], и потому деятели национального движения должны были осознать, что в «их особом движении не может быть большего благословения для страны, чем присутствие внешнего, беспристрастного и непререкаемого авторитета»[440], которым выступала империя. Вице-король признавал, что первоначально надеялся на то, что Конгресс будет обращать внимание общественности на насущные проблемы соци-

[437] Showing the seditious character of the Indian National Congress and the opinions held by eminent natives of India who are opposed to the movement. Allahabad, 1888. Appendix. P. I.
[438] Dufferin & Ava. Speeches delivered in India, 1884–8. P. 239–240.
[439] Ibid. P. 240.
[440] Ibid.

ального характера, однако тот сосредоточился на распространении «среди тысяч и тысяч невежественных и доверчивых людей публикаций», разжигающих ненависть к правительству и государственным служащим[441]. При этом, однако, Дафферин заявлял о своей поддержке стремления образованных классов приобщиться к участию в делах страны и выражал надежду на то, что их «законные и разумные амбиции» найдут со временем «законное удовлетворение»[442].

В том же месяце Дафферин повторил свои сомнения в меморандуме, посвященном грядущей реформе законодательных советов:

> «Факт состоит в том, что Конгресс – продукт лишь той бесконечно малой части индийского сообщества, о которой я говорил как о сформировавшейся – прямо или косвенно – под влиянием европейского образования, европейских политических идей и европейской литературы. Они не представляют аристократическую часть индийского общества и не имеют особых связей или сочувствия к огромным массам населения; они не понимают их желаний или нужд, если не безразличны или даже враждебны им – как показало недавнее упорное сопротивление важных туземных ассоциаций нашим недавним земельным реформам, – и они крайне не подготовлены для понимания любого более масштабного вопроса, затрагивающего стабильность или безопасность империи в целом»[443].

Речь вице-короля вызвала в палате общин множество вопросов. 4 декабря Дж. Маклин, депутат от Олдхэма, подал письменный запрос заместителю госсекретаря о том, обратил ли он внимание на слова Дафферина о Национальном конгрессе, не является ли упомянутый им «главный секретарь» автором «крамольных памфлетов» англичанином Юмом, сообщили ли власти правителям княжеств о вреде, причиняемом «революционными выступлениями делегатов Конгресса», и какие шаги в этих обстоятельствах правительство Индии намерено предпринять в отношении дальнейших собраний Конгресса[444]. Брэдло оспорил запрос на том основании, что тот содержал «спорные утверждения»[445], и спикер палаты принял его сторону, отложив подачу запроса на следующее заседание. На заседании 6 декабря Маклин подал скорректированный запрос, однако и нортгемптонский депутат подготовился к новому столкновению. В своем запросе он апеллировал к мнению судьи Р. Гарта, несколькими месяцами ранее опубликовавшего памфлет в защиту Конгресса. На запрос Маклина заместитель госсекретаря ответил, что князей и лидеров индийских му-

---

441 Ibid. P. 243.
442 Ibid. P. 245.
443 TNA. CAB 37–25–33. P. 9.
444 Hansard's Parliamentary Debates. London, 1888. Vol. 331. C. 1017–1018.
445 Ibid. C. 1018.

сульман предостерегли относительно ИНК, но он еще не получил никаких указаний относительно намерений правительства Индии в отношении других заседаний Конгресса[446].

Сменивший Дафферина на посту вице-короля лорд Лэнсдаун действительно был противником идеи запрета Конгресса, полагая, что образованная прослойка индийского общества уже стала политическим фактором, с которым приходилось считаться[447]. Поэтому аллахабадская сессия, несмотря на противодействие ведомой Саидом Ахмад-ханом ассоциации, призывавшей мусульман держаться в стороне от Конгресса, нападки англо-индийской прессы и обвинения вице-короля, прошла с большим успехом. Конгресс посетило свыше тысячи человек, среди них было множество мусульман, присутствовали сикхи, джайны, парсы и европейцы[448]. Сессия завершилась многократным «ура» в честь королевы-императрицы, Гладстона, Юма, лордов Рея и Коннемара, и – Брэдло.

[446] Ibid. С. 1248–1249.
[447] Mishra J. P. Lansdowne and the Indian National Congress // Quarterly review of historical studies. 1968. Vol. 8 (2). P. 84.
[448] Report of the Fourth Indian National Congress. [S. l.], 1889. P. 4.

Глава 7. «Индийский чемпион»: сессия в Бомбее

Аллахабадская сессия подтвердила принятую на втором Конгрессе (1886 г.) схему реформы законодательных советов[449]. Агитация и борьба за эту схему, предполагавшую расширение законодательных советов в индийских провинциях и введение в них выборного элемента, составили важнейшую часть деятельности ИНК на рубеже 1880-х – 1890-х гг. В Англии, где решалась судьба Индии, эту агитацию вело политическое агентство. У. Дигби, секретарь ИПА, посетил сессию в Аллахабаде. Там он тесно общался с А. О. Юмом, призывавшим к усилению агитации в Британии. Юм считал, что единственная надежда на успех дела Конгресса лежит в пробуждении у английской общественности чувства, что британское правление в Индии имеет множество недостатков, требующих исправления.

Одним из способов агитации были, конечно, публичные выступления. Для Брэдло, опытного лектора и оратора, это была родная стихия. Атака Маклина на Конгресс подарила ему новую тему для лекций по индийскому вопросу. Так, в январе в Манчестере Брэдло выступал на тему «Жалобы Индии». Он объяснял слушателям, что Индия не имеет представителей в парламенте, и потому был нужен созыв Королевской комиссии для изучения положения в стране, но правительство отклонило его запросы в палате общин. ИНК и народ Индии требовали созыва такой комиссии, и даже консерваторы (Р. Гарт) признавали необходимость реформ. Однако Маклин полагал, что расследование комиссии вызовет излишнее брожение в умах. Брэдло же считал созыв комиссии необходимым, поскольку Индия страдала от чрезмерных налогов и дороговизны администрации[450].

Несколько дней спустя, в Ньюкасле, Брэдло говорил об ошибочной оценке Дафферином Конгресса и разъяснял, что «образованные и лояльные» индийцы борются за искоренение варварских обычаев древности. Характерной чертой лекций Брэдло был его тезис о том, что Британия «подняла Индию из хаоса и нищеты» и не может позволить ей вернуться в прежнее состояние[451].

Множество сторонников и активных деятелей Конгресса собрал митинг в Национальном либеральном клубе в честь Дадабхая Наороджи. Там присутствовал У. Уэддерберн, Брэдло, историк У. Хантер; председателем собрания выступил Рипон[452].

---

449 См. Приложение.
450 Manchester Courier and Lancashire General Advertiser. 1889. 14th Jan.
451 Newcastle Evening Chronicle. 1889. 21st Jan.
452 South Wales Daily News. 1889. 22nd Jan.

Присутствие Дадабхая Наороджи вообще приковывало к проконгрессистским собраниям большое внимание прессы. «Виной» тому был инцидент, связанный с участием «Великого старца Индии», как называли Наороджи на родине, в парламентских выборах. В 1886 г. он выступал в качестве либерального кандидата в округе Холборн, где традиционно были сильны консерваторы, и уступил. Наороджи, анализируя итоги кампании, пришел к выводу, что

«...достойный индийский кандидат имеет такие же шансы, как и англичанин, и даже некоторое преимущество перед англичанином, поскольку у английских избирателей есть… искреннее желание оказать Индии любую помощь, на которую они способны»[453].

Но премьер-министр, консерватор Солсбери, придерживался иного взгляда на результат выборов. Оценивая победу оппонента Наороджи Дункана, Солсбери в одной из речей в ноябре 1888 г. сказал:

«Полковнику Дункану противостоял чернокожий; и каким бы великим ни был прогресс человечества и как бы далеко мы ни продвинулись в преодолении предрассудков, я сомневаюсь, что мы уже дошли до точки зрения, позволившей бы британскому избирательному округу избрать чернокожего»[454].

Такие слова из уст известного и последовательного империалиста едва ли могли удивить кого-либо в эпоху поздневикторианского джингоизма; но «проблема» состояла в том, что Наороджи был парсом и цветом кожи не отличался от премьер-министра Великобритании. То, что было известно избирателям, не было известно тому, кого они привели в министерское кресло.

Между тем, Конгресс привлекал внимание и в палате общин. В марте полковник Э. Хьюз поставил перед Дж. Горстом вопрос о том, известно ли министерству, что среди индийцев распространяется «Катехизис Конгресса», в котором содержится следующий диалог:

«Рамбакш: Но, конечно же, вы не хотите, чтобы мы объединились и сражались с Сиркаром[455]. Что мы будем делать, если убьем всех европейцев? Начнется анархия (гхадер), так уже бывало, когда я был молод. Вы не можете так думать.

Моулви Фаридаддин: Не дай Бог! Это был бы грех. Почему мы должны убивать бедных европейцев? Многие из них действительно хорошие люди, большин-

---

453 Essays, speeches, addresses and writings (on Indian politics) of the Hon'ble Dadabhai Naoroji. Bombay, 1887. P. 317.

454 Masani P. R. Dadabhai Naoroji… P. 263.

455 Правительство.

ство из них хотят нам добра. Они, конечно, не разбираются во многих вопросах, что волнуют нас. Они ошибаются, они причиняют нам страдания, но делают это из-за невежества – из-за невежества, неизбежного в системе, где они работают и где даже при большом желании не смогут ничего изменить без нашей помощи. Кроме того, хотя мы, новое поколение, растем, чтобы помочь им и сделать многое для страны, мы все вместе не имеем достаточного опыта и уверенности в себе для того, чтобы управлять самим, без их помощи. Убить европейцев? Нет, Рамбакш, мы, скорее, скажем: „Да хранит Бог всех из них (а таких много), кто в сердце хранит доброжелательность к нам и хорошо отно-сится к нам, и да простит Бог тех (и будем надеяться, что их *не* так много), кто не любит и презирает нас, и не волнуется о том, что с нами будет“»[456].

Полковник был крайне обеспокоен тем, предприняло ли правительство какие-либо меры для наказания авторов цитируемого памфлета, однако в своем рвении упустил из виду, что в «Катехизисе»[457] не было приведенного отрывка. Брэдло в ответном запросе справедливо указывал, что цитата взята из другой конгрессистской брошюры[458] и, кроме того, появлялась в опубликованной в конце 1888 г. переписке между О. Колвином и А. О. Юмом. Дж. Горст признал, что Брэдло прав и лучше осведомлен в вопросе, нежели полковник Хьюз, но указывал, что «предыдущий вице-король» (Дафферин) считал памфлеты Конгресса «сомнительными»[459]. На возражения Брэдло о том, что Дафферин выражал надежду на лояльность ИНК, Горст потребовал письменного запроса, но при этом «от имени государственного секретаря» заявил, что правительство не намерено присоединяться к огульному осуждению Конгресса[460].

В том же месяце Брэдло поднял в палате и вопрос о реформе законодательных советов[461]. Пусть его запрос и носил сугубо технический характер (он спрашивал Горста, когда будут рассматриваться предложения Дафферина относительно реформы), всё свидетельствовало о приближении новых изменений в системе управления Индией, и лидеры Конгресса были полны решимости отстаивать свои взгляды. В начале апреля Д. Э. Вача сообщал Наороджи о том, что предварительная схема, объявленная

---

[456] Hansard’s Parliamentary Debates. London, 1889. Vol. 333. C. 825–826 ; см. также: Юм А. О. Избранные произведения… С. 187–188.

[457] Вир Рагхава Чарьяр. Тамильский катехизис Индийского национального конгресса // Юм А. О. Избранные произведения… С. 344–362.

[458] Беседа между моулви Фаридаддином, магистром искусств, бакалавром права, вакилом Высокого суда, практикующим в окружном суде Хакикатабада, и Рамбакшем, одним из мукаддамов Камбахтпура // Там же. С. 163–195.

[459] Hansard’s Parliamentary Debates. Vol. 333. C. 826.

[460] Hansard’s Parliamentary Debates. Vol. 333. C. 827.

[461] Hansard’s Parliamentary Debates. London, 1889. Vol. 334. C. 51.

вице-королем Лэнсдауном, предполагает введение интерпелляции и права обсуждения годового бюджета Имперским законодательным советом, но сохраняет систему выдвижения его членов правительством[462]. Вача считал подобную систему неприемлемой и настаивал на введении выборного элемента с тем, чтобы избиралось не менее половины членов совета. Зачатки электоральной системы, существовавшие в муниципалитетах, торговых палатах и т. п., следовало распространить и на законодательные органы. Право интерпелляции, которого ИНК требовал с момента создания, должно было быть реальным: Вача считал, что правительство не согласится давать ответы на запросы по разорительной военной и внешней политике, хотя именно она являлась причиной «корнем всех дефицитов и хронических затруднений индийской казны»[463]. Вместе с тем, секретарь Конгресса выражал надежду на то, что ИНК сумеет провести «хорошую агитацию в парламенте и добиться упорной борьбой всех наших разумных требований»[464]. Требования Конгресса становились известными в Англии, и Вача видел в этом благоприятный момент для того, чтобы одновременно с законодательными советами реформировать и лондонский Индийский совет при государственном секретаре:

«Тогда будущие реформы будут проводиться с большей готовностью и легкостью. Сейчас министерство по делам Индии очень сговорчиво, поскольку чувствует, что его не трогают. Но так не может быть…Об этом должен хорошо помнить Дигби, об этом не должен забывать Брэдло»[465].

Дигби и Брэдло и в самом деле не сидели сложа руки. Первый неистовствовал на публицистическом фронте: его «Меморандум Индийского политического агентства о реформе советов»[466] в который раз призывал парламентариев обратиться к индийским проблемам и принять конгрессистскую схему реформ, умеренность и разумность которой Дигби доказывал через сравнение предложений ИНК и высказываний лорда Дафферина[467], делая вывод, что идеи Конгресса вполне соответствуют намерениям бывшего вице-короля. Дигби заявлял о неверной интерпрета-

[462] Комитет при правительстве Дафферина, назначенный для рассмотрения вопроса о расширении провинциальных законодательных советов, также считал, что потомственная аристократия и крупные землевладельцы должны принимать участие в советах «независимо от народных выборов» (TNA. CAB 37–25–33. P. 2).
[463] Dadabhai Naoroji Correspondence. P. 152.
[464] Ibid.
[465] Ibid.
[466] India in England. Vol. 2. P. 18–25.
[467] Несколько позже Брэдло использует сделанное Дигби сравнение в своей статье о сессии ИНК 1889 г.: см. Приложение.

ции слов Дафферина о Конгрессе как враждебных движению[468] и выражал надежду, что ходатайство Брэдло в этой связи найдет понимание у членов палаты. Убежденность Дигби подкреплялась еще и верой (почти пророческой!) в то, что «прогресс по линиям, намеченным Конгрессом, неизбежен»[469].

Брэдло также непрестанно пытался склонить парламент к рассмотрению индийских жалоб. Его апрельское ходатайство по этому вопросу предлагало палате согласиться с тем, что

> «...настало время сделать следующий шаг в деле расширения самоуправления в Индии, посредством которого ее способные, влиятельные, образованные уроженцы получили бы более широкие возможности участия в управлении общественными делами в своей собственной стране; что для достижения этой цели желательно расширить состав и реформировать процедуру верховного и законодательных советов; что половина членов таких советов должна избираться по округам, включающим индийцев с состоянием, определенным образованием, членов муниципальных и прочих организаций, европейских и индийских торговых палат и т. п.; что этим расширенным советам будет дано право запрашивать власти по вопросам, представляющим общественный интерес, обсуждать соответствующие бюджеты и инициировать законопроекты, которые, во-первых, не будут затрагивать внешнюю политику, во-вторых, не будут затрагивать финансы империи; и – существует общее согласие среди европейцев, как официальных, так и неофициальных лиц, и индийцев всех классов в отношении реформ, которые следует провести, – что государственный секретарь по делам Индии должен предпринять шаги, позволившие бы палате рассмотреть меры для воплощения этих мнений»[470].

Такая формулировка, по мнению Брэдло, снимала возражения, появившиеся при обсуждении возможности назначения королевской комиссии, что нововведения такого рода нанесут ущерб вице-королевской власти. Определенную сложность он видел в том, что ходатайство попало на рассмотрение в преддверии Пасхи; что же касается содержательной части, проблемы могли возникнуть с требованием выборного принципа, однако Брэдло считал, что без него никакая реформа не будет удовлетворительной[471].

---

[468] Следует, однако, учитывать, что публичные высказывания лидеров Конгресса о Дафферине порой разительно отличались от тех критических высказываний о нем, которыми изобилует их личная переписка. См., например, Dadabhai Naoroji Correspondence. P. 169.
[469] Ibid. P. 24.
[470] Northampton Mercury. 1889. 6th April.
[471] Ibid.

Газеты тем не менее сообщали, что правительство смотрит на его ходатайство «без какой-либо благосклонности»[472]; помимо прочего, ИПА приходилось отбиваться от нападок оппонентов, обвинявших агентство в финансировании «индийского чемпиона». Дигби сообщал в прессе о бескорыстном интересе парламентария к индийским проблемам – ИПА не возмещало даже расходы на поездки Брэдло по стране с лекциями. Секретарь агентства указывал также на несостоятельность оппозиции, неспособной, несмотря на присутствие в ее рядах индийской аристократии, организовать печатную агитацию, тогда как ИНК распространял тысячи памфлетов в Индии и Англии[473].

И все-таки ходатайство Брэдло было отклонено; переписка Вача и Наороджи, впрочем, показывает, что на общем положительном настрое лидеров Конгресса это не особенно отразилось[474], – было совершенно очевидно, что реформа советов в той или иной форме неизбежна. Более того, Дж. Горст в ответ на действия Брэдло заявил:

«Достопочтенный член [Брэдло] обвинил правительство в том, что оно недружелюбно смотрит на стремление туземцев получить долю в управлении их страной. Но правда состоит в том, что нельзя было выдвинуть более прискорбного обвинения. Это неправда. Не только политика нынешнего правительства, но и политика всех правительств Индии за последние тридцать лет состояла в том, чтобы предоставить уроженцам Индии не просто долю в управлении, но, насколько это возможно, позволить им управлять их собственными делами»[475].

Высшие слои колониальной администрации, таким образом, понимали необходимость реформирования системы управления. Помимо Дафферина свои соображения по поводу реконструкции советов высказывал губернатор Мадраса лорд Коннемара, полагавший, что выборы части членов должны применяться не только в отношении центрального совета, но и провинциальных[476]. Бомбейский губернатор, лорд Рей, взывал к осторожности:

«Дело о так называемых представительных институтах в Индии требует очень тщательного рассмотрения, дабы оно не стало горьким разочарованием. О представительном правительстве, которое мы имеем в Англии, не может быть и речи…»[477]

---

[472] Shields Daily Gazette. 1889. 1st April.
[473] Northampton Mercury. 1889. 13th April.
[474] Dadabhai Naoroji Correspondence. P. 156.
[475] Speeches delivered at luncheon given in honour of sir W. Wedderburn… P. 17.
[476] TNA. CAB 37–25–33. P. 14.
[477] Ibid. P. 15.

Рей видел в реформе советов средство приобщения индийцев к управлению делами страны, которое показало бы «туземным лидерам общественного мнения» действительные трудности управления[478].

Государственный секретарь по делам Индии, виконт Кросс, считал речь и меморандум Дафферина весомыми аргументами против введения выборного элемента как не отвечающего индийским реалиям. Он выступал за придание советам «представительного характера», исключавшего, однако, выборность членов – муниципалитеты и университеты по просьбе вице-короля должны были номинировать возможных кандидатов, но право выбора оставалось за колониальными властями[479]. В результате и среди правителей Индии не было единства мнений, а это создавало некоторый простор для предложений.

Уже летом Брэдло представил в палате петицию, подписанную двадцатью тысячами жителей Индии, с просьбой внести изменения в закон об индийских советах 1861 г. в сторону расширения представительного элемента[480]. К осени же предложения Конгресса в исполнении Брэдло начали приобретать зримые очертания. Он подготовил проект билля о внесении поправок в закон 1861 г. и опубликовал его с комментариями в индийской прессе для замечаний и критики[481].

Проект следовал в русле предварительной схемы, принятой на сессии ИНК 1887 г. Брэдло предлагал утвердить состав имперского законодательного совета в следующей пропорции: четверть его должны были составлять чиновники, включая генерал-губернатора (вице-короля) и членов его исполнительного совета, четверть – назначаемые генерал-губернатором члены, половина – избираемые неофициальные лица, т. е. те, «кто в момент избрания не состоит на гражданской или военной службе короны в

---

[478] Ibid. P. 17.

[479] Ibid. P. 18.

[480] Petition № 4645, 20th June 1889: Inhabitants of Calcutta, the districts of twenty-four Purgannahs, Nuddea, Jessore, Khulaa, Moorshedabad, Hugly, Hourah, Miduapur, Birbhoom, Ragshye, Dinagepur, Rangpur, Bogra, Pabna, Mymensingh, Backergange, Jipperah, Noakhdi, and Hazaribagh, in the Bengal Residency, East Indies // UK Parliamentary Papers. URL: https://parlipapers.proquest.com/parlipapers/docview/t110.d110.pet_0645_000539_0001?accountid=12801

[481] Sajunlal K. A. Mr. Charles Bradlaugh, M.P. and the Indian National Congress. P. 523–535.

Индии»[482]. Характерно, что проект, подобно конгрессистской схеме[483], не указывал число членов совета.

Совет собирался на три года, по истечении которых проводились новые выборы и назначения. Члены действующего совета имели право быть переизбранными или назначенными повторно. Регулярные сессии проводились в Калькутте в период с декабря по март, но по важным и экстренным вопросам совет мог быть созван в любое время в одном из центральных городов.

Проект предполагал сложную процедуру избрания неофициальных членов. Их избирала группа представителей провинциальных советов, специально избранных для этой цели. Таким образом устранялся «элемент случайности», и в совет могли попасть только обеспеченные, знатные и уважаемые деятели «соответствующей квалификации» – впрочем, «без различия расы, вероисповедания, касты или цвета кожи»[484]. Член совета мог снять с себя полномочия или поступить на государственную службу, в этом случае его место оставалось вакантным. Тогда генерал-губернатор мог назначить на вакантное место любое лицо, не нарушая пропорции неофициальных членов, или передать право выбора электоральному органу президентства или провинции, от которых был избран указанный член совета. Вместе с тем, отсутствие членов совета (и нарушение вследствие этого пропорции официальных и неофициальных лиц) на момент принятия закона не делало последний недействительным – в том случае, если он был принят в соответствии с правилами и положениями совета.

14 пункт проекта вводил право интерпелляции. Член совета («после надлежащего уведомления»[485]) имел право обратиться с запросом к любому из входящих в состав совета по должности чиновников и получить ответ на свой запрос вместе со всеми копиями необходимых документов. Интерпелляция не распространялась на вопросы внешней политики и военной администрации, а также на все иные, ответ на которые, по мнению исполнительной власти, мог создать угрозу государственным интересам.

Генерал-губернатор в исполнительном совете мог отклонить любое принятое большинством голосов законодательного совета решение, если считал, что такое решение нанесет ущерб государственным интересам. В этом случае большинство членов законодательного совета имело право ходатайствовать (через посредство правительства Индии и государствен-

---

[482] Bradlaugh C. Memorandum to accompany draft of a bill for Reforming the Supreme and Provincial Legislative Councils of India // Atheism and Anti-War Sentiments in the Bradlaugh Family, 1833–1948. 72979-C08. P. 6.
[483] См. Приложение.
[484] Ibid. P. 6.
[485] Ibid. P. 8.

ного секретаря) о назначении постоянного комитета в парламенте для рассмотрения отклоненного вопроса.

За участие в делах совета члены не получали жалования, однако те из них, которые уже служили на тех или иных постах, продолжали получать плату за службу как и прежде.

Далее Брэдло переходил к провинциальным советам. Проект предполагал, что они будут действовать в Мадрасе, Бомбее, Бенгалии, Северо-Западных провинциях и Ауде, Панджабе, Центральных провинциях. Как и в центральном совете, в их ведении было законодательство в области бюджетов и налогообложения, но не вопросы внешней политики и военной администрации. Решения провинциальных советов также могли быть отклонены исполнительными властями провинций и таким же образом, как и в центральном совете, могли быть обжалованы в парламентском комитете.

Члены провинциальных советов были выборными. Ими могли стать члены местных органов самоуправления, муниципалитетов или ассоциаций, выпускники университетов. Избирателями выступали члены местных органов самоуправления, муниципалитетов, «должным образом избранные или назначенные в них»[486], представители торговых палат и плантаторских ассоциаций, а также иных организаций подобного рода. Список организаций, равно как и перечень выпускников университетов, ежегодно обновлялся и публиковался в правительственном вестнике (Government Gazette) каждой провинции. Выборы проводились путем тайного голосования; кандидатам требовалось набрать простое большинство голосов. Здесь Брэдло предлагал и еще один вариант, согласно которому несколько электоральных органов избирали одного члена совета.

В меморандуме, сопровождавшем проект, Брэдло указывал, что данная схема не учитывает всех возможных деталей и не включает всех требований Конгресса. В частности, требование о проведении одновременных вступительных испытаний предполагалось оформить в виде отдельного законопроекта[487]. Относительно числа членов в советах Брэдло писал, что Конгрессу следует указать желаемое количество для каждого из них[488]; из нескольких возможных вариантов выборной процедуры для провинциальных советов Брэдло предлагал ИНК выбрать наиболее приемлемый – с возможностью подготовить новый проект, учитывающий эти пожелания489.

[486] Ibid. P. 10.
[487] Ibid. P. 1.
[488] Ibid. P. 2.
[489] Ibid. P. 4.

Одна из бенгальских газет, «Сандживани», критиковала схему Брэдло за то, что число выборщиков будет крайне незначительным, и за право вето генерал-губернатора[490]. Но именно в этом и проявлялась основная черта программы Конгресса того времени – умеренность и лояльность, постепенность развития, боязнь социальных и политических потрясений. В недрах национального движения уже созревало революционно-демократическое направление, но его время еще не пришло. Умеренная же «олигархия» Конгресса считала путь, изложенный в проекте Брэдло, наиболее оптимальным для Британской Индии.

***

Но парламентской борьбе не было суждено развиваться по намеченному плану. В октябре Брэдло тяжело заболел – сказалось многолетнее напряжение и непрестанные схватки на политической арене. На протяжении 1880-х проблемы со здоровьем неоднократно давали о себе знать, но на этот раз вопрос стоял о жизни и смерти. Индия с волнением наблюдала за ситуацией – по словам Д. Э. Вача вся она, «до единого человека», была шокирована известием о болезни «индийского чемпиона»[491]. Пресса публиковала отчеты о состоянии его здоровья; даже газета Алигархского колледжа, не испытывавшая теплых чувств к конгрессистскому движению, извещала о нем своих читателей[492].

На сей раз жизнь победила. Брэдло пошел на поправку, но дабы ускорить процесс выздоровления, было принято решение совершить поездку в Индию. Он давно намеревался посетить свой «избирательный округ», однако этому препятствовала постоянная нехватка средств. Путешествие спонсировал коллега-парламентарий У. Макьюэн, и новость о грядущем визите «индийского чемпиона» взбудоражила Индию не меньше, чем недавние новости о его болезни. «Кайсар-и-Хинд» призывала организовать встречу и приветственный адрес[493]; орисская «Самвадбахика» сообщала о «чувстве энтузиазма», охватившем издателей местных газет в связи с предполагаемым визитом Брэдло[494]. Солидная «Таймс оф Индия» сухо

[490] Report on native papers for the week ending 30th November 1889 [Bengal]. URL: https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.26164846
[491] Dadabhai Naoroji Correspondence. P. 196.
[492] Aligarh Institute Gazette. 1889. 19th Nov.
[493] Report on native papers published in the Bombay Presidency for the week ending 30th November 1889. URL: https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.25635790
[494] Report on native papers for the week ending 23th November 1889 [Bengal]. URL: https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.26164845

извещала читателей о том, что Брэдло и Уэддерберн – президент сессии – отправятся в путь 28 ноября[495].

23 декабря Брэдло достиг Бомбея. Здесь на него обрушились бесчисленные послания, предложения, подарки; восторг местных жителей был столь велик, что он сообщал дочери Гипатии: «Бедные индусы, похоже, склонны чуть ли не поклоняться мне»[496].

В архиве Национального секулярного общества сохранилось множество[497] приветственных посланий в адрес «члена парламента от Индии», написанных в подлинно восточном стиле:

«Мы, нижеподписавшиеся, осмеливаемся обратиться к вам теперь, когда вы прибыли в страну, чьи ежедневные, даже ежечасные жалобы вы… постоянно представляете перед Парламентом Ее Императорского Величества Королевы-Императрицы и перед широкой английской общественностью, дабы добиться их удовлетворения, чтобы выразить от имени Клуба доброжелателей Чинсуры свою искреннюю и подлинную радость по поводу вашего недавнего выздоровления от тяжелой болезни и, наконец, что не менее важно, по поводу вашего августейшего присутствия в Бомбее в то время, когда лучшее и величайшее из наших общественных собраний – Индийский национальный конгресс – заседает ради своего труда любви»[498].

Жители Панджаба писали:

«Мы не можем в достаточной мере выразить нашу радость по поводу того, что нам посчастливилось увидеть вас среди нас. Мы, жители Востока, – импульсивная раса, и когда мы идем, чтобы выразить свою благодарность и любовь, нам действительно не хватает слов, чтобы дать выход нашим глубоким чувствам – факт, которым мы весьма гордимся. Обращаясь к вам с этим посланием, мы глубоко сознаем большие заслуги, которые вы оказали нашей стране в парламенте и вне его. Индия обрела в вас голос; это голос народа и, следовательно, голос Бога. Мы твердо убеждены, что великая английская нация в конечном счете воздаст должное нам как нации, которой мы надеемся вскоре стать под влиянием и руководством тех благородных англичан, главой которых вы являетесь. Желаем вам долго жить и творить добро падшему человечеству, поскольку нет лучшего, более верного и долговечного памятника, воздвигнутого в память о героях мира.

---

[495] The Times of India. 1889. 13th Nov.
[496] Tribe D. President Charles Bradlaugh, M.P. P. 279.
[497] Д. Э. Вача утверждал, что всего их было более тысячи: Dadabhai Naoroji Correspondence. P. 203.
[498] To Charles Bradlaugh Esq., M. P,, Member for Northampton in the British House of Commons [from the Well-wishing Club, Chinsurah, Bengal, 20th Dec. 1889] // Atheism and Anti-War Sentiments in the Bradlaugh Family, 1833–1948. 72979-A07.

В знак нашего восхищения и уважения к вам мы просим наше скромное подношение в виде художественной бумаги, на которой можно увидеть ваше имя, если поднести ее к свету»[499].

Члены мадрасской Махаджана Сабхи (одной из влиятельных патриотических ассоциаций Южной Индии) оценивали вклад Брэдло в поддержку требований индийского народа:

«За вашу бескорыстную защиту их требований, основанную на непререкаемых требованиях человеческого прогресса и торжественных обещаниях их королевы..., чьи призывы к справедливости вызвали широкий отклик с тех пор, как вы пробудили народы Великобритании к сочувственному признанию потребностей Индии, ваше имя навсегда останется в памяти в самом гордом и самом нетленном из человеческих домов – в сердцах и традициях любящего и благодарного народа»[500].

Члены Ассоциации Ориссы выражали свою благодарность за парламентскую работу «индийского чемпиона»:

«Ваши усилия в Англии по реформированию Законодательного совета Индии, неустанная бдительность, с которой вы следите за интересами двухсот пятидесяти миллионов ее жителей, и ваше искреннее желание улучшить британскую администрацию, чтобы сделать ее достойной благородной британской нации, сделали ваше имя любимым не только для каждого индийца, но для всех, кто заинтересован в благополучии Индии»[501].

В том же ключе высказывались и руководители Пуна сарваджаник сабхи:

«Как вы сами всегда утверждали, реформа законодательных советов является первым и наиболее важным предварительным этапом всех других реформ в Индии, и поэтому она, естественно, занимает почетное место в программе наших Национальных конгрессов. Ваш законопроект является убедительным свидетельством того факта, что вы глубоко и тщательно изучили вопрос о наших законодательных советах, и мы рады узнать, что в этом году Конгресс будет иметь честь услышать от вас официальное заявление по этому вопросу. Говорят, что сам государственный секретарь по делам Индии намерен внести на следующей сессии законопроект о реформе законодательных советов... Однако есть опасения, что

---

[499] From the Citizens, Umballa Cantonment (Punjab) to the Hon'ble Charles Bradlaugh, M. P. // Ibid.

[500] To Charles Bradlaugh Esq., Member for Northampton in the Parliament of Great Britain and Ireland [from The Mahajlna Sabha of the City of Madras] // Ibid.

[501] To Charles Bradlaugh Esqre, M. P., Bombay [from Orissa Association, 23rd Dec. 1889] // Ibid.

сугубо официальная мера будет сформулирована в соответствии с принципами, которые не признают основного требования народа нашей страны, а именно: направить избранных представителей в законодательный орган, и мы полностью полагаемся на ваши усилия по расширению сферы действия меры, чтобы привести в действие единодушные резолюции Конгрессов последних четырех лет, одобренные английскими торговыми палатами во всех городах нашего Президентства»[502].

Послания были украшены золотом, серебром и слоновой костью, изготовлены на тонко выделанной коже, сопровождались богатыми дарами – Брэдло был вынужден даже поселиться в одной комнате с английским другом, чтобы при свидетелях отказываться от неприлично роскошных подношений и «жить как старый Брэдло»[503].

Главной целью визита были, конечно, не подарки и восторженные письма, а выступление на пятой сессии Индийского национального конгресса.

Формально послание Брэдло не входило в официальную программу мероприятий сессии[504]. Она открылась 26 декабря обычной процедурой – выступлением председателя приемного комитета (коим на этот раз был Ферозшах Мехта) и выборов (или, точнее, утверждения кандидатуры) президента – Уильяма Уэддерберна, недавно оставившего гражданскую службу и имевшего возможность посвятить свое время «индийскому делу». Уэддерберн в 1889 г. стал главой Британского комитета ИНК – нового лондонского подразделения, которое, в отличие от ИПА, не «распылялось» на всевозможные проблемы, связанные с Индией, а действовало (или, по меньшей мере, декларировало это) в соответствии с генеральной линией Конгресса. Уэддерберн был хорошо известен и своей службой, и конгрессистской работой в Англии, и потому его выдвижение в президенты ИНК было тепло воспринято индийскими сторонниками Конгресса.

Пятая сессия подтвердила тенденцию к росту популярности ИНК в Индии. Делегатами ее числились свыше двух тысяч человек, около двух с половиной тысяч были сторонними наблюдателями[505]. Ключевым вопросом сессии была, безусловно, реформа советов. Вторая резолюция[506] представляла детальный набросок пожеланий ИНК в отношении будущей реформы – именно об этом просил Брэдло в октябрьском меморандуме).

---

502 To the Honourable Chas. Bradlaugh, M. P. [from Sarvajanik Sabha, Poona, 28th Dec. 1889] // Ibid.

503 Tribe D. President Charles Bradlaugh, M.P. P. 279.

504 Генеральный секретарь ИНК А. О. Юм считал, что выступление Брэдло в качестве делегата было бы нецелесообразным: Dadabhai Naoroji Correspondence. P. 203.

505 Report of the Fifth Indian National Congress. P. 1.

506 См. Приложение.

Согласно этому документу, предполагались определенные пропорции числа избирателей к общей численности населения и меры для справедливого представительства меньшинств. Предметному комитету (резолюция 11) поручалось разработать цензы, котором должны были соответствовать избиратели и члены советов.

Другой серьезной темой стала деятельность ИНК в Великобритании. Тринадцатая резолюция утверждала состав лондонского отделения, назначала бюджет и порядок его формирования. Прочие резолюции подтверждали решения предыдущих сессий, обращались к недостаточности мер, принятых по итогам работы комиссии Эйтчисона, требовали более тщательного рассмотрения индийского бюджета в парламенте, пересмотра закона об оружии и т. д. В целом, работа сессии мало чем отличалась от предшествующих собраний, – и самое яркое ее событие последовало после завершения официальных мероприятий.

29 декабря в семь часов вечера около четырех тысяч человек собрались, чтобы услышать выступление Брэдло. Мехта – председатель митинга – открыл собрание; затем Уэддерберн зачитал послание парламентарию от имени Конгресса, где выражалась глубокая признательность за деятельное участие Брэдло в решении индийских проблем и выражалась надежда на то, что начатая им «великая работа» будет успешно завершена[507]. Следом были представлены некоторые из приветственных посланий (остальные было решено считать прочитанными – «здоровье г-на Брэдло всё еще оставалось слабым»[508]), и, наконец, «индийский чемпион» получил возможность начать свою речь.

Брэдло обращался к собравшимся как к друзьям и соотечественникам – подданным одной империи. Но лояльность британскому правлению, продолжал он, не должна состоять в слепом подчинении, она означала посильную помощь управляемых правителям, за которой следовали не только обязанности, но и права – и оратор выражал надежду, что вскоре сможет применять в отношении индийских друзей термин «сограждане», как обозначение равных с другими народами в составе Великобритании. Но он также призывал собравшихся не ждать слишком многого от него: «Один человек – лишь капля в океане человеческой жизни»[509]. Равным образом он предупреждал слушателей о том, чтобы они не ждали исполнения всех требований сразу, ведь даже столь грандиозное собрание, как прошедший Конгресс, тоже было очень небольшим в сравнении с масштабами «империи, вашей и моей, – не моей против вашей, не английской

[507] Report of the Fifth Indian National Congress. P. 86.
[508] Ibid.
[509] Ibid. P. 87.

против индийской, но нашей общей империи с общими целями»[510]. Потому он говорил о том, что завоевания будут постепенными, как и в самой Англии, где «великие реформы всегда побеждали очень медленно». Вместе с тем, собрание уже доказало – в противовес распространенному в Англии мнению – единство индийского народа и благотворную роль Конгресса, «бьющего молотом по наковальне миллионов людских умов» для того, чтобы желание социальных и политических реформ пересилило «различия расы и вероисповедания».

Далее Брэдло обещал внести билль в первый же день новой парламентской сессии; но большего гарантировать не мог, предупреждая, что правительство может внести ответный законопроект, и предстоит непростая борьба. Собравшиеся могли помочь в этой борьбе, направляя в парламент петиции, подписанные «тысячами, сотнями тысяч, миллионами, если вы сможете»[511]. Брэдло же брал на себя сложную задачу – бороться «за счастье народа Индии, большее спокойствие для британского правления и большее удобство для всех британских подданных»[512].

Непродолжительная речь двадцать с лишним раз прерывалось аплодисментами:

> «Красноречивое и мощное выступление Брэдло произвело глубокое впечатление на аудиторию. Многие колеблющиеся и многие насмешники были обращены на сторону Конгресса. Конгресс приобрел много новых друзей...»[513]

Хотя и не все делегаты пятой сессии пали жертвами обаяния «индийского чемпиона»[514], для большинства визит Брэдло был свидетельством того, что Англия действительно беспокоится об индийских жалобах и тревогах, и обращения к английскому народу и парламенту способны помочь в их исправлении. Тактика Конгресса оставалась неизменной, и участие Брэдло на его стороне было (или казалось?) свидетельством ее эффективности.

---

[510] Ibid.
[511] Ibid.
[512] Ibid. P. 88.
[513] Dadabhai Naoroji Correspondence. P. 204.
[514] Будущему лидеру конгрессистских «экстремистов», Лала Ладжпату Раю, делегату сессии 1889 г. от Панджаба, показалось, что «лидеры Конгресса больше заботились о славе и помпезности, чем об интересах страны»: Rai L. L. Writings and Speeches. Delhi ; Jullundur, 1966. Vol. 1 : 1888–1919. P. XXI.

Глава 8. 1890 год: парламент и Кашмир

Последствия болезни не позволили Брэдло совершить поездку по Индии, и в январе 1890 г. он вернулся на родину.

Парламентская сессия открывалась 11 февраля, и днем позже Брэдло, как и обещал своим индийским «избирателям», внес законопроект на рассмотрение[515]. Он подвергся существенным изменениям и был дополнен в соответствии с решениями бомбейской сессии. Обновленный проект содержал 44 параграфа, разделенных на четыре части. Первая из них была посвящена исполнительному совету при вице-короле, однако проект не вносил существенных поправок в его деятельность. Во второй части рассматривался центральный законодательный совет, и главным отличием от осенней схемы здесь были конкретные цифры. Проект предполагал, что в совете будет не менее восьмидесяти членов, четверть из которых составляли назначенные генерал-губернатором (вице-королем) чиновники, еще четверть – также назначенные вице-королем официальные или неофициальные лица; оставшуюся половину должны были составить избираемые неофициальные лица. Проект вводил следующие пропорции для избираемых: от Бенгалии – 25 человек (14 – от Нижних провинций и Ассама, 9 – от Северо-Западных провинций и Ауда), от Мадраса – 6 человек, от Бомбея и Панджаба – по четыре человека, двое от Центральных провинций и один представитель от Британской Бирмы[516]. Третья часть законопроекта была посвящена процедурным моментам, связанным с выборами, и, в частности, включала в себя цензы, которым должен был соответствовать избиратель. Каждый совершеннолетний британский подданный мужского пола, проживавший не менее полугода в Индии, мог участвовать в выборах представителей, которым затем предстояло выбирать членов совета. Если потенциальный избиратель в течение предшествующих десяти лет был осужден за преступление, не подлежавшее освобождению под залог, он лишался этого права. Помимо того, избиратель должен был уплачивать ренту (не менее пятидесяти рупий в год) или прямой налог (не менее десяти рупий), или обладать годовым доходом в размере не менее 150 рупий в год, или быть членом местных органов самоуправления, или быть выпускником университета[517].

Выборным представителем мог стать совершеннолетний британский подданный мужского пола, умеющий читать и писать по-английски или на каком-либо индийском языке, обладающий ежегодным доходом не менее 1200 рупий, не являющийся банкротом и не судимый в течение десяти

---

[515] Hansard’s Parliamentary Debates. London, 1890. Vol. 341. C. 173.
[516] India. 1890. № 1. P. 10.
[517] Ibid.

предшествующих лет. Тем же требованиям (за исключением годового дохода) должен был соответствовать и избранный член совета. Несколько пунктов этой части проекта были посвящены представительству меньшинств.

Заключительная часть регулировала работу провинциальных советов, устанавливала кворум для каждого из них и оставляла за генерал-губернатором право учредить подобный совет в Бирме, когда в нем возникнет необходимость[518].

Но несколько дней спустя у Брэдло обнаружился серьезный конкурент в лице государственного секретаря виконта Кросса. Еще в 1888 г., когда Дафферин был вице-королем Индии, Кросс был обеспокоен слухами о том, что Брэдло и другие радикальные политики намерены посетить Индию и после выступать в палате общин с требованием удовлетворения индийских жалоб. Поэтому Кросс поручил Дафферину рассмотреть возможность принятия каких-либо мер к устранению этих жалоб, и Дафферин высказался в пользу реформы советов[519]. С этой целью и был создан комитет, на рекомендации которого ссылались Дигби и Брэдло. Хотя комитет рекомендовал введение выборного элемента в советы, Кросс в августе 1889 г. в депеше индийскому правительству указывал на «нежелательность фундаментальных изменений» ввиду недостаточности свидетельств в пользу выборного принципа и «экспериментального», преждевременного для далеко идущих выводов характера функционирования органов самоуправления на выборной основе[520]. Лэнсдаун и члены правительства Индии «не могли без сожаления принять решение его светлости»[521] и выражали надежду на то, что проект госсекретаря оставит за правительством полномочия вводить в состав советов «путем назначения или иным образом» дополнительным членов, чтобы не вызвать волну агитации в пользу новых законодательных инициатив[522]. Однако в меморандуме от 7 февраля 1890 г., предварявшей внесение билля на рассмотрение, Кросс повторил свои аргументы:

«Несмотря на возобновившиеся протесты нынешнего вице-короля, я попрежнему твердо придерживаюсь мнения, что в настоящее время, во всяком случае, было бы крайне неразумно допускать выборный элемент. Учитывая различные расы, вероисповедания и национальности жителей Индии, а также преобла-

[518] Ibid.
[519] Martin B. Lord Dufferin and the Indian National Congress... P. 91.
[520] TNA. CAB 37–36–7. № 76 of 1889. P. 1.
[521] Ibid. P. 2.
[522] Ibid.

дающую власть, которая была бы предоставлена индусам, эти предложения кажутся мне невыполнимыми...

Опять же, верховная власть, исходя из обстоятельств дела, должна принадлежать британскому правительству...

Следует отметить, что ни лорд Дафферин, ни лорд Лэнсдаун ни на минуту не согласились бы с введением выборного принципа в верховный совет; и что касается правительств провинций, то они сами явно выступают против него применительно к их собственным советам.

Поэтому я хотел бы предложить внести на рассмотрение предлагаемый законопроект. Следует ли обсуждать его в палате лордов или палате общин – это вопрос, по которому члены Кабинета в палате общин должны высказать свое мнение, учитывая предложенный законопроект г-на Брэдло»[523].

Законопроект был представлен в палате лордов 21 февраля. Виконт сопроводил его ремаркой, что он «практически касается очень незначительного вопроса»[524]; положения законопроекта, на фоне билля Брэдло, действительно казались недостаточными. Разгромная статья в органе Британского комитета – газете «Индиа»[525] – сравнивала текущее положение советов с тем, которое возникло бы после принятия билля Кросса: вместо тринадцати дополнительных членов действующего верховного совета реформа оставляла одиннадцать с условием, что еще 16 *могли быть* добавлены[526]. Генерал-губернатор «мог» (но не был «обязан») позволить совету обсуждать бюджет и делать запросы. Законопроект не предполагал возможности для меньшинства оспорить принятое решение в парламенте или министерстве по делам Индии. Вывод был неутешительным: «Единственный хороший пункт в этой реформе – признание (слабое, впрочем, как плач новорожденного) права интерпелляции и обсуждения бюджетов»[527].

Выборный элемент – ключевое требование Конгресса и Брэдло – был полностью устранен из билля государственного секретаря. В этой связи Д. Э. Вача сообщал в Лондон о том, что общественное мнение в Индии требует, чтобы выборный принцип был сохранен при любых обстоятельствах, поскольку в противном случае реформа принесла бы только вред и отложила бы выполнение требований ИНК еще на два десятилетия[528]. Секретарь Конгресса предлагал внести поправку, чтобы отложить рассмотрение законопроекта на шесть месяцев или же не позволить ему продвинуться дальше первого чтения. А. О. Юм утверждал, что конституционная агита-

---

[523] TNA. CAB 37–36–7. Memorandum of 7th Feb. 1890. P. 1.
[524] Hansard's Parliamentary Debates. London, 1890. Vol. 341. C. 849.
[525] The Government measure of Indian reform // India. 1890. 4th Mar. (№ 2). P. 27–29.
[526] Курсив «Индиа».
[527] The Government measure of Indian reform… P. 27.
[528] Dadabhai Naoroji Correspondence. P. 211.

ция не прекратится до тех пор, пока стране не будет предложена лучшая мера, нежели билль Кросса[529]. Таким образом, началось долгое противостояние двух полярных точек зрения, находившее свое выражение в парламенте, печати и на общественных собраниях.

Весной в Индии началась кампания в поддержку билля Брэдло. В то время как орган Британского комитета писал о многотысячных митингах в Мадрасе[530], британская и англо-индийская пресса соревновалась в попытках преуменьшить масштабы индийской поддержки. «Инглишмен оверленд мейл» сообщала, что «начался практически ливень из фальшивых телеграмм»[531] в пользу билля, однако обозреватель газеты увидел в Индии лишь

> «…растущую тенденцию произносить речи, недостойные прочтения, отвлекать школьников от положенной им сферы деятельности и фабриковать телеграммы, вводящие в заблуждение относительно характера и влияния массовых митингов»[532].

«Таймс» выступала против выборного представительства, считая, что оно невозможно из-за невежества населения, «восточного оцепенения» и (уже привычных в полемике такого рода) этноконфессиональных различий[533]; англо-индийская пресса сообщала о фактических ошибках в законопроекте Брэдло[534] и связывала его с необходимостью расплачиваться за «бакшиш», полученный им в Индии[535]. «Индиа» в ответ публиковала сведения о массовых митингах, собиравших не только англоязычную аудиторию, но и публику, говорившую на тамили, телугу и хиндустани[536].

Брэдло, как и прежде, выступал в поддержку своего законопроекта на лекциях, где сравнивал меры, предложенные виконтом Кроссом, и требования ИНК – «не для защиты движения Национального конгресса, но для его оправдания»[537].

Особенно массовой была петиционная компания. Верные просьбе «своего» парламентария, озвученной в послании Конгрессу, жители раз-

---

[529] India. 1890. 18th Mar. (№ 3). P. 49.
[530] Ibid. P. 41.
[531] The Englishman's Overland Mail. 1890. 22nd Apr.
[532] Ibid.
[533] The Times. 1890. 8th Mar. P. 11.
[534] «„Пионир“ сообщает, что проект билля г-на Брэдло содержит вопиющую ошибку, утверждая, что в Индии существует пять местных законодательных советов, тогда как их только четыре». – The Times of India. 1890. 13th Mar.
[535] Civil & Military Gazette. 1890. 6th Mar.
[536] India. 1890. 18th Mar. (№ 3). P. 41.
[537] Manchester Guardian. 1890. 10th Mar.

ных городов и деревень Индии собирали подписи под прошениями о реформе советов, а Брэдло и его соратники представляли их в парламенте. В марте была представлена петиция бомбейских жителей, заявлявших,

«…что нас облагают налогом без представительства.

Что мы, от имени всех квалифицированных для избирательного права, требуем избирать половину членов всех советов.

Что членам советов должно быть даровано право интерпелляции.

Потому ваши просители смиренно просят, чтобы ваша достопочтенная палата пожелала принять в качестве закона билль об индийских советах, внесенный достопочтенным членом от Нортгемптона»[538].

В апреле же явление стало особенно заметным – было подано свыше шестидесяти петиций; даже англо-индийская пресса была вынуждена смириться с фактом, что речь идет о действительных, подписанных тысячами людей прошениях, а не о «фиктивных» митингах[539]. Всего весной и летом 1890 г. в поддержку билля об индийских советах было подано свыше 700 петиций (не только индийских, но и английских), под которыми подписались 370 тыс. человек[540].

Хотя кампания производила впечатление, а парламентская работа Брэдло вызывала восхищение у индийских «образованных классов»[541], голоса с противной стороны тоже были настойчивыми. Мусульманская оппозиция Конгрессу, активно проявлявшая себя в 1888 г., также вступила в петиционную кампанию против билля Брэдло[542]; в разных районах страны проходили собрания ассоциаций, принимавших резолюции в поддержку законопроекта Кросса и осуждавшие инициативу радикального парла-

---

538 Petition № 396, 12th March 1890: There-undersigned Inhabitants of Bombay // UK Parliamentary Papers. URL: https://parlipapers.proquest.com/parlipapers/ /docview/t110.d110.pet_0657_000075_0001?accountid=12801

539 The Englishman’s Overland Mail. 1890. 29th Apr.

540 UK Parliamentary Papers // ProQuest. [S. l., s. a.]. URL: https://parlipapers.proquest.com. Нужно, пожалуй, заметить, что в июне 1890 г. оправдались былые опасения Вача и Кейна: если первоначально Брэдло представлял петиции в палате общин без какого-либо финансового стимулирования, то теперь требовал три гинеи за каждую петицию. Кроме того, Дигби тайно оплачивал расходы Брэдло на предвыборную кампанию. См. Owen N. British Left and India: metropolitan anti-imperialism… P. 35.

541 В одном из номеров газеты «Индиа» была опубликована пространная поэма в честь «бесстрашного защитника справедливости и истины». India. 1890. 4th Mar. (№ 2). P. 22–23.

542 The Pioneer. 1890. 4th Apr.

ментария[543]. На одном из таких собраний (отделения Национальной магометанской ассоциации в Ноакхали) были приняты следующие резолюции:

«1. Введение выборной системы в отборе членов вице-королевского и местных советов будет препятствием на пути распространения беспристрастной справедливости, которой так известна британская администрация, и эта система нанесет вред интересам мусульман нашей страны.

2. Настоящий комитет категорически протестует против „билля об индийских советах“, внесенного г-ном Брэдло и от всего сердца одобряет законопроект лорда Кросса»[544].

Одна из петиций[545] в палату общин, под которой подписалась 21 тыс. человек, просила парламент не вводить выборный принцип, поскольку тот ставил мусульман и другие меньшинства в «почти невыносимое подчинение классам, враждебным их благосостоянию». Просители указывали, что мусульмане, составлявшую пятую часть населения Индии, тем не менее насчитывали «не менее пятидесяти миллионов душ», и – в силу своей «истории, традиций, храбрости и ума» – были важным фактором индийской политики; особенности расселения мусульман на территории Индии способствовали тому, что при любой системе представительства они оказались бы в меньшинстве («неопровержимым доказательством этого являются существующие муниципалитеты»), и в случае «народной агитации, апеллирующей к религиозным чувствам» (как, например, движение против убийства коров), не смогли бы защитить свои интересы; что голос «индусов, получивших английское образование» хорошо слышен в Англии, но «шум и переполох», произведенный Конгрессом, не должен вводить парламентариев в заблуждение, так как не отражает полной картины общественного мнения в стране; что любая система пропорционального представительства в советах, где решения принимаются простым большинством голосов, приведет к тому, что мусульманские члены советов неизбежно будут в меньшинстве[546].

Однако если критику со стороны противников можно было расценивать как часть политической борьбы, то критика со стороны друзей свидетельствовала о том, что не все союзники считали проект Брэдло правиль-

---

543 The Englishman’s Overland Mail. 1890. 6th May; 13th May; 30th May; 24th June.
544 Ibid. 17th June.
545 Петиция была представлена сэром Ричардом Темплом, бывшим во времена лорда Литтона губернатором Бомбея.
546 Petition № 3676, 19th May 1890: There-undersigned Mahomedans of India // UK Parliamentary Papers. URL: https://parlipapers.proquest.com/parlipapers/docview/t110.d110.pet_0657_000537_0001?accountid=12801

ным и своевременным. Историк и отставной колониальный чиновник У. У. Хантер, известный своими выступлениями в поддержку Конгресса[547], считал, будет трудно предотвратить попытки законодательных советов вести себя как парламентские собрания, и это поставит исполнительную власть перед дополнительными трудностями. Он также возражал против введения схемы с распределением мест по численности населения, поскольку в таком случае Бенгалия могла получить чрезмерное влияние в центральном совете. Ричард Гарт – еще один отставной чиновник гражданской службы – возражал против избирательного ценза, склонявшего чашу весов в пользу богатых и образованных индусов из высших каст и ставившего в неравное положение все остальные слои населения[548]. Представленная Р. Темплом петиция была, таким образом, только подтверждением опасений британских союзников Конгресса.

Результатом противоречивой реакции на законопроект стало письмо Брэдло Дигби (как секретарю Британского комитета ИНК) от 24 сентября, в котором он выступал с новыми предложениями и просил совета комитета:

«…было бы очень полезно определить курс, которым я должен следовать, благодаря… мнению вашего Комитета по этому вопросу. Я буду исходить из двух пунктов, которые были согласованы: во-первых, расширение индийских советов; и, во-вторых, утверждение выборного принципа при отборе дополнительных членов.

Законопроект, который был внесен мной на прошлой сессии, хотя и следует принципам, принятым на Бомбейском конгрессе, во многих отношениях открыт для враждебной критики; и хотя билль представлял собой решение Конгресса, сильная партия, как вам хорошо известно, выступала за схему, предложенную в моем первоначальном проекте. В индийской прессе отнюдь не было единодушия в пользу того, что я сейчас называю схемой Конгресса, воплощенной в законопроекте. В Англии билль, прочитанный в первый раз, был, за небольшим исключением, неодобрительно встречен прессой всех оттенков мнений и не получил горячей поддержки со стороны значительного числа членов палаты общин. Однако я думаю, опыт сессии показал нам, что в вопросе признания выборного принципа в рядах либералов подавляющее большинство в нашу пользу, и что некоторые представители консервативной стороны будут сильно колебаться, возражая против какого-либо применения выборного принципа… Я думаю, поэтому мы можем считать, что в Англии и в Индии существует значительное преобладание мнений в пользу некоторого применения принципа избрания в расширенные советы, и что разногласия возникают относительно того, какие методы являются наиболее целесообразными для применения этого принципа. Я осмеливаюсь предложить вашему

[547] За что даже был однажды высмеян Р. Киплингом в сатирическом стихотворении.
[548] Morrow M. D. The origin and early years of the British Committee… P. 103.

Комитету, что… было бы разумно внести законопроект в том виде, каким был бы билль лорда Кросса, если бы он был передан в Комитет, и все поправки, которые я подготовил к нему, были приняты. Настоящим я направляю черновой проект, показывающий, каким был бы такой законопроект, на рассмотрение вашего Комитета, а через них – партии Конгресса в Индии, постоянным комитетам которой, возможно, Комитет не сочтет неуместным сообщить мои взгляды»[549].

Новые предложения Брэдло были гораздо менее радикальными. Проект представлял собой серию поправок к закону о советах 1861 г., но добавлял возможность избрания дополнительных членов в советы; предполагавшееся первым биллем существенное увеличение числа членов советов здесь было урезано; избирательный ценз снимался – за исполнительной властью оставалось право определять формат выборов; право интерпелляции сохранялось; механизмы ограничения права вето генерал-губернатора и губернаторов провинций не оговаривались[550].

Октябрьский меморандум[551] Британского комитета сообщал, что проект был тщательно рассмотрен; комитет предложил некоторые незначительные дополнения[552] и передал проект на рассмотрение постоянным комитетам Конгресса.

Объясняя это решение, «Индиа» указывала, что независимо от дальнейших действий властей результатом работы Брэдло и Британского комитета станет схема, показывающая, насколько далеко идут реформаторы в своих стремлениях. Это сняло бы обвинения в «скрытых замыслах» Конгресса и сделало бы его критику на этом основании невозможной. Газета заключала:

«Лидеры движения в Англии, которые одни несут ответственность за выбранный курс, самым тщательным образом рассмотрели ситуацию и пришли к решению с абсолютным единодушием и твердой убежденностью в мудрости предпри-

[549] Memorandum re Indian Councils' Reform Bill [by British Committee of the Indian National Congress, 26th SeP. 1890] // Atheism and Anti-War Sentiments in the Bradlaugh Family, 1833–1948. 72979-A18.

[550] A Bill Intituled An Act to Amend The Indian Councils Act, 1861 // Ibid. 72979-A18.

[551] Memorandum by the British Committee of the Indian National Congress to accompany Draft of «A Bill intituled An Act to Amend the Indian Councils' Act, 1861», which, it is proposed shall be introduced into the House of Commons on the reassembling of Parliament // Ibid. 72979-A18.

[552] Комитет предложил внести в проект положение о том, что члены советов не должны получать жалования; Брэдло, который выступал за то, чтобы жалование выплачивали и в палате общин, был против, но эта дискуссия не имела принципиального характера.

нятого ими шага. Можно надеяться, что индийские реформаторы сочтут выбранный курс заслуживающим их одобрения»[553].

Поэтому законопроект вновь, как и годом ранее, стал главной темой обсуждения на декабрьской сессии ИНК. В президентском послании к Конгрессу Ф. Мехта назвал билль Кросса «официальным признанием raison d'être Конгресса и первым плодом его трудов»[554]. Он объяснил смену корректировку реформаторского курса требованиями парламентской тактики, которая привела к тому, что Брэдло «уже внес законопроект»[555] на основе билля Кросса, но вдохнувший в него жизнь «принципами, за которые он боролся»[556]. Конгресс в итоге принял резолюцию, постановившую, что

«Настоящий Конгресс, рассмотрев законопроект, недавно внесенный в парламент г-ном Чарльзом Брэдло, озаглавленный „Закон о внесении поправок в закон об индийских советах 1861 года", одобряет его, поскольку он рассчитан на то, чтобы обеспечить существенную часть реформы в управлении Индией, за которую агитировал, и смиренно просит палаты парламента Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии принять его в качестве закона…»[557]

Билль получил более широкую поддержку либеральных политических кругов, но его парламентское продвижение задержалось[558]. Смерть Брэдло в январе 1891 г. привела и к смерти законопроекта. У билля Кросса не осталось конкурентов. Кроме того, благоприятствовали и внешние условия. Лэнсдаун в марте сообщал маркизу Солсбери:

«…Обстоятельства крайне благоприятствуют принятию умеренных мер. Споры, возникшие вокруг билля о возрасте согласия[559], в текущий момент деморализовали партию Конгресса почти в той же степени, как эпизод с Парнеллом – ир-

553 India. 1890. 31st Oct. (№ 13). P.
554 Report of the Sixth Indian National Congress… P. 7.
555 Он был зарегистрирован в парламенте 26 ноября 1890 г. под номером 67 как «Билль о внесении поправок в закон об индийских советах 1861 г.». Помимо Брэдло, в числе внесших билль на рассмотрение следующей сессии палаты общин, были указаны либеральные парламентарии Колридж, Рейд, Макларен, Эллис, Хантер, и ирландский националист Маккарти. В его поддержку также была организована петиционная компания.
556 Report of the Sixth Indian National Congress… P. 8.
557 Ibid. P. XLV.
558 Morrow M. D. The origin and early years of the British Committee… P. 105.
559 Билль о возрасте согласия предполагал повышение возраста для вступления в брак, что в Индии, где распространены ранние браки, вызвало крайне противоречивую реакцию.

ландских националистов. Английская секция, несмотря на откровенный язык г-на Юма и прочих, оказалась неспособна побудить своих бенгальских друзей идти за ней. Партия в целом осознает, что она была дискредитирована проявленной ею вялостью (если не хуже), и многие из ее членов не хотели бы сейчас показываться на английской трибуне. В этих обстоятельствах их претензии кажутся гораздо более умеренными, чем они были бы, если бы не недавние события. У меня сложилось впечатление, что Юм и его друзья хотели бы, чтобы ваш законопроект был принят, и… в палате общин вряд ли будет организована оппозиция»[560].

В 1892 г. билль Кросса стал законом об индийских советах. Он вызвал в Индии смешанные чувства: с одной стороны, это был маленький шаг вперед, но с другой – этот шаг не выглядел могучей размашистой поступью, да и не мог быть таковой в силу закономерностей и разнообразных случайностей, препятствовавших успешному завершению начатого реформаторами дела. И самым печальным препятствием на его пути стала смерть «индийского чемпиона».

***

Оправдывая высокое звание «члена парламента от Индии», которым наделил его индийский народ (и английская пресса), в 1890 г. Брэдло свыше ста раз подавал запросы в палате общин по самым разным проблемам, затрагивающим «Индийскую империю». Многие из них касались не самых заметных тем; некоторые, напротив, привлекали внимание государственного секретаря и общественности; но, пожалуй, среди них не было другого вопроса, который столь же сильно шел бы вразрез с интересами Конгресса, как кашмирский.

В ряду индийских княжеств Кашмир занимал особое место. Во время первой англо-сикхской войны раджа Гулаб Сингх поддержал Ост-Индскую компанию, боровшуюся с Сикхской империей, и, признав себя данником компании, получил право на земли к востоку от Инда и стал первым махараджей княжества Джамму и Кашмир. По Амритсарскому договору 1846 г. Кашмир признавал верховенство британского правительства в обмен на защиту границ. Кашмирские правители были более свободны во внешней политике – вместо британского резидента в княжестве с 1852 г. находился офицер по особым поручениям. Он должен был следить за поведением английских визитеров в княжестве, которым было разрешено оставаться в княжестве до середины осени, и был уполномочен урегулировать споры, возникавшие между ними и кашмирскими властями. Несмотря на особый статус, офицер по особым поручениям не был фигурой уникальной – его назначало не центральное правительство, а власти

[560] TNA. CAB 37–29–22.

Панджаба. Так продолжалось до начала 1870-х, когда вице-король Мейо, стремившийся к расширению влияния в Кашмире, решил назначать вместо панджабского офицера чиновника из департамента иностранных дел. В 1872 г., вопреки протестам махараджи, лорд Нортбрук отменил правило, согласно которому британские визитеры без дозволения имели право оставаться в Кашмире только до середины октября[561]. Таким образом, английское влияние в княжестве постепенно усиливалось, и причина этого, в числе прочего, лежала в «опасном соседстве» Кашмира с территориями, лежавшими в сфере интересов Российской империи.

В 1885 г. Ранбир Сингх – второй махараджа Кашмира – умер, и встал вопрос о престолонаследии. Тремя годами ранее Ранбир Сингх просил правительство о назначении своим преемником своего младшего сына, однако Рипон настоял на том, чтобы новым правителем княжества стал Пратап Сингх – старший сын Ранбира Сингха. В обмен на предложение власти Пратап Сингх обязался провести в княжестве реформы и согласиться на повышение статуса офицера по особым поручениям до политического резидента. Новый махараджа считался слабым правителем, а потому спектр предложенных еще при Рипоне реформ был достаточно широк: ведомство иностранных дел рекомендовало пересмотреть систему налогообложения и распределения доходов, создать систему финансового контроля, снять все ограничения на эмиграцию, провести реорганизацию армии и судов[562]. Новый глава министерства по делам Индии Р. Черчилль, сменивший летом 1885 г. либерала Кимберли, требовал незамедлительного введения предложенных Рипоном мер. Г. Дюранд, глава департамента иностранных дел при правительстве Индии, также сообщил Пратапу Сингху вскоре после вступления последнего на престол о необходимости размещения на территории княжества британских войск – в интересах Кашмира и империи, поскольку напряженность в отношениях с Россией в регионе сохранялась. Генерал Д. Стюарт сообщал Дюранду:

«Размещение британских войск в Кашмире очень желательно во многих отношениях. Стратегически эта позиция имеет определенное значение. Насколько мне известно, силового вторжения русских войск в этот район ожидать не приходится; но если бы нам посчастливилось серьезно вмешаться в другом месте, небольшие отряды предприняли бы или могли бы предпринять попытки отвлечь наше внимание и удержать значительные силы войск в бездействии в Пенджабе. Если бы у нас

---

[561] Lone A. S. British relations with the princely state of Jammu and Kashmir // Proceedings of the Indian History Congress. 2016. Vol. 77. P. 351.
[562] Yasin M. British Paramountcy in Kashmir 1876–1894. New Delhi, 1984. P. 33.

были постоянные гарнизоны в Кашмире, маловероятно, что они вообще попытались бы предпринимать какие-либо действия в этом районе»[563].

Пратап Сингх, в свою очередь, утверждал, что создание армии противоречит Амритсарскому договору. Он предложил собрать свою собственную армию, чтобы помочь британскому правительству отразить любую иностранную агрессию – при условии субсидирования ее правительством Индии. На субсидию, однако, не был согласен Дафферин, заявивший, что Кашмир является государством, созданным британским правительством и обязанным ему верностью. Следовательно, он был должен предоставить правительству Индии все свои военные ресурсы для борьбы с врагом. Тем не менее вице-король заверил махараджу, что британский военный лагерь не будет создан в Кашмире без должного учета его пожеланий[564].

Однако уступки Пратапа Сингха не способствовали укреплению его власти. В 1886 г. британский политический резидент представил отчет вице-королю, где утверждал, что новое кашмирское правительство неспособно к управлению страной[565]. Такой оценке способствовали политические интриги в княжестве, но наиболее удобный повод для отстранения махараджи от власти представился в феврале 1889 г.

В конце месяца новый резидент П. Нисбет сообщил правительству о том, что располагает письмами махараджи, «которые показывают, что Его высочество интриговал с Россией и повинен в других предательских действиях»[566]. Подлинность писем вызывала сомнения у вице-короля (в конце 1888 г. на эту должность был назначен лорд Лэнсдаун) и Дюранда[567], но тем не менее за ними последовало радикальное решение. 1 апреля 1889 г. Дюранд инструктировал Нисбета:

«В ходе ваших расспросов вы отправились в Джамму и встретились с махараджей, который отрицал, что писал письма, но проявил большое волнение и тревогу по этому поводу и объявил о своем желании уйти в отставку с поста главы государства. Вскоре после этого он издал иршад, или указ, который предоставлял все

---

[563] D. M. Stewart to H. M. Durand, 10th Sept. 1885 // National Archives of India (NAI). Foreign department. Secret E. Pros. December 1885, Nos. 192–245 : Death of Maharaja Ranbir Singh of Kashmir, Kashmir Succession. British policy towards the Kashmir Government. Recruiting in Jammu territory.

[564] Yasin M. British Paramountcy in Kashmir 1876–1894. P. 37.

[565] Ibid. P. 38.

[566] Demi-official from Colonel Parry Nisbet, C. I. E., Sialkot (to Secretary), dated the 27th February1889 // NAI. Foreign department. Secret E. Pros. April 1889, Nos. 80–98 : Affairs of the Kashmir State. Discovery of treasonable letters. Maharaja's resignation of power. Reorganization of the Government.

[567] H. M. Durand to R. P. Nisbet, 1st Apr. 1889 // Ibid.

полномочия по управлению сроком на пять лет Государственному совету, состоящему из братьев махараджи, английского офицера, которого впоследствии назначат, и двух местных представителей…

Теперь я прошу вас сообщить махарадже, что от него, по меньшей мере, на какое-то время, ожидают воздержания от любого вмешательства в управление. Он сохранит свой ранг и достоинство главы государства; но все полномочия правительства будут переданы Совету, состоящему из братьев махараджи и трех или четырех должностных лиц, выбранных правительством Индии. Нежелательно, чтобы один из этих чиновников был англичанином...

...Совет будет обладать всеми административными полномочиями, ожидается, что эти полномочия будут осуществляться под руководством резидента. Они [члены совета] не предпримут ни одного важного шага, не посоветовавшись с ним, и они будут следовать его советам...»[568].

Совет[569] начал работу в середине апреля. Махараджу обвинили в плохом управлении страной и сместили. «Достоинство главы государства», обещанное Дюрандом, на деле оказалось унизительным положением и полной нищетой, сопровождаемой презрением и насмешками подданных. Он был вынужден написать письмо вице-королю, где описывал свои злоключения, отрицал обвинения в свой адрес и обвинял своего брата Амара Сингха в плетении интриг с целью освободиться от британского влияния и править самовластно[570]. Между Лэнсдауном и махараджей завязалась переписка, некоторые детали которой – равно как и факт бурных политических перемен в княжестве – стали известны индийской прессе. Она поддержала дело Пратапа Сингха, а редакторы газет, чтобы ознакомить парламент с фактом вопиющей несправедливости, попросили приехавшего на сессию ИНК Брэдло осветить ситуацию в палате общин; просьбе сопутствовало пожертвование, дополненное опальным махараджей и отправленное Уильяму Дигби для защиты его дела[571].

Дигби и Брэдло решительно вступились за Пратапа Сингха. Первый опубликовал книгу-послание бывшему заместителю госсекретаря У. Кей-

---

[568] The Secretary to the Government of India, Foreign Department, to the Resident in Kashmir, 1st Apr. 1889 // Ibid.

[569] Капитан Б. Л. Громбчевский, руководивший экспедицией на сопредельных территориях в 1888–1890 гг., так описывал этот властный орган: «...Делами в настоящее время управляет совет из восьми членов, под председательством английского резидента в Кашмире полковника Nisbet'a. В совете этом только 4 члена кашмирцы, а остальные – англичане, причем двое из кашмирцев – близкие родственники устраненного кашмирского махараджи и претенденты на престол, а следовательно люди, заискивающие перед англичанами». См. Громбчевский Б. Л. Современное политическое положение… С. 48.

[570] Yasin M. British Paramountcy in Kashmir 1876–1894. P. 76.

[571] Ibid. P. 81.

Шаттлворту, где детально описывал историю развития кашмирского вопроса («историю жестокого и незаслуженного упадка лояльного княжества») и призывал к созыву парламентской комиссии для расследования обстоятельств дела[572]. Публицистические способности либерального журналиста прекрасно дополняло ораторское мастерство неистового парламентария – Брэдло, затребовавший в мае документы по кашмирскому вопросу, третьего июля просил у палаты общин отсрочку для того, чтобы подготовить апелляцию в пользу махараджи. Правительство, говорил он, лишило Пратапа Сингха такой возможности, а его прошение о судебном разбирательстве в Индии было отклонено. Вместе с тем, любой подданный империи имеет право на справедливое судебное разбирательство до вынесения приговора, но махараджу лишили его права, и если лишение его власти и собственности сделано из государственных соображений, то во всех азиатских владениях ни для кого, будь то принц или крестьянин, нет защиты от подобного произвола[573]. Брэдло апеллировал именно к юридической стороне вопроса, отказываясь ссылаться на личные качества махараджи:

«Он может быть хорошим или плохим. Мне все равно, кто он такой — он имеет право на правосудие. Если он преступник, пусть он будет осужден и наказан, но не грабьте его под прикрытием преступления, которое вы не осмеливаетесь предъявить в качестве доказательства против него и в отношении которого вы не допустите никакого расследования ни в Индии, ни здесь»[574].

Выдвигаемые против Пратапа Сингха обвинения казались Брэдло расплывчатыми, не основанными ни на каких законах, кроме права сильного. Махараджа находился у власти пять лет, и для улучшения хронически плохого положения дел, в котором его обвиняли, этого срока было явно недостаточно. С точки зрения Брэдло, дело выглядело таким образом, что для британской власти договоренности – даже с верными ей князьями – не были обязательными к исполнению, и местные правители не могли более доверять английскому слову. Чтобы это впечатление не стало нерушимым фактом, Брэдло призвал палату общин проголосовать за его предложение[575].

Однако большинство членов палаты не разделяло его взглядов. Дж. Горст высмеял Брэдло за то, что тот поддерживает индусского деспота, тогда как он – консерватор! – отстаивает интересы угнетаемых махара-

[572] Digby W. Condemned unheard… P. 121.
[573] Bradlaugh C. Speeches. P. 159.
[574] Ibid. P. 160.
[575] Ibid. P. 171.

джей земледельцев-мусульман. Упоминавшийся уже Ричард Темпл отказался признать события в Кашмире аннексией, поскольку произошла «всего лишь» передача власти от одного брата к другому – процедура, от которой британское правительство ничего не выиграло[576]. Предложение было отклонено.

Парламентское поражение отрицательно сказалось и на благородном порыве индийской прессы; но, хотя Пратап Сингх не добился немедленного удовлетворения своих жалоб, внимание прессы и парламента к его делу создавало благоприятную для него атмосферу. Вскоре он был частично восстановлен у власти, стал рыцарем-великим командором ордена Звезды Индии и правил – под чутким британским руководством – до 1925 года.

Другой – неожиданной – стороной дела Пратапа Сингха оказалось его влияние на лондонское отделение Национального конгресса. Для ИНК поддержка Брэдло и Дигби кашмирского правителя (особенно с учетом ее финансового стимулирования) была очень спорным вопросом. Для многих махараджа Кашмира был примером того, что индийцы не способны к эффективному управлению страной, а двойственная роль (общественная деятельность вкупе с личной заинтересованностью), которую в этом деле играл «индийский чемпион» и его компаньон-писатель, создавала опасения, что Конгресс – пусть и косвенно – может оказаться втянутым в какие-либо частные судебные процессы. Дигби отстаивал право Брэдло выступать в пользу кого бы то ни было, если речь шла о восстановлении попранной справедливости, но А. О. Юм требовал более четкого разграничения между БК ИНК и агентством Дигби[577]. Генеральный секретарь Конгресса с момента создания этой организации придерживался позиции, что объектом внимания ИНК могут быть проблемы, затрагивающие всю страну, по которым в рядах Конгресса сложилось единое мнение[578]. Дело махараджи, независимо от занятой в нем стороны, к таким вопросам не относилось. В декабре 1890 г. Юм, по словам Д. Э. Вача, «был вынужден» написать публичное письмо, «чтобы в будущем не возникало недоразумений в отношении Британского комитета Конгресса и Политического агентства»[579]. «Частные услуги» Дигби, оказываемые индийским князьям по различным вопросам, в конечном счете стали причиной отказа Конгресса от сотрудничества с ним в сентябре 1892 г. – уже после смерти Брэдло.

Впрочем, проблемы и опасения ИНК, возникавшие в связи с вовлеченностью Брэдло в печальную историю кашмирского махараджи, не отрази-

[576] Yasin M. British Paramountcy in Kashmir 1876–1894. P. 83.
[577] Owen N. British Left and India: metropolitan anti-imperialism… P. 35.
[578] Юм А. О. Избранные произведения… С. 202.
[579] Dadabhai Naoroji Correspondence. P. 233.

лись на его образе «индийского чемпиона», борца за расширение прав народов колоний. 1890 год был годом надежд, и Брэдло был символом их грядущего воплощения. Но судьбе было угодно добавить трагичную ноту к этой странице истории индийского национального движения.

Эпилог

28 января 1891 г. Уильям Дигби отправил Гипатии Брэдло-Боннер следующее послание:

«Дорогая г-жа Боннер,

К вашему сведению высылаю следующую выдержку из протокола последнего заседания моего комитета[580]:

„Решено, что настоящий комитет, с прискорбием узнав о серьезной болезни г-на Брэдло, выражает свое глубокое сочувствие ему и его семье и искреннюю надежду, что он сможет быстро выздороветь и возобновить хорошую работу, которую он недавно делал для Индии“.

„Далее решено, что копия вышеупомянутой резолюции будет направлена г-же Боннер (дочери г-на Брэдло)“.

Искренне ваш,
Уильям Дигби, секретарь»[581]

Чарльз Брэдло умер два дня спустя, 30 января, «непоколебимый в убеждениях, с которыми жил»[582]. Похороны прошли скромно, без речей и демонстраций, но проститься с ним приехали люди со всех концов Альбиона. Присутствовал там («как каждый индиец, живший в Лондоне»[583]) и совсем еще молодой студент Мохандас Ганди, вынесший с траурного мероприятия еще большее, чем прежде, предубеждение против атеизма[584].

Бесчисленные соболезнования выражали крупные и мелкие либеральные и радикальные ассоциации клубы. 9 февраля траурный митинг прошел в Мадрасе. Эрдли Нортон – один из британских деятелей

---

580 Письмо написано на бланке «Английского комитета Индийского национального конгресса».

581 [Digby to Bradlaugh-Bonner, 28th Jan. 1891] // Atheism and Anti-War Sentiments in the Bradlaugh Family, 1833–1948. 72979-C09.

582 Bradlaugh Bonner H. Charles Bradlaugh... Vol. 2. P. 110.

583 Hay S. The Making of a Late-Victorian Hindu: M. K. Gandhi in London, 1888–1891 // Victorian Studies. 1989. Vol. 33, № 1. P. 83.

584 Много позже Ганди (уже Махатма) обращался к образу Брэдло: «Брэдло, чей атеизм хорошо известен, всегда настаивал на том, чтобы провозглашать свои самые сокровенные убеждения. Ему пришлось много страдать за то, что он так говорил правду, но он наслаждался этим и говорил, что правда сама по себе награда. Не то чтобы он был совершенно нечувствителен к радости, проистекающей из соблюдения истины. Однако эта радость вовсе не мирская, а происходит из общения с божественным. Вот почему я сказал, что даже человек, который отрекается от религии, не может и не живет без религии». См. Young India. 1930. 23rd Jan.

ИНК – предложил принять резолюцию, называвшую смерть Брэдло «утратой, почти невосполнимой для дела индийских реформ»[585]. Резолюции, принятые на этом собрании, были направлены Г. Лабушеру (соратнику Брэдло по нортгемптонскому округу) и дочери Гипатии.

12 февраля последовало письмо от Британского комитета:

«Дорогая г-жа Боннер,

Сообщаю вам о следующей резолюции, которая была единогласно принята на последнем заседании моего комитета:

„Решено, что настоящий комитет, зная о сильном чувстве благодарности, которое питает вся Индия к г-ну Брэдло за его великий и самоотверженный труд на благо индийского народа, желает на первом заседании комитета после смерти г-на Брэдло выразить свое чувство невосполнимой потери, которую понесло дело Индии в связи с его безвременной кончиной“.

Искренне ваш,
Уильям Дигби, секретарь»[586]

Девять лет спустя в Лахоре был возведен Брэдло-холл, первый камень в основание которого заложил Сурендранатх Банерджи. Это здание в британском стиле с ориентальными мотивами стало рукотворным памятником «индийскому чемпиону». Ныне оно переживает непростые времена, но все еще исполнено восточного шарма.

***

Смерть Брэдло (как отмечали и деятели Конгресса, и позднейшие исследователи) стала серьезным ударом по реформаторским устремлениям ИНК. Невозможно предсказать, насколько удачными были бы попытки Брэдло и Конгресса бороться за реформу советов в 1891 г. или – возможно – и дальше, но среди всех парламентских защитников интересов Конгресса он был наиболее активным, «неудобным» для правительства. Индийский парламентский комитет, возникший в 1893 г., когда членами палаты общин стали Наороджи и Уэддерберн, не мог продолжать борьбу за масштабные реформы после принятого недавно закона о советах, а в последние годы XIX в., в условиях правления консервативного кабинета Солсбери и тяжелого поражения либералов на выборах 1895 г., работа комитета в целом едва ли могла расцениваться как эффективная.

---

585 Resolutions passed at the public meeting held at Pachaiyappa's Hall, on Monday, the 9th February, 1891 // Atheism and Anti-War Sentiments in the Bradlaugh Family, 1833–1948. 72979-C09.

586 [Digby to Bradlaugh-Bonner, 12th Feb. 1891] // Atheism and Anti-War Sentiments in the Bradlaugh Family, 1833–1948. 72979-C09.

Участие Брэдло в индийских делах не было, конечно, явлением уникальным. Среди англичан было достаточно тех, кто отдал Индии больше сил и больше времени – Юм, Уэддерберн, друг и соратник Брэдло Анни Безант. В истории национально-освободительного движения два с небольшим года, отданные им борьбе за индийские реформы, также не стали самым ярким эпизодом. Сложно сравнить их с соляным походом Ганди, жертвой Бхагата Сингха и Сурья Сена, резолюцией «Вон из Индии» и взметнувшимся 15 августа 1947 г. шафранно-бело-зеленым знаменем над Красным Фортом. До этих событий было еще далеко, и путь к ним был трудным. Но начинался он не только в Индии. Там, в Лондоне, споры на парламентских скамьях тоже приближали страну к свободе – той, какой ее видели основатели Конгресса и их сторонники. И для раннего Конгресса помощь Брэдло действительно была серьезным подспорьем, свидетельством того, что Англия – справедливая, но далекая, – радеет о своих индийских подданных и желает им всестороннего прогресса. Англия Брэдло была великой державой, и для нее он был непослушным ребенком, которому она – хоть и не сразу – простила все «прегрешения». Но Индия Брэдло была великим начинанием, которому еще предстояло развернуться в полную силу, и работа «индийского чемпиона» несла с собой потенциал для развития этого начинания. История рассудила иначе, и национальное движение пошло иными путями, но они исходили из основ, заложенных прежними, умеренными деятелями – и «индийский чемпион», несмотря на свой радикализм, тоже был одним из них.

Приложение

Чарльз Брэдло

Индия и билль Илберта

Парламентский документ, представляющий собой толстый том объемом свыше 550 страниц, выпущенный во время перерыва, содержит мнения местных органов власти Индии, официальных и неофициальных резидентов, туземцев и британцев, о предлагаемом изменении положений Уголовно-процессуального кодекса Индии в отношении юрисдикции над европейскими британскими подданными. Из этого документа я предлагаю изложить, по возможности, точными словами различных видных деятелей, причины и возражения против меры, известной как билль Илберта, поскольку внес этот законопроект и отвечает за него г-н Илберт, нынешний член Совета при генерал-губернаторе Индии, ответственный за законодательство.

Чтобы прояснить этот вопрос, необходимо объяснить, каков действующий закон в настоящее время и в каком отношении законопроект Илберта предлагает его изменить. С 1837 г. европейские британские подданные по всем гражданским делам подпадают под обычную юрисдикцию гражданских судов, независимо от того, возглавляются те индийскими судьями или нет. Параграф 10 Гражданского процессуального кодекса в его последней редакции гласит: «Никакое лицо не может быть освобождено от юрисдикции этих судов в каком-либо гражданском процессе в силу своего происхождения или места рождения». Лорд-главный судья Тернер из Высокого суда Мадраса говорит: «За семнадцать лет, что я являюсь членом Высокого суда, я не помню случая, чтобы местные судебные органы при осуществлении гражданских судебных функций ущемляли европейского британского подданного или любое другое лицо иностранного происхождения по причине его национальности»; и, как он прекрасно добавляет, «важно отметить, какие меры принуждения или карательные полномочия туземцы – как гражданские судьи – могут в соответствии с действующим законодательством применять в отношении европейских британских подданных». Они заключаются в следующем: судьи могут до вынесения решения освободить подсудимого под залог, а в случае неуплаты залога заключить его в тюрьму на шесть месяцев; могут наложить штраф в 500 рупий на свидетеля за отказ предоставить документы или неправомерный уход из суда; могут заключить в тюрьму ответчика, который не передает собственность в соответствии с приказом, или отказывается подчиняться указу о реальном исполнении, или не подчиняется судебному запрету; могут заключить в тюрьму на шесть месяцев должника по решению суда; может заключить в тюрьму несостоятельного должника; могут расторгнуть заключенный в Индии брак; могут расторгнуть брак в случае, если

супружеское преступление было совершено в Индии. Эти широкие полномочия в течение многих лет регулярно осуществлялись туземными судьями в отношении всех европейских британских подданных, и никаких жалоб не возникало. Достопочтенный г-н судья Т. Мутхусвами Айяр из Мадраса утверждает, что «в президентстве не было ни одного случая, когда этими полномочиями злоупотребляли бы в ущерб европейскому британскому подданному».

Стоит обратить внимание, как отметил Э. Ф. Уэбстер, на то, что в 1837 году европейская общественность была категорически против того, чтобы эта гражданская юрисдикция предоставлялась местным судьям, и предсказывала «разорение страны и полное уничтожение европейского предпринимательства в Индии». Тем не менее эта гражданская юрисдикция туземных судей в отношении британцев действует по всему Индостану уже более сорока пяти лет без каких-либо бедствий и жалоб.

Обратимся теперь к уголовному законодательству, в которое призван внести поправки билль Илберта. В каждой из столиц президентств европейские британские подданные в течение многих лет подвергались уголовной юрисдикции туземных судей. За их пределами они пользовались привилегиями, и фраза «европейский британский подданный» была юридически определена как включающая всех, кто родился в любой из британских колоний, и, следовательно, включала бы готтентота, кафра, негра, сингала, маори, канадского индейца. В эту категорию не входят европейцы-небританцы, и поэтому туземные судьи могли и осуществляли юрисдикцию по уголовным делам по всей Индии в отношении всех европейцев, не бывших британскими подданными. Приведем слова сэра Барнса Пикока, предложившего внести поправки в закон в 1857 г.: «Ни один француз, немец, армянин или ост-индиец не был освобожден от их юрисдикции. Только европейские британские подданные пользовались этой привилегией». И каковы же были последствия? «Было много случаев, когда из-за крайнего неудобства, расходов и задержек, которые обязательно возникали при передаче обвиняемых на рассмотрение Верховного суда за преступления, совершенные в отдаленных частях страны, преступникам часто удавалось оставаться безнаказанными». Жаль, что сэр Барнс Пикок сейчас не является одним из сторонников билля Илберта; эти слова были сказаны до мятежа, однако в 1884 г. зло намного серьезней, чем в 1857 г. Достопочтенный А. Сешайя Шастри, компаньон ордена Звезды Индии, пишет: «Если говорить правду, англичанин в мофуссиле почти недосягаем для судебного преследования по уголовным делам, поскольку судебное преследование европейского британского подданного в настоящее время очень затруднено из-за огромных жертв времени и удобства для обвиняющих туземцев, а также свидетелей. Общеизвестно, что в отдаленных и

незаселенных частях страны, куда их приводят британские предприятия и капитал, они нередко берут закон в свои руки и пресекают все попытки привлечь их к ответственности». Законопроект Илберта предлагает «устранить аномалию, заключающуюся в том, что индийцы, допущенные к ковенантной гражданской службе и признанные компетентными для выполнения высших судебных функций, должны считаться некомпетентными для осуществления юрисдикции в отношении европейцев за пределами столиц президентств, и устранить все расовые различия при определении магистратов, которые могут быть наделены этой юрисдикцией, за исключением окружных».

Совершенно верно, что англичане протестуют против наделения местных магистратов уголовной юрисдикцией в отношении европейских британских подданных за пределами столиц президентств; но в 1849 году был такой же протест против наделения такой уголовной юрисдикцией даже окружных судей, которые были уроженцами Великобритании, и дело было отложено до 1872 года. До этого дела европейских британских преступников рассматривались только в Верховном суде. Наши читатели, вероятно, помнят «идеальный шторм негодования», как г-н Уэбстер напоминает нам, «возникший в 1874 году, когда в Джессоре англичанин был приговорен (британским судьей) к тюремному заключению за совершение серьезного нападения на уроженца Индии». «Капитал, говорили они, будет изгнан из страны, англичане разорятся». «Но, – добавляет г-н Уэбстер, – закон разрабатывался в течение двенадцати лет к полному удовлетворению всех». За исключением, возможно, тех жителей Великобритании, которые желают совершать благородные акты жестокости, не опасаясь наказания.

Теперь, когда сэр Джеймс Стивен стал противником законопроекта Илберта, возможно, имеет смысл повторить слова этого ученого судьи, сказанные в Индии в 1872 г. по случаю другой правовой поправки: «Реальной основой нашего правления будет непреклонная приверженность широким принципам справедливости, общим для всех людей во всех странах и во все времена, и применяемая с непоколебимой твердостью в пользу или против каждого, кто утверждает их или осмеливается нарушать их, независимо от того, кем он может быть».

Ниже приведены некоторые из возражений против законопроекта Илберта:

1) «Что местный магистрат, не знакомый с привычками и обычаями европейцев и, возможно, плохо знающий их язык, в делах европейцев не может сделать обоснованный вывод относительно мотивов и намерений, являющиеся значительной составляющей уголовного преступления». Краткий ответ на это возражение состоит в том, что каждый европеец,

который не является подданным Великобритании, уже и в течение многих лет подпадает под эту уголовную юрисдикцию. Ограничения же на назначение местных судей, которые могут обладать уголовной властью в соответствии с законопроектом Илберта, гарантируют, что они будут хорошо знакомы с английским языком. Если возражение будет обоснованным и будет иметь универсальное применение, это помешает индийским судьям судить любых европейцев, независимо от того, являются ли они британскими подданными или нет, и будет столь же эффективным, чтобы лишить их гражданской юрисдикции, о которой говорилось ранее. Если разрешить действовать в обоих направлениях, нужно запретить европейцам выносить решения по делам индийцев. Если возражение обоснованно, оно должно было бы в равной степени применяться к уголовной юрисдикции, уже осуществляемой местными магистратами в отношении англичан и англичанок в столицах президентств. Некоторые из нынешних судей Высокого суда – индийцы: достопочтенный г-н судья С. Мутхусвами Айяр – «индиец, обладавший уголовной юрисдикцией в отношении европейских британских подданных в качестве магистрата президентства с 1868 по 1872 г. и в качестве судьи Высокого суда с 1878 г.» Есть и другие индийцы, занимающие столь же почетные и ответственные должности; и, как говорит нам лорд-главный судья Мадраса, абсолютно «нет никаких жалоб на их неспособность вершить правосудие в отношении европейцев по признаку расы». Противники законопроекта Илберта, однако, говорят, что, хотя совершенно верно, что отправление уголовной юрисдикции в столицах президентств не вызывало возражений, это все же было связано с тем, что британское общественное мнение и влияние Верховного суда в этих городах сильнее, чем в других, более отдаленных частях Империи. Г-н судья Скотт прекрасно возражает, что очевидный ответ таков: «Расовые предрассудки, возможно, все это время причиняли вред мусульманам, парсам, туземным христианам и европейцам, не являющимся британцами, и все же ни одной жалобы мы не слышали».

2) Возражают, что «туземный судья почти бессознательно подвержен влияниям, которые могут иногда искажать его суждения в делах с европейцами». Очевидный ответ заключается в том, что ни в гражданских, ни в уголовных делах, где европейцы не являются британцами, ни в британских делах в крупных городах этого не происходило. Кроме того, следует помнить, что, выполняя официальные требования на получение должности магистрата, туземец вынужден терять касту и подвергаться такому влиянию, что, как говорит лорд-главный судья Тернер, «их земляки считают их более или менее чужаками».

Достопочтенный Х. Л. Бейли, исполняющий обязанности главного судьи в Бомбее, решительно выступает против законопроекта Илберта. Он

говорит: «Я отрицаю, что туземный судья или магистрат в мофуссиле, независимо от того, является ли он государственным служащим или нет, может судить европейского британского подданного. По моему мнению, он совершенно некомпетентен, и само его присутствие на судейской скамье, скорее всего, приведет к расширению и без того очень распространенной в этой стране практики (согласно моему опыту, никоим образом не ограничивающаяся мофуссилом) предъявления ложных обвинений на основании добытых подкупом ложных доказательств против лиц другой расы, которым желательно причинить вред или устранить». Это очень сильное заявление, но оно побеждает само себя своей мощью. Были ли успешно выдвинуты туземными судьями такие ложные обвинения против европейцев-иностранцев или уроженцев Соединенных Штатов? Все они были бы людьми разных рас. Выдвигали ли туземные судьи подобные успешные обвинения против английских граждан в столицах президентств? Самый эффективный ответ достопочтенному исполняющему обязанности судьи Бейли дает другой представитель его коллегии, г-н судья Уэст. Он заявляет, «что единственные безопасные принципы, на которых можно основываться, противоположны тем, которые так энергично излагал исполняющий обязанности главного судьи. Если заговоры и ложные обвинения так распространены, как он думает, если злоба и лжесвидетельство настолько универсальны и настолько успешны, то это ужасное пятно на характере коренных жителей, но также – пятно и на британском управлении Индией». По правде говоря, если это возражение действительно и обоснованно, то ни в одной части Индии не должно быть местных магистратов или судей. Достопочтенный Бадруддин Тайябджи из Верховного суда Бомбея утверждает, что эти трудности преувеличены, и добавляет: «Они с одинаковой силой возникают по всей Индии и во всех других делах (как гражданских, так и уголовных), в которых замешаны местные жители… Замена индийского судьи европейцем ни в малейшей степени не повлияет на этот вопрос. Европейский судья не может отличить истинное обвинение от ложного просто потому, что принадлежит к другой расе. Для этого он должен обладать природными способностями, знанием закона и судебным опытом. Но это именно те качества, которые можно найти у индийских судей, к которым относится этот законопроект. Кроме того, если индийские судьи обладают достаточной квалификацией, чтобы рассматривать дела об убийстве и выносить смертные приговоры уроженцам Индии (а также американцам и европейцам, не являющимся британцами), представляется неразумным предполагать, что они не способны осуществлять небольшую юрисдикцию, которую этот законопроект предоставляет им в отношении европейских британских подданных». Даже если законопроект вступит в силу, мировой судья первого класса сможет

приговорить европейского британского подданного только к трехмесячному тюремному заключению и штрафу в 1000 рупий, а сессионный судья не может заключать в тюрьму более чем на один год, в то время как европейский британский подданный может претендовать на присяжных, может обжаловать в Высоком суде или Сессионном суде любое наказание в виде штрафа или тюремного заключения (по которым обычно нет права на апелляцию), сколь бы незначительным оно ни было, и если он содержится под стражей до суда, он может подать ходатайство о том, чтобы предстать перед Высоким судом. Говоря словами достопочтенного губернатора Мадраса М. Э. Грант-Даффа – половина шума, поднятого в Индии против законопроекта Илберта, исходила от людей, которые не знают закона, по которому живут.

Чарльз Брэдло

Индийский национальный конгресс: что это такое и чего он требует?

За много недель до собрания огромного Конгресса в Бомбее (26 декабря) почти вся английская пресса, и особенно «Таймс», пророчила ему провал. Теперь тон главных оппонентов конгрессистского движения существенно изменился. В «Калькутта ревью» за январь текущего года г-н Х. Д. Филлипс, ее бывший редактор, джентльмен, занимающий высокий пост заместителя министра бенгальского правительства, говоря о Консультативном совете, предложенном эрлом Греем в 1861 г., пишет: «Настоящий Конгресс, хотя и не признанный законом, является советом такого рода. Его мнения и резолюции направляются правительству Индии и рассматриваются им». Активным деятелям и искренним сторонникам Конгресса будет приятно прочесть строки, вышедшие из-под пера члена бенгальского правительства. Осторожно написанная статья, занимающая несколько колонок «Таймс» от 22 января, полностью признает, что недавний Конгресс имел численный успех. Пришлось возвести огромное строение на 6000 человек, делегатов и посетителей, принимавших участие в работе, – 2063 человека присутствовали на открытии Конгресса, другие прибыли позже, и я еще не знаю точного числа. Посещаемость и поведение делегатов были замечательны, и строение Конгресса было плотно заполнено серьезной и внимательной аудиторией на протяжении всех трех дней прений. Многочисленные выражения лояльности британскому правлению были отчетливы, и их с энтузиазмом приветствовали. Дебаты проходили организованно, резолюции были выдержанными, а речи умеренными, хотя часто чрезвычайно красноречивыми, и, за очень небольшим исключением, использовался только английский язык. Это тем более примечательно, что делегаты приезжали издалека и почти со всех сторон компаса. То, что эти делегаты могли свободно говорить, и вся аудитория из 6000 индийских

джентльменов прекрасно понимала язык верховной державы, свидетельствовало, насколько западное образование распространилось среди этих азиатов за последние тридцать лет. В укор движению Конгресса говорят, что оно – всего лишь движение образованных индийцев. Но если ясно, что в выборах делегатов участвовало несколько миллионов человек (хотя со стороны друзей конгрессистского движения это вполне может быть хвастовством), тогда ясно и то, что образованные индийцы, рассеянные по всей Индийской империи, достаточно многочисленны, чтобы, по крайней мере, иметь право на внимательное отношение своих европейских правителей и собратьев-подданных. Несомненно, обучение английскими методами и на английском языке во многом связано с зарождением и развитием этого движения Конгресса, которое стремится вытеснить – и я верю, что вытеснит – старые способы насильственного выражения недовольства открытой, организованной и конституционной агитацией за парламентское устранение его причин. Одним из результатов высшего и разностороннего образования было развитие стремления и пригодности для участия в работе правительства. В своем нынешнем виде движение Конгресса очень молодо, хотя отдельные реформаторы за последнее десятилетие время от времени формулировали более или менее отчетливо многие его требования.

Первый Индийский национальный конгресс собрался в Бомбее в декабре 1885 года; на нем присутствовало 72 человека – меньше, чем в предметном комитете, избранном на нынешнем Конгрессе. В следующем году в Калькутте присутствовало 400 делегатов. В 1887 году в Мадрасе число делегатов увеличилось до 607, и оно выросло более чем в два раза на Аллахабадском конгрессе 1888 г., и более чем в три – на грандиозном собрании, только что прошедшем в лагере Конгресса в Бхайкхале в Бомбее. Сэр Ричард Гарт, в прошлом главный судья Бенгалии, два года тому назад писал: «Как бы ни утверждали обратное, несомненно, что джентльмены, присутствовавшие на этих конгрессах, по большей части занимают высокое общественное положение и являются признанными лидерами туземной мысли и общественного мнения». Нет никаких оснований утверждать, что собрание в Бомбее показало какой-либо упадок качества делегатов. Возражают, что Конгресс – это индусское движение. Это верно лишь постольку, поскольку большинство делегатов – индусы, а это происходит потому, что большинство населения Индии – индусы. «Таймс» твердит, что на Конгрессе присутствовало лишь несколько делегатов-мусульман. Я отвечу, что в этом неофициальном парламенте индийского народа присутствовало больше мусульман, чем консервативный лидер сможет найти консерваторов в британской палате общин в ходе любой части текущей сессии. Как правило, действительно, мусульмане в нашей

Азиатской империи принимали сравнительно небольшое участие в торговых делах, в промышленных предприятиях или широкой образовательной деятельности. Несколько лет назад главный мусульманин в Калькутте сетовал на «отсталость» своих единоверцев «от требований времени, и, таким образом, в гонке соперничества с другими народами». Есть, конечно, блестящие исключения, и таких исключений становится все больше и больше, поскольку западное образование постепенно влияет на миллионы мусульман и индусов, живущих бок о бок под властью, не являющейся властью ни тех, ни других. Но едва ли справедливо осуждать индийское конгрессистское движение за то, что основная масса мусульман не принимает в нем активного участия; они в большинстве случаев также воздерживались от явно выгодных для себя движений. Сэр У. У. Хантер пишет: «Мы открываем школы для всех наших индийских подданных, независимо от вероисповедания или происхождения. Индусы, с их практическим талантом приспосабливаться к окружающим их фактам, процветали благодаря откровенному принятию этой системы образования. Но высшие классы мусульман с их расовой гордостью и полной презрения верой стояли в стороне и, таким образом, не могли претендовать на управление страной, которой они не так давно правили». Далее, говорят, что в стороне от движения стоят парсы. Как ни странно, самым первым моим впечатлением на Аполло-Бундер[587] было большое количество парсских головных уборов, владельцы которых были активны и заметны в приветствующей меня толпе. Следует помнить, что парсов в Британской Индии всего около 85 тысяч при населении в 210 млн человек, однако председатель приемного комитета достопочтенный Ф. Мехта был парсом, несколько членов этого комитета были парсами, умный и способный секретарь местного комитета Конгресса был парсом, и на сессии присутствовало 25 делегатов-парсов. Но нам скажут, что самые богатые парсы не посещают Конгресс. Я же отвечу, что никогда не слышал об управляющем Банком Англии или председателе Лондонского и Вестминстерского банка, отождествлявших себя с Лондонской лигой реформ двадцать три года назад, но все же ее главные требования теперь являются законом страны.

«Нынешняя конституция имперского и провинциальных законодательных советов несовершенна», – пишет «Таймс». Ни для кого не секрет, что несколько вице-королей и некоторые из самых способных и высокопоставленных английских чиновников в Индии признали эти недостатки. Конгресс с почтением, но самым настоятельным образом просит британский парламент помочь, приняв заблаговременные меры и только в ограниченной степени. Он просит увеличить число членов различных советов

[587] Пристань в Бомбее.

так, чтобы на каждый миллион населения приходилось по одному члену и чтобы по крайней мере половина из них могла избираться электоральным органом, создаваемым на основе ограниченного избирательного права. Конгресс не выдвигает требования о прямых выборах. Для избирателя, который должен избрать электоральные органы, которые в конце концов изберут членов советов, предложение Конгресса определяет следующее требование: он должен платить «платить налоги с доходов или ренту правительству или какому-либо вышестоящему землевладельцу в размере не менее 50 рупий в год с общей семьи; или платить прямые налоги (имперские, провинциальные или муниципальные) в размере не менее 10 рупий в год; или иметь доход в размере не менее 150 рупий в год; или быть членом местного или муниципального совета; или быть выпускником какого-либо университета». Избиратель дисквалифицируется, если является банкротом или неплатежеспособным, или был осужден в течение предыдущих десяти лет за преступление, не подлежащее освобождению под залог. Число электоральных представителей должно составлять 12 человек на 1 млн населения. Лицо, имеющее право быть избранным в качестве члена электорального органа, должно проживать в избирательном округе; должно иметь имущественный ценз в размере 1200 рупий в год, с теми же дисквалификациями; и именно орган, состоящий из этих представителей, должен избирать членов имперского и законодательных советов. И перед лицом этих условий «Таймс» всерьез утверждает, будто Конгресс предлагает предоставить избирательное право всем, включая «горные племена численностью 12 млн человек, которые питаются корнями, поклоняются демонам и на нынешней ступени развития гораздо ближе к дикарям, чем к цивилизованным людям»! В прошлом году со своего места в парламенте сэр Р. Темпл сказал: «Я давно думал, что выборные члены могут быть заменены назначаемыми членами различных законодательных советов», добавив, что он сам будет «готов выдвинуть умеренную и практичную схему для реализации этого принципа». Конгресс просит о том, чтобы члены советов в финансовых или внутренних вопросах не были как бессловесные собаки, что должно быть право на интерпелляцию. «Таймс» признает, что число членов советов может быть безопасно увеличено, и достоверно известно, что маркиз Дафферин придерживается той же точки зрения, и вице-король, как говорят, официально рекомендовал ее лорду Кроссу. «Таймс» признает, что «нет никаких серьезных политических возражений против распространения полномочий на интерпелляцию и обсуждение финансовых или даже всех внутренних вопросов, не затрагивающих иностранные дела».

На эти предложения сэр Ричард Гарт заявляет, что если парламент дарует расширение советов и предоставит право интерпелляции и запроса

на предъявление документов и счетов, то он глубоко убежден, что «они не только обеспечат Англии благодарность и доверие индийского народа, но и существенно увеличат силу и популярность правительства, и станут средством предоставления как государственному секретарю, так и палате общин ценной информации, которую невозможно получить в рамках нынешней системы». Это заявление индийского судьи самого высокого ранга и убежденного консерватора, несомненно, является ценным свидетельством в пользу предложений Конгресса.

Десять лет назад сэр У. У. Хантер отметил, что программа реформ Ассоциации Британской Индии просит «более независимой доли в законодательных советах Индии»; и этот выдающийся англо-индиец добавил: «Несомненно, что в недалеком будущем такая доля должна быть предоставлена индийскому народу». Эту уступку теперь предлагают в умеренных выражениях и примирительном духе.

Бомбейский Конгресс попросил меня, и я взял на себя обязательство воплотить множество его предложений в законопроект, по которому на нынешней сессии будет запрошено решение палаты общин. Г-н Филлипс в «Калькутта ревью» заявляет, что билль, проект которого я направил в Индию для критики, «слишком далеко зашел», и добавляет:

«Если необходимо расширить законодательные советы и ввести принцип представительства, такие изменения должны быть сделаны в предварительном порядке и защищены гарантиями. Принять билль г-на Брэдло в его нынешнем виде – значит вбивать клин не тонким, а толстым концом; это был бы даже не захват какой-то вспомогательной постройки, а сдача самой главной крепости. Если уйдут законодательные советы, следом стремительно уйдет и все остальное».

Инициаторы законопроекта считают, что эта мера достаточно продумана, и даже опасаются, что многие радикалы сочтут ее предложения слишком ограниченными. Если, однако, какие-либо дополнительные или другие гарантии обеспечат общее одобрение предлагаемого расширения состава законодательных советов и принятия принципа представительства, со стороны тех, кто отвечает за эту меру, не будет никаких колебаний в том, чтобы максимально полно и благоприятно рассмотреть любые поправки, направленные на обеспечение такого результата.

В документе, подготовленном в прошлом году г-ном У. Дигби, есть следующее эффективное сравнение (которое я рискну процитировать полностью) предложений Конгресса 1888 года и взглядов, приписываемых лорду Дафферину:

Предложения Конгресса	Предполагаемые рекомендации лорда Дафферина

Верховный совет	Верховный совет
1. Большее число членов	1. ...
2. Частично избираемый	2. Выборов нет, остается назначение
3. Члены должны иметь право на интерпелляцию	3. Интерпелляция по текущим внутренним вопросам, отличным от имперских
4. Бюджет ежегодно будет выноситься на обсуждение	4. Бюджет должен представляться каждый год независимо от того, вводится новое налогообложение или нет.
5. Вице-король обладает правом вето, но оно подлежит обжалованию в палате общин	5. Право вето без каких-либо оговорок, так же, как и сейчас
Провинциальные советы	Провинциальные советы
1. Большее число членов	1. Советы должны быть расширены
2. Часть членов подлежит избранию	2. Число назначаемых членов превышает число избираемых – не указано, на сколько
3. Члены должны иметь право интерпелляции	3. Должно быть гарантировано право на запрос
4. Все финансовые предложения должны представляться	4. Финансовые предложения всех видов должны обсуждаться
5. Вето с правом обжалования у вице-короля или палаты общин	5. Губернатор должен быть уполномочен отменять решения совета – *неизвестно, с какими ограничениями*

Г-н Дигби добавляет: «Если информация, касающаяся взглядов лорда Дафферина, настолько достоверна, насколько есть основания полагать, то умеренность и справедливость Конгресса, его цели и задачи очевидны».

Каждый из пяти Конгрессов заявлял о «настоятельной необходимости полного разделения исполнительной и судебной функций, с тем чтобы ни в коем случае эти две функции не совмещались в руках одного и того же

должностного лица». По этому поводу сэр Ричард Гарт настолько откровенен, что я привожу его слова без комментариев:

«Представьте себе активного молодого магистрата, который, услышав о каком-то дерзком ограблении, встревожившем окрестности, советуется, в первую очередь, с руководителями полиции, чтобы обнаружить преступника. После двух или трех тщетных попыток ему наконец удается – в этом он твердо уверен – найти подходящего человека; и затем он, все еще сотрудничая с полицией, наводит справки, получает информацию и собирает доказательства (через полицейское агентство), чтобы предъявить обвинения подозреваемому лицу.

Таким образом, ревностно выполнив свой долг на первом этапе дела, он затем, уже как судья, выясняет, достаточны ли собранные им самим доказательства для заключения под стражу; естественно, придя к выводу, что они достаточны, он, основываясь на тех же доказательствах, судит заключенного без помощи присяжных и выносит приговор.

Каким бы чудовищным это ни показалось английской публике, картина, которую я представил, ни в коем случае не преувеличена».

К этому содержательному отрывку я добавлю только следующее свидетельство из «Таймс»: «Теоретически все англичане согласны с Монтескье, который давным-давно установил, что нет свободы, если судебная власть не отделена от законодательной и исполнительной. Система, которая возлагает на сборщика налогов обязанности магистрата первого класса, безусловно, требует внесения поправок». Как заявил сэр Джон Горст в своем ответе на дебаты по бюджету 27 августа, в начале прошлого года другой вице-король, лорд Лансдаун, также высказался «за увеличение числа провинциальных советов и предоставление им дополнительных функций, включая право, при определенных ограничениях, задавать вопросы представителям исполнительной власти по общественным вопросам, а также право обсуждать ежегодные финансовые предложения», и, как добавил сэр Джон Горст, «государственный секретарь в целом согласился с этим мнением», и правительство должно либо внести и опубликовать собственный законопроект, либо благосклонно принять предложения Конгресса, представленные во вносимом мной законопроекте. Законопроект, однако, затрагивает лишь небольшую часть программы, изложенной в различных резолюциях Конгресса. Узкие рамки этого обзора позволят мне лишь вкратце изложить их здесь.

Есть несколько неоднократно подтвержденных требований Конгресса, которые, вероятно, необходимо упомянуть, и которые, ввиду нехватки места, здесь не нуждаются в аргументации, как то: 1) распространение системы судов присяжных на те части страны, где она сейчас не действует; 2) отмена предоставленных высоким судам полномочий отменять оправдательные приговоры; 3) обвиняемые в серьезных преступлениях должны

иметь право быть судимыми на судебных сессиях, а не одним магистратом. Резолюции в пользу трезвости уже получили подавляющее большинство голосов в палате общин. Резолюция, в которой содержится просьба о том, чтобы палата общин восстановила право (существовавшее до введения новых правил и непреднамеренно отмененное) поднимать вопросы о жалобах индийцев по бюджетному заявлению и обсуждать индийский бюджет со спикером в кресле, прежде чем утомленная палата опустеет на праздники, была поддержана как консервативными, так и радикальными членами палаты. Я также не думаю, что есть большая необходимость в пространном обсуждении на этих страницах неоднократных заявлений Индийских конгрессов о том, что существующая система управления полицией неудовлетворительна и должна быть реформирована. Это один из вопросов, который лучше всего было бы рассмотреть после тщательного парламентского расследования – расследования, торжественно обещанного, но до сих пор не проведенного. Резолюции в пользу экономии в различных государственных ведомствах и сокращения военных расходов встретят одобрение всех классов реформаторов, и политики всех партий согласятся с мнением, что «со стороны британского правительства неразумно поддерживать какие-либо препятствия потреблению серебра в производственных целях». Пошлины на золото и серебро приносят очень мало пользы, вызывают сильное раздражение и, в сочетании с правилами маркировки, практически запрещают ввоз в Англию некоторых очень красивых индийских серебряных изделий, препятствуя, таким образом, квалифицированной работе ремесленников в стране, где все виды производства нуждаются в особом поощрении. Резолюции с просьбой о создании военных колледжей в Индии, в которых туземцы могут обучаться военной карьере, и о разрешении местного волонтерства сопровождаются искренними выражениями лояльности британскому правлению, которые, по крайней мере, требуют, чтобы призыв был встречен в дружественном духе, в то время как протест против нынешнего закона об оружии обращает внимание на отсутствие у местных жителей возможности защитить себя даже там, где дикие животные обычно губят человеческие жизни, пожирают скот и уничтожают посевы. Даже «Таймс» признает, что «по мнению многих людей, эта жалоба вполне обоснована».

Резолюция, не лишенная сложностей, настоятельно предлагает правительству принять срочные меры с целью распространения постоянного сеттльмента на доходы с земли, во всяком случае, во всех полностью населенных и хорошо развитых районах страны. Система земельных доходов, которая значительно различается в разных частях Индии, во всей ее сложности описана сэром У. У. Хантером в книге «Индийская империя». О Панджабе современный автор говорит, что «в целом состояние является

нездоровым и унизительным», и этот автор, С. С Торберн, видный чиновник Бенгальской гражданской службы о мусульманской половине Панджаба говорит, что «что без некоторых радикальных изменений в основном гражданском праве и методах его применения, а для некоторых районов – в системе доходов, раздражение, которое сейчас находит выражение в случайных убийствах, жестоком обращении, ограблении надоедливого ростовщика или в сопротивлении конфискации скота, зерна или других предметов первой необходимости, скоро перерастет в широко распространенное недовольство». Эти серьезные слова сказаны не каким-либо из сторонников Конгресса, а взяты из сугубо официального источника; они непосредственно относятся примерно к шести с половиной миллионам людей, проживающих в районе, в котором автор служил на высоком посту. Для англичанина трудность при обсуждении любого предложения о постоянном сеттльменте увеличивается из-за различий в отношениях по вопросу земли и земледельцев, существующих в настоящее время в разных провинциях. Подавляющее большинство населения Индии – земледельцы, и в лучшие времена многие миллионы из них борются за существование при недостатке продовольствия. Около девяти лет назад сэр У. У Хантер заявил, что только в Бенгалии насчитывается 13 млн крестьян, которые «почти никогда не теряют чувства голода», и что «доля постоянно голодающих людей несколько меньше в других провинциях». Многие утверждают, что «постоянные сеттльменты» не обязательно являются безусловным благом. Сэр Ричард Гарт «как естественное следствие постоянного сеттльмента» в Бенгалии указывает, что «постоянно случается так, что между заминдаром, который платит арендную плату правительству, и райятом, обрабатывающим землю, есть не менее семи или восьми промежуточных владельцев земли, каждый из которых пытается получить как можно больше арендной платы от своего непосредственного арендатора». Г-н Торберн утверждает, что «после присоединения» в Панджабе «одной из самых неудачных реформ была замена фиксированной ренты теоретической эластичностью требований в районах с нестабильной продуктивностью». Индийская комиссия по борьбе с голодом в 1880 г. сообщила, что существует «значительное расхождение во мнениях относительно того, в какой степени депрессия сельскохозяйственных классов в Индии связана с системой сбора земельного дохода». Что несомненно, так это то, что весь вопрос о доходах от земли в Индии сопряжен с трудностями, и что в случае земель, подверженных затоплению в результате разлива рек, отсутствие затопления, или чрезмерное затопление, или слишком ранний или слишком поздний сход воды может быть фатальным для сельскохозяйственных работ. Все, о чем просит Национальный конгресс, – это чтобы правительство еще раз рассмотрело этот вопрос с целью принятия некото-

рых практических мер. Нет никаких попыток диктовать правительству какой-либо особый характер сеттльмента. Конгресс выражает надежду на то, что земельно-налоговые системы, признанные плохими и влекущие за собой непрерывные страдания миллионов, не останутся без реформ. По такой серьезной теме невозможно представить себе более умеренную резолюцию, а игнорирование этого призыва может спровоцировать и оправдать более резкие формулировки.

«Таймс» решительно возражает против предложения Конгресса о назначении постоянного комитета палаты общин, которому подавляющее большинство любого из советов могло бы представить любой вопрос, в отношении которого было применено вето вице-короля, губернатора или вице-губернатора, с тем, чтобы постоянный комитет имел полномочия по своему усмотрению передавать такой вопрос на рассмотрение всей палаты. «Таймс» настаивает на том, что результат принятия такого предложения был бы самым катастрофическим, поскольку подразумевал бы прямое вмешательство палаты в детали управления. Я отвечу, что сейчас палата имеет право вмешиваться таким образом, и очень редко делает это по просьбе частного члена. Я утверждаю, что предлагаемое право передачи ответственными членами законодательного совета любого спорного вопроса постоянному комитету не является сумасбродным требованием. Такой комитет, назначаемый палатой на каждую сессию, в подавляющем большинстве состоял бы из людей, особо уважаемых в каждой партии. Он, естественно, не слишком охотно склонный вмешиваться в дела исполнительной власти, будет действовать как своего рода большое жюри, определяющее, следует ли подавать апелляцию в Высокий суд парламента. «Таймс» жалуется, что в этом случае палата общин, «за несколькими блестящими исключениями, глубоко не осведомленная обо всех условиях индийской жизни, избранная еще более невежественными избирательными округами, стала бы настоящим управляющим». Но разве это хуже того, что решение должен принимать государственным секретарь, которого, возможно, выбрали не из-за каких-либо специальных знаний об индийских делах; который принимает решения тайно и часто на основе материалов, которые никогда не публиковались, и рекомендаций, которые никогда не были обнародованы? Могла ли какая-либо палата общин быть менее информированной об Индии, чем лорд Рэндольф Черчилль, когда его назначили на высокий пост руководителя того, что он сам назвал правительством, свободным от критики со стороны прессы, не подверженным влиянию общественного мнения, выраженного на больших публичных собраниях?

Едва ли требует слов протест против неразумного и несправедливого повышения налога на соль, особенно если вспомнить, что этот налог с

особой жестокостью давит на самых бедных. Это правда, что сэр Р. Темпл утверждал, будто «уроженцы Индии имеют самое легкое налогообложение среди всех народов на земле. Бедняк в Индии платит налог только с одного предмета, и это – соль». Нет необходимости обсуждать, может ли пошлина на доход с земли рассматриваться бедным земледельцем как налог по своей природе. Достаточно ответить, что в стране, где по крайней мере пятая часть населения всегда ощущает угрозу голода, абсурдно говорить о каком-либо легком для народа налогообложении. Сэр Р. Фаулер, сидящий на одной скамье с сэром Р. Темплом, и следующий за ним в дебатах, сказал: «Я рассматриваю налог на соль как тяжелое бремя для индийского народа и хочу, чтобы он был полностью освобожден от него». Желание сэра Роберта Фаулера могло бы осуществиться, если бы нынешние огромные военные расходы Индии были сокращены до разумных пределов.

В заключение, я осмелюсь отрицать мнение, что было бы справедливо рассматривать требования Конгресса или предложения, находящиеся сейчас на рассмотрении парламента, как «поспешные требования заблуждающихся друзей, требующих для народа власти, которой тот еще не готов обладать». Напротив, я утверждаю: а) что движение Индийского национального конгресса является полностью конституционным, и несколько миллионов человек уже проявляют к нему серьезный интерес; б) что число тех, кто поддерживает движение Конгресса, ежедневно увеличивается; и в) что его требования разумны, в целом очень умеренны и достойны тщательного рассмотрения в парламенте представителями британской нации.

Четвертая резолюция сессии ИНК 1886 г.

Настоящий Конгресс считает, что при практическом осуществлении этой важнейшей реформы следует учитывать (приняв во внимание те изменения, которые при детальном изучении вопроса могут быть приняты правительством) принципы, воплощенные в следующих предварительных предложениях:

1) Число лиц, составляющих законодательные советы, как провинциальные, так и совет при генерал-губернаторе, должно быть существенно увеличено. Не менее половины членов этих расширенных советов должны быть выборными. Не более четверти членов должны быть официальными лицами, занимающими места в советах ex officio, и не более четверти членов – официальных или неофициальных лиц – должны назначаться правительством.

2) Право избирать членов в провинциальные советы должно предоставляться только тем классам и членам общества, которые prima facie

способны осуществлять это мудро и независимо. В Бенгалии и Бомбее советники могут избираться членами муниципалитетов, окружных управ, торговых палат и университетов, или же всеми лицами, обладающими такой образовательной и финансовой квалификацией, которая может быть сочтена необходимой. В Мадрасе советники могут избираться либо окружными управами, муниципалитетами, торговыми палатами и университетами, либо выборными коллегиями, составленными из членов, частично избираемых этими организациями, частично назначаемых правительством. В Северо-Западных провинциях и Ауде и в Панджабе советники могут избираться выборными коллегиями, составленными из членов, избираемых муниципальными и окружными управами, и членов (в количестве не более шестой части от общего их числа), назначаемых правительством, при этом понимается, что избирательная система, действующая сейчас в отношении муниципальных управ, будет применяться и в отношении окружных управ, и право избирать членов в последние будет расширено на обрабатывающие классы. Однако какая бы из систем ни была принята (детали нужно разрабатывать отдельно для каждой провинции), нужно позаботиться о том, чтобы все части общества и все важнейшие интересы были представлены в достаточной степени.

3) Выборные члены совета при генерал-губернаторе для принятия законов должны избираться выборными членами нескольких провинциальных советов.

4) Ни один выборный или назначаемый член совета не будет получать жалования или вознаграждения в силу этого членства, но члены, уже получающие какое-либо правительственное жалование или пособие, будут продолжать получать его без изменений в течение всего срока членства; все члены имеют право на возмещение любых дорожных расходов, связанных с их членством.

5) Все лица, проживающие в Индии, имеют право быть членами совета, выборными или назначаемыми, без различия расы, вероисповедания, касты или цвета кожи.

6) Любые законодательные меры и финансовые вопросы, включая все бюджеты, независимо от того, предполагают они новые налоги или повышение существующих или нет, должны быть обязательно представлены в советы и рассмотрены ими. В отношении любой другой ветви управления любой член вправе после надлежащего уведомления обратиться с любым запросом, какой сочтет нужным, к членам совета ex officio (или тому из них, кто несет ответственность за конкретную отрасль управления), и вправе (за исключением случаев, указанных ниже) получить ответ на свой запрос вместе с копиями любых документов, необходимых для полного понимания предмета, и на основании этого ответа совет вправе проводить

обсуждения по данному вопросу и выносить такие резолюции, какие сочтет необходимым большинство членов совета. Если же предмет, в отношении которого сделан запрос, касается вопросов внешней политики, военных распоряжений или стратегии, или иных вопросов, передача информации по которым, по мнению исполнительной власти, поставит под угрозу государственную безопасность, исполнительная власть должна располагать полномочиями инструктировать ex officio членов отвечать на запрос соответствующим образом и отказать в предоставлении запрашиваемой информации.

7) Исполнительная власть обладает полномочиями отменять решения, принятые большинством совета, во всех случаях, когда, по ее мнению, принятие такого решения может нанести вред общественным интересам; но всякий раз, когда эти полномочия применяются, в течение одного месяца должно быть опубликовано полное изложение причин, на основании которых это было признано необходимым; в том случае, если подобное решение принято местными органами власти, они должны сообщить об обстоятельствах дела и разъяснить свои действия правительству Индии; если подобное решение принято правительством Индии, оно должно сообщить об обстоятельствах дела и разъяснить свои действия государственному секретарю; в любом таком случае по представлению большинства, чье решение было отменено, сделанному через посредство правительства Индии и государственного секретаря, постоянный комитет палаты общин (создание которого рекомендовано третьей резолюцией прошлогоднего Конгресса, подтвержденной настоящим Конгрессом) должен обладать полномочиями рассматривать вопрос, запрашивать какой-либо документ или все документы, и любую информацию, заслушивать любых лиц, представляющих указанное большинство, и т. п., и затем, если необходимо, докладывать об этом палате общин.

Резолюции сессии ИНК 1889 г.

Резолюция 1

От имени собравшегося здесь Конгресса должно быть отправлено послание г-ну Чарльзу Брэдло, и г-да Адам, Ферозшах Мехта и В. Ч. Бонерджи составят комитет по подготовке формулировок данного послания.

Резолюция 2

Принят следующий набросок схемы реформы и переустройства совета при генерал-губернаторе для принятия законов и постановлений, а также провинциальных законодательных советов, и президент настоящего Конгресса передаст его на рассмотрение Чарльза Брэдло, эсквайра, члена пар-

ламента, с почтительным запросом Конгресса по поводу того, не мог бы он соизволить составить законопроект по принципам, изложенным в этом наброске, и внести его в британскую палату общин.

Схема

а) Имперский и провинциальные законодательные советы состоят из членов, не менее половины из которых являются выборными, не более четверти занимают места ex officio, остальные назначаются правительством.

б) Налоговые округи составляют обычные территориальные единицы для электоральных целей.

в) Все британские подданные мужского пола старше 21 года, обладающие определенными квалификациями и не подлежащие определенным дисквалификациям (которые будут определены позднее) являются избирателями.

г) Избиратели в каждом округе выбирают представителей в один или более избирательных органов в соответствии с местными условиями из расчета 12 человек на миллион от общей численности населения округа; такие представители должны обладать определенными квалификациями и не подлежать определенным дисквалификациям (которые будут определены позднее).

д) Все представители, избранные таким образом всеми районами, находящимися в юрисдикции каждого избирательного органа, избирают членов в имперский законодательный совет из расчета один человек на пять миллионов от общей численности населения данной электоральной юрисдикции, и в законодательные органы своей провинции из расчета один человек на миллион жителей указанной юрисдикции, таким образом, чтобы когда бы парсы, христиане, мусульмане и индусы ни находились в меньшинстве, общее число парсов, христиан, мусульман и индусов (в зависимости от обстоятельств), избранных в провинциальные законодательные органы, по возможности, не находилось в меньшей пропорции к общему числу избранных членов, чем пропорция общего числа парсов, христиан, мусульман и индусов (в зависимости от обстоятельств) в данной электоральной юрисдикции к общему числу ее жителей. Члены обоих законодательных органов должны обладать определенными квалификациями и не подлежать определенным дисквалификациям (которые будут определены позднее).

е) Все выборы проводятся путем голосования.

Резолюция 3[588]

[588] Omnibus resolution.

Конгресс настоящим ратифицирует и подтверждает резолюции, принятые предыдущими Конгрессами, в том, что касается:

а) настоятельной необходимости полного разделения исполнительной власти и судебных функций, которые ни в коем случае не должны соединяться в руках одного и того же должностного лица;

б) целесообразности расширения на многие части страны системы судов присяжных, где они отсутствуют;

в) необходимости отозвать полномочия высоких судов отменять оправдательные приговоры судов присяжных, впервые данные им в 1872 г.;

г) необходимости введения в уголовно-процессуальный кодекс положений, наделяющих правом обвиняемых по делам особой тяжести требовать передачи дела из ведения магистрата в сессионные суды;

д) в высшей степени неудовлетворительного характера полицейского управления в Индии и абсолютной необходимости его основательного реформирования;

е) целесообразности создания военных колледжей в Индии, где ее уроженцы, как определено Статутом, могли бы обучаться и тренироваться для военной карьеры в качестве офицеров индийской армии, и санкционировании в соответствии с такими правилами и ограничениями, которые могут быть сочтены необходимыми, системы волонтерства для индийских уроженцев страны, способной обучить их поддерживать правительство при любом кризисе;

ж) крайне неудовлетворительного характера налога на доходы, особенно в отношении доходов ниже 1000 рупий, и целесообразности повышения облагаемого налогом минимума до этой суммы;

и) крайней важности увеличения, а не уменьшения (в чем наблюдается нынешняя тенденция) государственных расходов на образование во всех его отраслях, и необходимости (для продвижения наиболее важной из этих отраслей – технической) назначения смешанной комиссии для изучения промышленного состояния страны в настоящее время;

к) бесчестности и несправедливости, связанных с недавним повышением налога на соль во время прочного мира, острой необходимости немедленного снижения этого налога и повторного введения легких ad valorem ввозных пошлин, чтобы сбалансировать возникший таким образом дефицит;

л) необходимости сокращения, а не постоянного увеличения, военных расходов страны.

Резолюция 4

Настоящим Конгресс выражает искреннюю благодарность г-дам Кейну и Смиту и членам [парламента], голосовавшим вместе с ними, в связи с

дебатами об индийских акцизах в палате общин; при этом, полностью осознавая, что было сделано некоторыми местными правительствами для улучшения систем акцизов и абкари[589] [в их провинциях], [Конгресс] желает выразить искреннюю надежду, что полное осуществление решения палаты общин начнется без промедления.

Резолюция 5

Настоящий Конгресс, выражая благодарность правительству Ее Величества за повышение возраста участия в конкурсных испытаниях в Индийскую гражданскую службу с 19 до 23 лет, свидетельствует о выражении всеобщего разочарования, вызванного остальными постановлениями этого правительства по вопросу о государственной службе, конечные результаты которых поставят индийский народ в худшее положение, нежели раньше, и подтверждает общенациональное убеждение, что Индия не получит подлинной справедливости в этом вопросе, пока не будут введены одновременные испытания в Индии и Англии для всех гражданских отделений государственной службы в Индии, которые в настоящее время проводятся только в Англии.

Резолюция 6

Принимая во внимание лояльность людей, лишения, которые влечет за собой Закон об оружии (XI от 1878 г.) в его нынешнем виде, и незаслуженное оскорбление, которое он им наносит, правительству следует изменить правила, принятые в соответствии с этим законом, с тем, чтобы все ограничения в отношении владения и ношения оружия применялись в равной степени ко всем лицам, проживающим в Индии или посещающим Индии; лицензии на владение и ношение оружия должны более свободно и широко распространяться везде, где дикие животные обычно наносят ущерб человеческой жизни, скоту или урожаю; эти и все прочие лицензии, выданные в соответствии с правилами, должны выдаваться раз и навсегда, действовать на всей территории провинции, в пределах которой они выданы, не подлежать ежегодному или полугодовому продлению, и могут быть отозваны только в случае доказательства их неправомерного использования.

Резолюция 7

Правительству следует вновь принять к рассмотрению вопрос о постоянной аренде с целью принятия практических мер по нему, таких, как распространение фиксированного и постоянного правительственного

---

[589] Продажа алкоголя.

налогового требования на доходы с земли без дальнейшего промедления, по крайней мере, на все густонаселенные и хорошо возделываемые территории страны.

Резолюция 8

Ввиду уже произошедшего падения цен на серебро и меновой стоимости индийской рупии, со стороны британского правительства было бы неразумно сохранять какие-либо препятствия для расходования серебра в целях производства; настоящий Конгресс настоятельно призывает правительство Ее Величества – не только в качестве акта справедливости для Индии (вопрос, который неоднократно доводился до сведения министров Ее Величества), но и в качестве акта целесообразности в интересах как британских, так и индийских подданных Ее Величества – немедленно отменить пошлины и сделать клеймение добровольным.

Резолюция 9

Настоящий Конгресс с уважением выражает искреннюю надежду на то, что в интересах индийского народа палата общин незамедлительно восстановит право, ранее принадлежавшее членам этой достопочтенной палаты, заявлять в Парламенте любой вопрос, вызывающий недовольство жителей Индии прежде, чем г-н спикер покинет свое место, дабы представить отчет в комитете по индийскому бюджету, и искренне надеется, что палата общин в будущем будет принимать к сведению годовой отчет по индийскому бюджету в такой срок, который обеспечит его полное и достаточное обсуждение, и, далее, уполномочивает президента, сэра Уильяма Уэддерберна, баронета, подписать от имени и по поручению настоящего Конгресса петицию для представления в палату общин в соответствии с положениями этой резолюции.

Резолюция 10

Решено, что ввиду предстоящего отъезда лорда Рея Конгресс свидетельствует о высокой оценке не только в Бомбейском президентстве, но и во всей Индии способностей, честности и беспристрастности, характеризовавших его управление, а также о признательности, которую испытывает вся страна, за сочувствие к индийским устремлениям и усилиям, которые он всегда проявлял.

Резолюция 11

Решено поручить предметному комитету урегулировать вопросы (оставшиеся открытыми в схеме реконструкции советов, представленной в

резолюции 2) о квалификациях, которым должен соответствовать, и дисквалификациях, которых не должен иметь

а) избиратель;

б) представитель;

в) член провинциального законодательного совета;

г) член имперского законодательного совета;

и представить свой отчет по этому вопросу Чарльзу Брэдло, эсквайру, члену парламента, для целей законопроекта, который ему было предложено составить.

Резолюция 12

Решено, что г-н А. О. Юм будет переизбран генеральным секретарем Индийского национального конгресса на следующий год.

Резолюция 13

Решено,

а) что, с учетом большого числа делегатов в этом году и вытекающей из прошлого опыта вероятности того, что их количество продолжит расти из года в год, впредь число делегатов, допущенных от каждого конгрессистского круга, ограничивается пятью делегатами на один миллион жителей этого круга. Постоянный комитет каждого круга распределяет число делегатов, которое ему позволено избирать, среди нескольких своих избирательных округов так, как сочтет целесообразным;

б) что с момента отъезда г-на Юма в Англию пандит Аюдхьянатх будет назначен сосекретарем и ему будет выделено 5 тыс. рупий для оплаты работы помощников, каких он сочтет необходимым нанять, канцелярских, почтовых, телеграфных и печатных расходов; далее, г-н В. Ч. Бонерджи будет назначен постоянным советником по Бенгалии, г-н Ферозшах Мехта – постоянным советником по Бомбею, и г-н Ананда Чарлу – постоянным советником по Мадрасу при сосекретаре.

в) что предварительные правила устройства и работы Конгресса, впервые рассмотренные в Мадрасе, в отношении которых время от времени возникали различные дополнения, должны быть тщательно рассмотрены в течение следующего года несколькими постоянными комитетами Конгресса и определенно рассмотрены Конгрессом на его следующей сессии.

г) что Конгресс настоящим подтверждает назначения сэра У. Уэддерберна, баронета, и г-д У. С. Кейна, члена парламента, У. С. Брайта Макларена, члена парламента, Дж. Э. Эллиса, члена парламента, Дадабхая Наороджи и Джорджа Юла в качестве комитета (с полномочиями включать в состав дополнительных лиц), чтобы направлять действия и

контролировать расходы Агентства Национального конгресса в Англии, и выражают свою искреннюю благодарность этим джентльменам и г-ну У. Дигби, секретарю, за услуги, которые они оказывают Индии.

д) что Конгресс официально назначает г-д Джорджа Юла, А. О. Юма, Адама, Эрдли Нортона, Дж. Э. Ховарда, Ферозшаха Мехта, Сурендраната Банерджи, Мономохана Гхоша, Шарфуддина, Р. Н. Мадхолкара и В. Ч. Боннерджи представлять его взгляды в Англии и настаивать на рассмотрении британской общественностью реформ, за которые выступает Конгресс.

е) что сумма в 45 тыс. рупий будет собрана на расходы Конгресса в нашей стране и в Англии в предстоящем году, и что различные постоянные комитеты направят соответствующим образом распределенные суммы генеральному секретарю: первую половину – за три месяца, всю сумму – за шесть месяцев.

Резолюция 14

Решено, что Шестой Индийский национальный конгресс соберется в некотором городе в Бенгалии (точное место будет определено позднее) 26 декабря 1890 г.

Резолюция 15

Решено, что Пятый Индийский национальный конгресс настоящим выражает сердечную благодарность своему президенту, сэру Уильяму Уэддерберну, как за его готовность принести в жертву личные и политические соображения в связи с поездкой из Англии в Индию, так и за его обходительность, беспристрастность и неизменную симпатию, которые, будучи характерными чертами его долгой и почтенной карьеры чиновника в нашей стране, знаменовали и его руководство заседаниями настоящего собрания.

Уильям Уэддерберн, президент Пятого Индийского национального конгресса, Бомбей, 31 декабря 1889 г.

Источники и литература

Источники

- Безант А. Теософия и новая психология / А. Безант. – СПб., 1915. – 150 с.
- Брэдло Ч. Атеизм. Достоинство, свобода и независимость. Рабство женщины / Ч. Брэдло. – СПб., 1907. – 48 с.
- Генеральный совет I Интернационала : протоколы, 1870–1871. – М., 1965. – 499 с.
- Генеральный совет I Интернационала : протоколы, 1871–1872. – М., 1965. – 480 с.
- Громбчевский Б. Л. Современное политическое положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром : воен.-полит. очерк / [Б. Л. Громбчевский]. – Новый Маргелан : тип. Ферган. обл. правл., 1891. – [2], 58 с.
- Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии / сост. С. Серебряный. – М. : Худ. лит., 1977. – 926 с.
- Короленко В. Г. Дневник. 1893–1894 / В. Г. Короленко – Полтава, 1926. – Т. 2. – 352 с.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – М., 1973. – Т. 20. – 583 с.
- Лесснер Ф. До и после 1848 года // Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956. С. 147–164.
- Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М., 1960–1965.
- Письма графа П. Василия. – СПб., 1888. – 486 с.
- Шоу Б. Полное собрание сочинений / Б. Шоу ; пер. Н. Эфроса и Н. Г-зера. – М., 1911. – Т. 2: Человек и сверхчеловек. Комедия и философия. – LXIV, 252 с.
- Юм А. О. Избранные произведения об индийском национальном движении (1886–1894) / А. О. Юм. – Новосибирск : Сибпринт, 2019. – 375 с.
- Aligarh Institute Gazette. – Aligarh, 1889.
- Amrita Bazar Patrika. – Calcutta, 1870.
- Atheism and Anti-War Sentiments in the Bradlaugh Family, 1833–1948 // British Online Archives. – [S. l., s. a.]. – URL: https://microform.digital/boa/collections/48/atheism-and-anti-war-sentiments-in-the-bradlaugh-family-1833-1948 (access date: 11.02.2022). – Access mode: for registered users.
- Banerjea S. A nation in making / S. Banerjea. – Bombay : Oxford University Press, 1963. – 389 p.
- Banerjea S. N. Speeches by Babu Surendra Nath Banerjea / S. N. Banerjea. – Calcutta : S. K. Lahiri & Co., 1894. – 236 p.
- Beck T. Essays on Indian topics / T. Beck. – Allahabad: The Pioneer Press, 1888.
- Besant A. An Autobiography / A. Besant. – London : T. Fisher Unwin, 1893. – 368 p.
- Birmingham Daily Gazette. – Birminghan, 1868.

- [Bradlaugh C.]. To the electors and inhabitants of Northampton. – [Northampton, 1874]. – 1 p.
- Bradlaugh C. A few words on the Christian creed / C. Bradlaugh. – London, [s. a.]. – 15 p.
- Bradlaugh C. Five dead men whom I knew when living: Robert Owen, Joseph Mazzini, Charles Sumner, J. S. Mill, and Ledru Rollin / C. Bradlaugh. – London, [1882]. – 30 p.
- Bradlaugh C. Socialism: Its fallacies and dangers // The North American Review. 1887. Vol. 144, № 362. P. 12–21.
- Bradlaugh C. Some objections to socialism / C. Bradlaugh. – London, 1884. – 16 p.
- Bradlaugh C. Speeches / C. Bradlaugh. – London, 1890. – 212 p.
- Bradlaugh C. The Bible. What it is / C. Bradlaugh. – London, 1870. – 434 p.
- Bradlaugh C. The Impeachment of the House of Brunswick / C. Bradlaugh. – Boston, 1875. – 5th ed. – 160 p.
- Bradlaugh C. The Radical Programme / C. Bradlaugh. – London, 1885. – 16 p.
- Bradlaugh C. The real representation of the people / C. Bradlaugh. – London, [s. a.]. – 16 p.
- Bradlaugh C. The right to affirm: instructions to witnesses, jurors, and others / C. Bradlaugh. – London, 1889. – 8 p.
- Buckingham Express. – Buckingham, 1875.
- Civil & Military Gazette. – Lahore, 1882–1890.
- Congreve R. India / R. Congreve. – London : John Chapman, 1857. – 35 p.
- Cotton H. England and India. An address delivered at the Positivist School, Chapel Street, London / H. Cotton. – London : Kegan Paul, Trench & Co, 1883. – 44 p.
- Cotton H. New India, or, India in transition / H. Cotton. – London : Kegan Paul, Trench & Co, 1885. – 184 p.
- Cotton H. The Prospects of Moral Progress in India // The Fortnightly Review. 1878. Vol. 24 (30). P. 387–398.
- Coventry Times. – Coventry, 1861.
- Crawford A. T. Our troubles in Poona and the Deccan / A. T. Crawford. – Westminster : Archibald Constable & Co., 1897. – XX, 253 p.
- Dadabhai Naoroji Correspondence : in 2 vol. – Bombay : Allied Publishers, 1977. – Vol. 2, part 1: Correspondence with D. E. Wacha, 4.11.1884 to 23.3.1895. – 296 p.
- Daily News. – London, 1855–1885.
- Digby W. Condemned unheard: The Government of India and His Highness the Maharaja of Kashmir / W. Digby. – London : Indian Political Agency, 1890. – 226 p.
- Digby W. India's interest in the British ballot box / W. Digby. – London : Talbot Bros., 1885. – 112 p.
- Dufferin & Ava. Speeches delivered in India, 1884–8. – London : John Murray, 1890. – 298 p.
- East Kent Times. – Canterbury, 1859.
- East London Observer. – London, 1871.
- Edinburgh Evening News. – Edinburgh, 1884.

- Eight hours' movement : verbatim report of a debate between Mr. H. M. Hyndman and Mr. C. Bradlaugh. – London, [1890]. – 48 p.
- The Englishman. – Calcutta, 1882.
- Essays, speeches, addresses and writings (on Indian politics) of the Hon'ble Dadabhai Naoroji. – Bombay, 1887.
- Express. – London, 1868.
- Glasgow Herald. – Glasgow, 1876.
- Globe. – London, 1877.
- God, man and the Bible : three night's discussion between the Rev. Joseph Baylee and Mr. C. Bradlaugh. – London, [1860]. – 39 p.
- Gordon F. H. Letters on the Bradlaugh Question. – Accrington, 1882. – 15 p.
- Hansard's Parliamentary Debates. – Third series. – London, 1875. – Vol. 225.
- Hansard's Parliamentary Debates. – Third series. – London, 1887. – Vol. 310.
- Hansard's Parliamentary Debates. – Third series. – London, 1887. – Vol. 315.
- Hansard's Parliamentary Debates. – Third series. – London, 1888. – Vol. 322.
- Hansard's Parliamentary Debates. – Third series. – London, 1888. – Vol. 324.
- Hansard's Parliamentary Debates. – Third series. – London, 1888. – Vol. 331.
- Hansard's Parliamentary Debates. – Third series. – London, 1889. – Vol. 333.
- Hansard's Parliamentary Debates. – Third series. – London, 1889. – Vol. 334.
- Hansard's Parliamentary Debates. – Third series. – London, 1890. – Vol. 341.
- Hillier W. Should Christians Support Mr. Bradlaugh, the Avowed Atheist, in His Attempt to Get into Parliament? – Exeter : "Gazette and Telegram" Office, 1883. – 24 p.
- Hindoo Patriot. – Calcutta, 1883.
- Holyoake G. J. Sixty years of an agitator's life / G. J. Holyoake. – London : T. Fisher Unwin, 1892. – Vol. 2. – 320 p.
- Hyndman H. M. Further Reminiscences / H. M. Hyndman. – London : Macmillan & Co., 1912. – 545 p.
- Iconoclast [Bradlaugh C.]. Jesus, Shelley, and Malthus; or, Pious poverty & heterodox happiness / Iconoclast. – London, 1861. – 16 p.
- Iconoclast. [Bradlaugh C.]. Is there a God? / Iconoclast. – [London, s. a.]. – 8 p.
- Illustrated London News. – London, 1868.
- India in England. – Lucknow : G. P. Varma & Brothers Press, 1889. – Vol. 1–2.
- India. – London, 1890.
- Indian Daily News. – Calcutta, 1882–1883.
- Indian Statesman. – Calcutta, 1875.
- John Bull. – London, 1850.
- Leeds Mercury. – Leeds, 1888.
- Leicester Guardian. – Leicester, 1865
- Liverpool Daily Post. – Liverpool, 1868.
- London Evening Standard. – London, 1873.
- Manchester Courier and Lancashire General Advertiser. – Manchester, 1889.
- Manchester Evening News. – Manchester, 1875.
- Manchester Guardian. – Manchester, 1890.

- Mistrust Anglo-Indian Opinion : Indian Leaflets № 5 [by British Indian Association]. – [S. l., s. a.]. – 2 p.
- Morning Advertiser. – London, 1872.
- Morning Post. – London, 1859.
- Morpeth Herald. – Morpeth, 1886..
- Mr. Bradlaugh and the House of Commons: From a Hindoo Point of View. – London : W. Swan Sonnenschein, 1884. – 56 p.
- Mr. Bradlaugh on the river's bank, or, The idiot & Newfoundland dog its moral, – and present political application. – [Northampton, 1874]. – 1 p.
- National Archives of India (NAI). Foreign department. Secret E.
- National Reformer. – Sheffield, 1865–1880.
- Newcastle Evening Chronicle. – Newcastle, 1889.
- Northampton Mercury. – Northampton, 1868–1889.
- Proceedings of the 1st Indian National Congress, held in Bombay on the 28th, 29th and 30th December, 1885. – Madras, 1905.
- Rai L. L. Writings and Speeches : in 2 vol. / L. L. Rai. – Delhi ; Jullundur : University Publishers, 1966. – Vol. 1 : 1888–1919. – 487 p.
- Report of the Fifth Indian National Congress. – Bombay, [s. a.]. – 236 p.
- Report of the Fourth Indian National Congress. – [S. l.], 1889. – 268 p.
- Report of the Sixth Indian National Congress. – London : British Committee of the Indian National Congress, 1891. – 136 p.
- Report on native papers for the week ending 10th February 1883 [Bengal]. – URL: https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.26163851
- Report on native papers for the week ending 17th February 1883 [Bengal]. – URL: https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.26163852
- Report on native papers for the week ending 23th November 1889 [Bengal]. – URL: https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.26164845
- Report on native papers for the week ending 29th December 1883 [Bengal]. – URL: https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.26164159
- Report on native papers for the week ending 30th November 1889 [Bengal]. – URL: https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.26164846
- Report on native papers published in the Bombay Presidency and Berar for the week ending 10th February 1883. – URL: https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.25480181
- Report on native papers published in the Bombay Presidency for the week ending 30th November 1889. – URL: https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.25635790
- Reynolds's Newspaper. – London, 1868–1872.
- Secularism : report of a public discussion between the Rev. Alexander J. Harrison and Mr. Charles Bradlaugh, held in the New Town Hall, Newcastle-upon-Tyne, on the evenings of Sept. 13 & 14, 1870. – London, 1870. – 79 p.
- Secularism : unphilosophical, immoral, and anti-social : verbatim report of a three nights' debate between the Rev. Dr. McCann and Charles Bradlaugh, in the Hall of Science, London, on December 7th, 14th, and 21st, 1881. – London, 1881. – 100 p.

- Secularism, scepticism, and atheism : verbatim report of the proceedings of a two nights' public debate between Messrs. G.J. Holyoake & C. Bradlaugh. – London, 1870. – 85 p.
- Selected works of Allan Octavian Hume. – New Delhi : Oxford University Press, 2004. – Vol. I: 1829–1867. District administration in North India, rebellion and reform. – 786 p.
- Selections from the Vernacular Newspapers published in the Panjab, North-Western Provinces, Oudh, Central Provinces, Central India and Rajputana, received up to 16th January, 1884. – URL: https://www.jstor.org/stable/saoa.crl.24979357
- Shields Daily Gazette. – South Shields, 1881.
- Showing the seditious character of the Indian National Congress and the opinions held by eminent natives of india who are opposed to the movement. – Allahabad: The Pioneer Press, 1888.
- Sir Syed Ahmed on the Present State of Indian Politics. Allahabad: The Pioneer Press, 1888.
- Source material for a history of the freedom movement in India (collected from Bombay Government Records). – Bombay: Government Central Press, 1958. – Vol. 2: (1885–1920).
- South Wales Daily News. – Cardiff, 1889.
- Speeches and published resolutions of Lord Ripon, Viceroy of India, from June 1880 to May 1882. – Calcutta, 1882. – 369 p.
- Speeches delivered at luncheon given in honour of sir W. Wedderburn, Bart. (President-elect of the Congress session to be held in Bombay, December 26-28, 1889), at the National Liberal Club, London, on Friday, December 6, 1889. – London, 1889. – 45 p.
- St James's Gazette. – London, 1887.
- Stroud News and Gloucestershire Advertiser. – Stroud, 1877.
- Sun & Central Press. – London, 1872.
- The autobiography of C. Bradlaugh : a page of his life written in 1873 for the „National Reformer“. – London : R. Forder, 1891. – 35 p.
- The Englishman’s Overland Mail. – Calcutta, 1890.
- The Friend of India and Statesman. – Calcutta, 1883.
- The Ilbert Bill : a collection of letters, speeches, memorials, articles, etc. stating the objections to the Bill. – London, 1884. – 165 p.
- The National Archives of United Kingdom. CAB 37.
- The Pioneer. – Allahabad, 1890.
- The Queen v. Charles Bradlaugh and Annie Besant : (Specially reported). – London, [1877]. – 324 p.
- The Scotsman. – Edinburgh, 1883.
- The Times of India. – Bombay, 1882–1890.
- The Times. – London, 1871.
- The Tribune. – Lahore, 1885.
- Toronto Daily Mail. – Toronto, 1888.

- UK Parliamentary Papers // ProQuest. – [S. l., s. a.]. – URL: https://parlipapers.proquest.com (access date: 12.02.2022). – Access mode: for registered users.
- Varley H. Mr. Bradlaugh proved utterly unfit to represent any English constituency : an appeal to the men of England. – London, 1884. – 24 p.
- West London Times. – London, 1865.
- Will socialism benefit the English people? : verbatim report of a debate between H. M. Hyndman and Charles Bradlaugh, held at St. James' Hall on April 17th, 1884. – London, 1884. – 40 p.
- Young India. – Bombay, 1930.

Литература

- Глеб М. В. Имперская идея в Великобритании (вторая половина XIX в.) / М. В. Глеб. – Минск : Белорусская наука, 2007. – 192 с.
- Дронова Н. В. Традиции имперского мышления и новации имперской пропаганды в Великобритании в 70-е годы XIX века // Новая и новейшая история : межвузовский научный сборник. Саратов, 2004. С. 151–169.
- Симонов А. В. Империя и колониализм в полемике британских интеллектуалов во второй половине XIX – начале XX века // Интеллигенция и мир. 2014. № 2. С. 138–146.
- Скороходова Т. Г. Младобенгальцы. Очерки истории социальной мысли Бенгальского Возрождения / Т. Г. Скороходова. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2012. – 320 с.
- Стецкевич М. С. Свобода совести в Англии: пути утверждения // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 1 (11). С. 8–13.
- Янжул И. И. Возрождение мальтузианства в современной Европе // Очерки и исследования. М., 1884. Т. 1. С. 39–167.
- Янжул И. И. Новый тип английского радикализма // Очерки и исследования. М., 1884. Т. 1. С. 1–38.
- Alexander N. Race in a Godless World : Atheism, Race, and Civilization, 1850–1914 / Nathan Alexander. – Manchester : Univ. press, 2019. – 301 p.
- Arnstein W. L. Gladstone and the Bradlaugh Case // Victorian Studies. 1962. Vol. 5, № 4. P. 303–330.
- Arnstein W. L. Parnell and the Bradlaugh Case // Irish Historical Studies. 1963. Vol. 13, № 51. P. 212–235.
- Arnstein W. L. The Bradlaugh case : atheism, sex, and politics among the late Victorians / W. L. Arnstein. – Columbia, 1983. – 387 p.
- Arnstein W. L. The Bradlaugh Case: A Reappraisal // Journal of the History of Ideas. 1957. Vol. 18, № 2. P. 254–269.
- Banks J. A. The Bradlaugh-Besant Trial and the English Newspapers / J. A. Banks, O. Banks // Population Studies. 1954. Vol. 8, № 1. P. 22–34.
- Besant A. Charles Bradlaugh, a sketch of his life and work / Annie Besant. – San Francisco, 1891. – 39 p.

- Bradlaugh Bonner H. Charles Bradlaugh : a record of his life and work / Hypatia Bradlaugh Bonner. – London, 1894. – Vol. 1–2.
- Bradlaugh Bonner H. Did Charles Bradlaugh die an atheist? / H. Bradlaugh Bonner. – London, 1898. – 12 p.
- Bose S. C. The Indian Struggle, 1920–1942 / S. C. Bose. – Calcutta : Asia Publishing House, 1964. – 488 p.
- Champion of liberty: Charles Bradlaugh (Centenary volume). London : Watts & Co. ; Pioneer Press, 1933. – 346 p.
- Charles Bradlaugh; a sketch of his life and his services to India. – Madras : Natesan & Co., [s. a.]. – 61 p.
- Clayes G. Imperial Sceptics: British Critics of Empire, 1850–1920 / G. Clayes. – Cambridge, 2010. – 333 p.
- Craig D. M. The Crowned Republic? Monarchy and Anti-Monarchy in Britain, 1760–1901 // The Historical Journal. 2003. Vol. 46, № 1. P. 167–185.
- D'Arcy F. A. Charles Bradlaugh and the English Republican Movement, 1868–1878 // The Historical Journal. 1982. Vol. 25, № 2. P. 367–383.
- Davidson J. M. Eminent radicals out of Parliament / J. Morrison Davidson. – London : J. P. Fuller, 1880. – 119 p.
- Derek Holmes J. Cardinal Newman and the Affirmation Bill // Historical Magazine of the Protestant Episcopal Church. 1967. Vol. 36, № 1. P. 87–97.
- Encyclopedia of Nineteenth-Century Photography / ed. J. Hannavy. – New York ; London : Routledge, 2008. – Vol. 1. – XL, 764, 164 p.
- Foote G. W. Reminiscences of Charles Bradlaugh / G. W. Foote. – London : Progressive Publ., 1891. – 46 p.
- Gopal R. Indian Muslims: A Political History (1858–1947) / R. Gopal. New York : Asia Publishing House, 1959.
- Gopal S. The viceroyalty of Lord Ripon, 1880–1884 / S. Gopal. – London : Oxford University Press, 1953. – 245 p.
- Hay S. The Making of a Late-Victorian Hindu: M. K. Gandhi in London, 1888–1891 // Victorian Studies. 1989. Vol. 33, № 1. P. 74–98.
- Headingly A. The Biography of Charles Bradlaugh / Adolphe S. Headingly. – London : Remington & Co., 1880. – 332 p.
- Hirschmann E. «White Mutiny» : The Ilbert Bill crisis in India and genesis of the Indian National Congress / Hirschmann E. – New Delhi: Heritage Publ., 1980. – 331 p.
- Holyoake G. Y. Life and career of Charles Bradlaugh, M.P. / George Yacob Holyoake. – [S. l., 1891]. – 16 p.
- Hubbard E. Bradlaugh / Elbert Hubbard. – New York, 1907. – 54 p. – («Little journeys to the homes of great reformers» series).
- J. F. R. [J. F. Rayner]. Charles Bradlaugh, M. P., his portrait and biography / J. F. R. – Southampton : J. F. Rayner, 1881. – 31 p.
- Kaushik H. P. The Indian National Congress in England (1885–1920). – Delhi, 1972. – 204 p.
- Lavin D. Bradlaugh contra Marx : radicalism versus socialism in the First International / D. Lavin. – London : Socialist History Society, 2011. – 83 p.

- Lone A. S. British relations with the princely state of Jammu and Kashmir // Proceedings of the Indian History Congress. 2016. Vol. 77. P. 348–357.
- Mackay Ch. R. Life of Charles Bradlaugh, M.P. / Charles M. Mackay. – London : D.J. Gunn & Co, 1888. – 476 p.
- Martin B. Lord Dufferin and the Indian National Congress, 1885–1888 // Journal of British Studies. 1967. Vol. 7, № 1. P. 68–96.
- Martin B. New India, 1885 : A study of British official policy and the emergence of the Indian National Congress : diss. / Briton Martin jr. – Univ. of Pennsylvania, 1964. – 715 p.
- Masani P. R. Dadabhai Naoroji: The Grand Old Man of India / P. R. Masani. – London : G. Allen & Unwin, 1939. – 567 p.
- Mathur L. P. Lord Ripon Administration in India (1880–1884) / L. P. Mathur. – New Delhi : S. Chand, 1972. – 257 p.
- Matikkala M. Empire and Imperial Ambition: Liberty, Englishness and Anti-Imperialism in Late-Victorian Britain / M. Matikkala. – London ; New York : I. B. Tauris, 2011. – 304 p.
- Matikkala M. William Digby and the British Radical debate on India from the 1880s to the 1890s : diss. / M. Matikkala. – Univ. of Cambridge, 2004. – 117 p.
- Matikkala M. William Digby and the Indian question // Journal of Liberal History. 2008. № 58. P. 12–21.
- McCord N. British history 1815–1914 / N. McCord, B. Purdue. – Oxford : Univ. press, 2007. – 595 p.
- McLane J. R. Indian nationalism and the early Congress / J. R. McLane. – Princeton, 1978. – 418 p.
- Mehrotra S. R. A History of the Indian National Congress. Vol. 1: 1885–1918 / S. R. Mehrotra. – New Delhi : Vikas Publ. House, 1995. – 465 p.
- Mehrotra S. R. The emergence of the Indian National Congress / S. R. Mehrotra. – Delhi : Vikas Publications, 1971. – 467 p.
- Mehrotra S. R. Mid-Victorian Anti-Imperialists and India // Indian Economic & Social History Review. 1976. Vol. 13, № 2. P. 251–267.
- Mishra J. P. Lansdowne and the Indian National Congress // Quarterly review of historical studies. 1968. Vol. 8 (2). P. 84–90.
- Morrow M. D. The origin and early years of the British Committee of the Indian National Congress, 1885–1907 : diss. / M. D. Morrow. – University of London, 1977. – 413 p.
- Moulton E. C. The Early Congress and British Radical Connection // Indian National Congress: Centenary Hindsights. Delhi ; New York : Oxford Univ. Press, 1988. P. 22–53.
- Owen N. British Left and India: metropolitan anti-imperialism, 1885–1947 / N. Owen. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2007. – 352 p.
- Renford R. K. The non-official British in India to 1920 / R. K. Renford. – Delhi, 1987. – 468 p.
- Robertson J. M. Charles Bradlaugh / J. M. Robertson. – London : Watts & Co., 1920. – 122 p.

- Royle E. Radicals, secularists and republicans : popular freethought in Britain, 1866–1915 / E. Royle. – Manchester, 1980. – 392 p.
- Sajunlal K. A. Mr. Charles Bradlaugh, M.P. and the Indian National Congress // Proceedings of the Indian History Congress. 1958. Vol. 21. P. 523–535.
- Shipley S. Club life and socialism in mid-Victorian London / S. Shipley. – [Oxford], 1971. – 85 p.
- Singh H. L. Problems and politics of the British in India (1885–1898) / H. L. Singh. – London : Asia Publ. house, 1963. – 284 p.
- Singh N. N. British Parliament on the Indian Councils Act of 1892 // Proceedings of the Indian History Congress. 1968. Vol. 30. P. 280–284.
- Standring G. Biography of C. Bradlaugh, M. P. / George Standring. – London, 1888. – 16 p.
- Stephens M. Imagine there's no heaven : how atheism helped create the modern world / M. Stephens. – New York : Palgrave, 2014. – 328 p.
- The British : Their Religious Beliefs and Practices, 1800–1986 / ed. T. Thomas. – London ; New York : Routledge, 1988. – 254 p.
- The Infidel tradition from Paine to Bradlaugh / ed. E. Royle. – London, 1976. – 228 p.
- Tribe D. President Charles Bradlaugh, M.P / David Tribe. – London : Elek Books, 1971. – 391 p.
- Turrell R. V. Conquest and Concession: The Case of the Burma Ruby Mines // Modern Asian Studies. 1988. Vol. 22, № 1. P. 141–163.
- Wolfe W. From radicalism to socialism : men and ideas in the formation of Fabian Socialist doctrines, 1881–1889 / W. Wolfe. – New Haven ; London : Yale Univ. press, 1975. – 333 p.
- Yasin M. British Paramountcy in Kashmir 1876–1894 / M. Yasin. – New Delhi, 1984.

Оглавление

Введение ... 3
Часть I. Англия ... 14
Глава 1. Атеизм, Мальтус и женщина из Кольчестера ... 14
Глава 2. Заблуждения и опасности социализма? ... 28
Глава 3. Присяга на верность ... 45
Часть II. Индия ... 56
Глава 4. Империя и ее жемчужина ... 56
Глава 5. Рипон, «Белый мятеж» и Нортгемптонская речь ... 71
Глава 6. Конгресс в Англии и буря 1888 года ... 89
Глава 7. «Индийский чемпион»: сессия в Бомбее ... 103
Глава 8. 1890 год: парламент и Кашмир ... 118
Эпилог ... 134
Приложение ... 137
Брэдло Ч. Индия и билль Илберта ... 137
Брэдло Ч. Индийский национальный конгресс: что это такое и чего он требует? ... 142
Четвертая резолюция сессии ИНК 1886 г. ... 152
Резолюции сессии ИНК 1889 г. ... 154
Источники и литература ... 161

Научное издание

Никитин Дмитрий Сергеевич

«ИНДИЙСКИЙ ЧЕМПИОН»
Индия и Англия Чарльза Брэдло

Подписано в печать 03.06.2022. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 9,9. Тираж 100 экз. Заказ № 0603/2022
Отпечатано в типографии
ООО Издательство «Сибпринт»
630099, г. Новосибирск, ул. М. Горького, д. 39